

**БОРИС
ВАСИЛЬЕВ**

**ВЫ ЧЬЁ,
СТАРИЧЬЁ?**

**Повести
и рассказы**

Собрание сочинений Б.Васильева

Борис Васильев

Вы чьё, старичьё?
Повести и Рассказы

«ВЕЧЕ»

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Васильев Б. Л.

Вы чьё, старичьё? Повести и Рассказы / Б. Л. Васильев —
«ВЕЧЕ», — (Собрание сочинений Б.Васильева)

ISBN 978-5-4484-5236-9

В данную книгу включены повести и рассказы, повествующие о непростых судьбах простых людей, необходимости и неизбежности жизненного выбора и нравственной ответственности.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5236-9

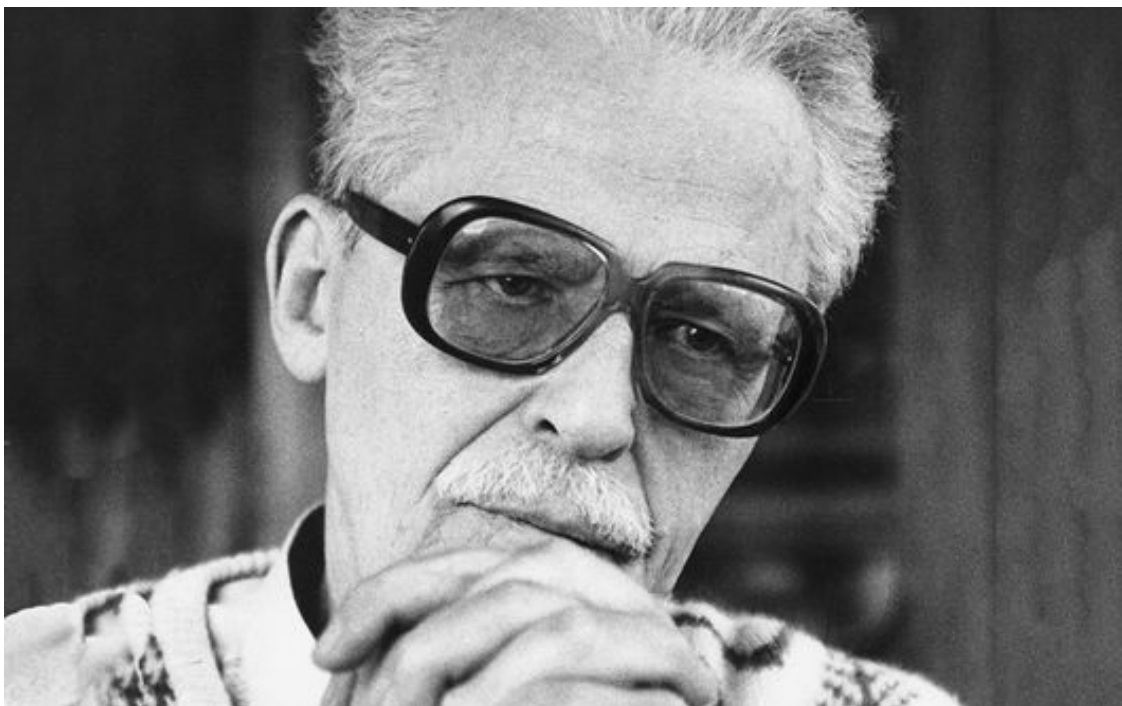
© Васильев Б. Л.
© ВЕЧЕ

Содержание

Вы чьё, старичьё?	6
Иванов катер	27
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Борис Львович Васильев

Вы чье, старичье?

Борис Васильев
(1924–2013)

© Васильев Б.Л., наследники, 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

Вы чьё, старичьё?

1

Жизнь Касьяна Нефедовича Глушкова – естественно, в порядке исключения – развивалась не по спирали, а кольцеобразно, и старость аккуратно совпала с детством. Не по уму-разуму, а по странному присутствию беспомощной наивности, которая при почтенной седине выглядела вполне замшело. Одним словом, каким бы заветным то слово ни было, человека не выразить. Однако если представить некое сито, ссыпать в это сито все особенности, черты и черточки характера да потрясти, то в сите оказалась бы наиболее крупная частица, и применительно к деду Глушкову частица эта определилась бы, пожалуй, так: созерцатель. Мы как-то утратили такое понятие в быстротекущей жизни нашей, а потому хотелось бы напомнить, что Владимир Даль в «Толковом словаре» определяет особенность подобных людей как способность обращать внутрь, в себя, всю деятельность, противопоставляя им эпитеты «дельный», «деловой», «жизненный», «практический» и тому подобные. Касьян Нефедович был вполне жизненным, но отнюдь не деловым, а тем паче не практическим. Обладая зловещей способностью обращать какую бы то ни было деятельность внутрь самого себя, он не только не думал о том, над чем в данный момент трудятся его руки, но и не знал, куда несут его ноги. Сказать, что при этом он размышлял над чем-то, значило бы возводить на него напраслину: он решительно ни о чем не размышлял – он созерцал. Не разглядывал что-то конкретное, не слушал нечто одному ему ведомое, а всем существом своим воспринимал и увиденное, и услышанное, и ощущаемое. Он впитывал в себя мир целиком, не пытаясь анализировать данность или делать из нее какие-то выводы. Когда работал в колхозе, лошадь шла куда ей заблагорассудится; когда низведен был на должность пастуха, скотина блукала по окрестностям; и даже в армии, в которую был призван в угрюмом сорок втором, не утратил способности впадать в непонятную прострацию при самых жесточайших бомбежках.

– Спишь, Глушков?

А он не спал и не собирался спать: он не мог иначе. Просто не мог, как иные до седых волос не могут удивиться стихам или рассмеяться во все горло. Но поскольку ни он сам, ни какие бы то ни было медицинские светила феномена Касьяна Глушкова объяснить не смогли, началась чехарда, и Глушков за полста трудовых лет сменил несметное количество профессий, должностей, служб и работ. Упомнить их все было немыслимо, никакая трудовая книжка их не вмещала, справок Глушков отродясь нигде не брал, а если давали, то либо терял, либо сами эти справки куда-то девались совсем уж непостижимым образом. И кончилось тем, что по достижении им серьезного возраста последнее его руководство с великим облегчением отправило деда на заслуженный отдых с пенсией, цифра которой полностью отражала всю его служебную деятельность, но в обратной пропорции. Однако Касьяна Нефедовича пропорция эта не смущала и потому, что к деньгам он относился с тем же созерцательным спокойствием, и потому, что был крайне нетребователен к благам житейским, и потому, наконец, что в то время еще имел супругу, а значит, был сыт, одет и обут.

Женщины вообще питали к Глушкову слабость. Они всячески привечали его, жалели и подкармливали без всяких задних мыслей, как жалели бы и привечали ребенка. Инстинктивно чувствуя белизну его души, они безошибочно угадывали в нем и отсутствие целеустремленности, а потому и не пылали страстью. И только его родная и единственная Евдокия Кондратьевна любила его целиком, каков он есть. Она никогда не корила его, не досаждала поучениями, все понимала, все принимала, одна волокла семейный воз и, в конце концов, надорвалась.

– К Зинке поезжай, – через силу сказала она. – Пропадешь.

А он глядел в ее одутловатое, синюшное лицо, покорно кивал, моргал выцветшими глазами и кулаком утирал слезы. Ему было больно, страшно и пусто, но даже сейчас, слушая последний шепот последнего любящего его человека, он – созерцал. Созерцал смерть во всем ее жутком обличии, а не попрощался с той, кого забирала она из его неуютной, нелепой, всеми ветрами продутой жизни.

– Пропадешь...

Таким было прощальное слово Евдокии Кондратьевны, и Касьян Нефедович уловил не смысл его, а – место: последнее, как завет. И согласно завету написал Зинке бестолковое письмо. Писал он его на почте, куда пришел прямехонько с кладбища. Тыкал после каждой буквы ученической ручкой в чернильницу, шмыгал носом и очень боялся, что почтовые девушки, известные своей непреклонностью, обязательно выгонят его, не дав дописать, потому что на часах было уже без десяти шесть, дверь на запоре, а работники – за подсчетом выручки. Поэтому он, шесть раз написав, что «покойная маменька ваша Евдокия Кондратьевна перед смертью кланяться велела», так ни разу и не помянул, что ему-то самому велено не просто написать Зинке, а перебраться к ней доживать свой затянувшийся век.

Правда, написал он так не только со спеху, но и потому, что видел эту самую Зинку всего раз в жизни. Пять лет назад, когда его единственный сын Виктор привез ее на показ родителям. Привез вечером, увез утром – вот и все знакомство, и Касьян Нефедович никак не мог вспомнить ее лица. А сын Виктор через полгода после смотрин в непотребном виде попал под грузовик, и осталась одна ниточка между Зинкой и Касьяном Нефедовичем: Славик. Викторов сын и Касьянов внук.

Тут дверь хлопнула, и кто-то за его спиной встал. Дед испугался, что гнать начнут, еще ниже пригнулся и еще тише пером заскрипел. А уютный женский голос сказал:

– Царствие Дусе небесное. Может, ко мне переедешь? Дом большой, а нас трое всего: я, дочка да внучка. А где трое, там и четверо.

Оглянулся Глушков: Анна Семеновна позади, Нюра. Соседка и давняя знакомая: босиком вместе бегали. За дочкой, видно, зашла: дочка у нее на телеграфе работала.

– Вот Зинке пишу. Велела.

– Поезжай, – вздохнула Нюра. – А не уживешься, обо мне вспомни.

– Мать! – крикнули. – Ну чего он там? Закрываем!

Написал старик адрес, клей слезами размазал, опустил письмо в ящик и пошел в опустевший дом, не зная еще, что через десять дней продаст он его на дрова и отправится за четыреста с лишком верст в город, где жили незнакомая Зинка и ни разу не виданный им внучок Славик.

Багаж был невелик: старый чемодан со стариковским нарядом и корзинка с гостинцами. Зинке Касьян Нефедович вез материи на платье да старушечью теплую шаль, которые обнаружил в сундуке под совсем уж никчемным тряпьем, а Славику – зеленого надувного крокодила почти что в натуральную величину. Поверх подарков лежали два десятка сваренных вкрутую яиц и три ошипанные курицы – единственная стариковская живность, зарезанная недрогнувшей рукой вовремя похмелившегося бригадира. Вещи стояли под лавкой, поезд скрежетал и раскачивался, попутчики дремали, а Касьян Нефедович созерцал. Созерцал путешествие, купе жесткого вагона, темноту за окном и собственную жизнь, что катилась сейчас – он чувствовал это – по последнему этапу к последнему прибежищу.

2

...– Касьяшка! Касьяш, за гумнами большака расстреливают!

Рябой мужичонка в драной рубахе и холщовых подштанниках деловито копал могилу. Земля была сухой, неподатливой, а он рыл и рыл, оглаживая стенки и подбирая со дна осыпав-

шиеся комья. Ему было жарко и от солнца, и от старательной этой работы, он взмок, и пот темными кругами полз по рубахе от подмышек к костлявому хребту. А перед ним стояли шестеро солдат, что оставили белые при старосте, сам староста, священник отец Поликарп, мужики, бабы да ребятишки – вся деревня, словом. И пекло солнце, и копал большак могилу, и было тихо. А потом большак высунулся из могилы – она по грудь ему была – и спросил:

– Может, хватит?

Молчали солдаты, староста, священник отец Поликарп, мужики, бабы и ребятишки. Вся деревня молчала, потому что никто не знал, хватит или не хватит и сколько вообще земли положено при расстрелянии. И кто должен это решать, тоже еще не знали.

Большак опять покопался, поскреб лопатой, а потом вылез. И сел на свежий бугорок.

– Сильно земля у вас крутая.

Молчала деревня. Большак вытер лицо подолом рубахи, вздохнул:

– Испить ба.

Враз трое молодух из толпы брызнули. Одна – к колодцу, две – по погребам. Пока первая бадьей гремела, две другие уж из погребов вынырнули, и к большаку все три подошли одновременно: с водой, с молоком и с квасом.

– Спасибо, бабоньки, – сказал он и попил всего понемногу. – Вода у вас вкус имеет. Молочко отстоялося, холодненькое. А квасок-то, квасок – аж душа просветлела. Храни вас Христос, бабоньки.

И опять на землю сел, им же нарытую. Глядел на всех светло-голубыми глазами и виновато улыбался.

– От работы вот отрываю вас. Совестно.

– Обождите, – сказал тут отец Поликарп и шагнул вперед. – Может, никакой ты не большевик, а? Отвечай как на духу.

– Нет, батюшка, я есть большевик, хоть нигде и не записанный. Я слова товарища Ленина народу передаю и так считаю, что землю надо сызнова поделить. Поровну. По едокам, конечно.

– Агитация, – строго сказал староста. – Таких стрелять велено.

– Велено – значит, надо сполнять, – согласился большак. – Где встать-то мне?

– Да погоди ты! – закричал отец Поликарп. – Может, миру покаешься?

– Покайся! – загудели мужики. – А мы постегаем для порядку. Покайся, а? Сделай милость божескую, не вводи во грех.

– Спасибо, мужики, на добром слове, – улыбнулся большак и поклонился миру в пояс. – Только не могу я против совести. Надо бы все наделы по едокам обратно переделить. Поровну. Чтоб всем жизни по ровному ломтю отпущено было, чтоб у ребятишек животы с голодухи не пучило и чтоб бабы наши не старились бы к тридцати своим годкам.

Так сказал большак, и все бабы тихо заплакали, аккуратненько собирая слезы в концы головных платков.

– Агитировашь – значит, застрелить тебя придется, – вздохнул староста. – Вот морока! Может, самогоночки примешь для облегчения?

– Не могу, ты уж не серчай, – вежливо отказался большак. – У меня с ее голова по утрам болит.

– Так не будет же утра-то! – закричал тут староста. – Не будет, не будет!..

Помолчал большак. Потом улыбнулся, и глаза его светло-голубые тоже улыбнулись. С ним вместе.

– Будет, – сказал. – Обязательно даже будет. Это меня вы застрелите, а утро – нет. Не застрелишь утра-то, мужики вы мои родные! Хоть из тыщи ружей в него стреляй – не застрелишь...

... Может, так, а может, и не так убивали первого большевика в жизни Касьяна Глушкова. Он ведь и тогда не смотрел, а – созерцал и помнил не детали, а ощущения. И ощущений этих было два: большевик смерти не боялся, а Россия казнить не умела.

А поезд летел сквозь ночь и ветер с громом и скрипом, как летела когда-то сорвавшаяся с корней своих сама Россия на перегоне от станции Вчера до станции Завтра. И не было света ни за окном, ни в вагонах, и не было тепла ни там ни тут, и уже не было прошлого, и еще не виделось будущее. И только вера в это будущее светила людям и согревала их.

3

– Двадцать два с полтиной – и вся пенсия? – тихо спросила Зинка.

Оказалась она узловатой и безулыбчивой: таких и хмельные мужики за три улицы обходят. Смотрела тускло и так, будто все кругом ее загодя ненавидели, а говорила почти что без голоса. От этого безголосья Касьян Нефедович ежился пуще, чем от ухватов, по опыту зная, что за бабьим тишком такой скрывается грохот, крик и несурезица, какие и штрафная рота не натворит.

– И вся пенсия? – спросила.

Дед Глушков готов был провалиться сквозь все недра земли. Он привык считать, что пенсия – это так, вроде подарка под конец жизни, а цену подарка не спрашивают. Но тут спросили, тихо спросили, и Касьян Нефедович сразу почувствовал себя виноватым и в пенсии, и в одиночестве, и в сиротстве, и в том, что до сей поры не улегся еще на погосте. И сказал:

– Колхозная она.

– Так и колхозникам увеличивали, читала я.

– Оно конечно, увеличивали. Только колхозу-то боле нету. Он теперь – ферма при совхозе. А совхоз – другого района. А район...

– Ладно, – отрезала. – На кефир хватит. Кефир, он старичкам полезный.

Обрадовался Глушков: кефир так кефир, только б не выгнала. Засуетился, чего-то про район рассказывать принялся, но Зинка сразу ушла к соседям, и пришлось вместо рассказа надувать Славику крокодила. Полкомнаты зверюга заняла.

– Вот и спи на нем, – сказала Зинка, отревевшись у соседей.

Пугала, правда. Время пришло, и тюфячок на пол постелила и подушку с одеялом дала. Свернулся дед в углу за столом, накрылся с головой и храпанул в свое удовольствие, пока Зинка ногой не ткнула.

– Выгоню. Захрапишь еще – сразу выгоню.

С той поры пришлось Касьяну Нефедовичу со страхом спать вместо храпа. Однако и тут приспособился: при первом звуке своем просыпаться выучился раньше Зинки и глушить звук подушкой. И все пошло гладко, и все пошло мирно; под горку пошло вместе с последними годочками. До одного субботнего вечера и разговора с Зинкой и соседом Арнольдом Ермиловичем. Этот Арнольд Ермилович вместе с женой занимал меньшую комнату в их двухкомнатной квартире и ожидал прибавления в семействе. Он работал на ремонтном заводе, где и Зинка, но имел образование и стремление к справедливости.

– Подсобницей в магазин предлагают, – сказала Зинка. – Деньги заработаю, квартиру кооперативную куплю – так и замуж возьмут.

Дед играл с крокодилом и Славиком, когда Зинка вошла с соседом. Сосед курил и пока молчал, а зачем пришел – было непонятно.

– Хорошее дело, – сказал Касьян Нефедович.

– Шестьсот рублей просят за оформление.

Глушков молчал, хотя уже что-то почувствовал. Неладное что-то.

– Без денег магазин не оформит, дураков теперь нету, – продолжала Зинка. – А мне замуж надо.

– Замуж – дело справедливое, – поддержал сосед. – Пока молода.

– Шестьсот рублей, – вздохнула Зинка. – Нельзя такое место упускать, я с него через год кооператив куплю.

Дед понимал, что жмут они на него, но не понимал зачем. Отродясь он таких денег и в глаза не видывал и считал после сотни сразу «много».

– Так где же? Нету же.

– Есть, – тихо не согласился Арнольд Ермилович и ногтем сбросил пепел с сигареты. – Есть у вас, товарищ Глушков, такие деньги.

– Так как? – растерялся Касьян Нефедович. – Так нету ведь.

– Есть, – повторил сосед. – Вам как фронтовику пенсия положена, а вы ее не оформляли. Вот оформите – и деньги выплатят по полной справедливости.

– Так по справедливости я и не должен, – забормотал дед, для убедительности прижимая к тощей груди сухонький кулачок. – По справедливости я же в обозе, я же и стрелять-то не стрелял, и в меня разве что бомбы да если из пушек. Это же тем положено, кто кровь свою отдавал, которые с врагом сражались, когда я пшениный концентрат возил. Это же им...

– Все, – уронила Зинка. – Готовь бумаги, сама тебя в военкомат отведу. Там разберутся, что тебе положено.

Все было решено, и напрасно дед Глушков вякал несогласия. Зинка с соседом проверили все его бумажки, раздобыли, чего не доставало, и Зинка лично отконвоировала Касьяна Нефедовича в военкомат. Шел он в него как на казнь, потому что твердо был убежден, что не имеет права ни на какие деньги, и все в нем бунтовало. И он не знал, как от Зинки отвязаться и что вообще делать.

– На второй этаж вам, товарищ фронтовик, – сказал красивый дежурный лейтенант. – А вы тут обождите, гражданочка.

Дед поднялся на второй этаж, нашел мужской туалет и два часа просидел на толчке. Потом спустился к терпеливой Зинке и, запинаясь, объявил, что ничего ему не положено. Зинка промолчала и пошла не оглядываясь, а дома устроила скандал с криком, слезами и одной разбитой чашкой. И старик не просто все перетерпел, а упрямо талдычил, что тем, кто пшено возил, нечего и зариться на государственные рубли, что никакие они не фронтовики, а участники и что участникам никаких благ не полагается. Он проговаривал это тихо, но отчетливо и очень упрямо, хотя ему было так страшно, что тошнило под ложечкой и ноги вот-вот могли, свободное дело, в коленях обломиться. Не Зинки он боялся, конечно, не криков ее, не разбитой чашки (она все равно треснутая была, чашка эта, и чай из нее выливался), а боялся услышать, чтоб «вон ступал, откуда приехал». Одиночества дед Глушков очень боялся и бесприютности грядущей, но страху наперекор свое бормотал – и победил. Поплакала Зинка, покричала, дармоедом пять раз обозвала да и махнула рукой и на него, и на денежную должность при магазине, за которую просили немислимые шестьсот рублей.

Помаленьку все и образовалось... По утрам пил старик свой кефир, отводил Славика в садик и начинал хождения из одной очереди в другую. Тащил домой, что выстоял, варил себе супчику или – если доставал, конечно, – творог ел с молоком, дремал немного и топал за Славиком. А там и Зинка с работы приходила, и ужинали они уже втроем. И все шло хорошо, и занятие было, и пенсии вроде хватало, и даже Зинка иногда улыбалась. И старик написал в деревню Анне Семеновне письмо, как все замечательно устроилось и что живет он со своей Зинкой душа в душу и очень рад, что в город перебрался. Все было хорошо, только сосед Арнольд Ермилович все чаще намекал, что не худо было бы Зинке выйти замуж и что для этого непременно надо ей построить собственную кооперативную квартиру. Конечно, свою он цель преследовал: жена прибавления ждала, а метраж не увеличивался и мог увеличиться только за

счет присоединения Зинкиной комнаты. Так Арнольду Ермиловичу в жилуправлении намекнули (свой человек сидел, земляк), и так он действовал в соответствии с этим намеком.

– Завербовалась я, – объявила в конце концов Зинка. – На Крайний Север завербовалась: там полярные платят и еще я, может, судомойкой устроюсь или в магазин какой. И будет у меня квартира. Но куда одна я туда поеду, а вы тут со Славиком живите дружно.

Заныло сердце у Касьяна Нефедовича, в предчувствии заныло, да так, что ночь он не спал. А утром решил:

– Может, вместе поедем? Вместе оно...

– Чего? – спросила. – Молчи уж. Концентрат.

Через месяц и впрямь уехала, оставив деду денег, круп да картошки и расписание, когда Славика спать укладывать, когда мыть, когда в садик вести. Проплакала вечер, посидела перед дорогой, обцеловала сына – и канула.

Грешным делом, дед Глушков думал, что навсегда она канула. Что подбросила ему внучонка, а сама за новым мужем припустила в края, бабьем небогатые. Но – ошибся: через полмесяца письмо пришло. Зинка благополучно при заполярном магазине устроилась, но живет в общежитии, а потому и забрать их пока не может. Вот сдадут дом к майским праздникам...

Ах, как Касьян Нефедович этому письму обрадовался! Не забыла, значит, помнит, думает о них, а что пока нет возможности, так это не беда. Вот сдадут дом...

Только вместо майских радостей вышло огорчение. Приехал мужик с того дальнего Севера, привез немного денег и письмо. Отдал все деду и, пока тот к почерку присматривался, сказал Славике:

– Собирайся, пацан. На самолете с тобой полетим. К мамке.

– А я? – спросил Касьян Нефедович и обмер.

– А про тебя, дед, мне не сказано. Какое в письме разъяснение?

В письме разъяснение имелось: не сдали строители дом к майским и отложилось все до ноябрьских. Но насчет Славика Зинка в общежитии договорилась, а деду Глушкову предлагалось ждать. То ли вызова, то ли когда строители дом сдадут, то ли смерти собственной. И ждать в полном одиночестве, поскольку увез тот полярный мужик внучонка Славика прямо на следующий день.

4

Говорят, жизнь потому дорожает, что не относится она к предметам первой необходимости. Так оно, может, и есть, а только привыкаем мы к своей стариковской жизни, как к старому пиджаку: немодно, да уютно, тепло и расстаться жаль. А если бы не привычка – гори она синим пламенем, такая жизнь. Но Касьян Глушков так не думал и на соседнем пустыре обнаружил вскорости прекрасную почву для оптимизма.

Почва эта возникла на основе всенародной борьбы за всенародную трезвость, в связи с чем в городе позакрывали все точки, где человеку с нормальной зарплатой можно было бы хоть сидя, хоть стоя выпить свои боевые сто граммов. Тогда и начались поллитры на троих с приемом на воздухе и рукавом вместо закуски, и опустошенные бутылки лихо летели в пыльную траву пустыря. Вот их-то и приловчился выискивать обреченный на непонятное ожидание Касьян Нефедович.

Наиболее урожайными были два периода: послеобеденный и послерабочий. Послеобеденное время давало меньше водочных, но иногда подкидывало кефирно-молочные, редкие на запьянцовском том пустыре, как матерые боровики. Вечерняя страда аккуратно поставляла винно-водочную тару, и дед ходил за нею с кошелкой, как по грибы. А потом сдавал в магазин по гривеннику с горлышка, поскольку продавщице тоже жить надо. Дед воспринимал это со свойственной созерцателям праздничной бездумностью, но иногда удивлялся, почему же он

раньше-то никогда ничего не обнаруживал, кроме битой посуды? Тут было нечто мистическое, но дед Глушков твердо знал, что Бога нет. И оказался прав абсолютно: причина, в конце концов, обрела материальную структуру и встретила деда такими словами:

– Так вот какой вредный гад колоски с моего поля скусывает!

На глыбе под строительный шумок слитого на пустыре асфальта, о которую несознательные били посуду, сидел кряжистый старикан об одной руке. Старикан курил папиросу и ругался скверными словами.

– Вот гады, до чего разложились! Поболеть не дадут: сразу скок на твою делянку, понял – нет? С кошелкой наладился, гад ползучий, паскуда недоплаченная, вредитель недострелянный!

С этими словами неизвестный старикан цапнул своей единственной, а потому особо длинной и особо цепкой рукой личную дедову кошелку и рванул к себе. Дед ее не отдал и молча тянул на себя, а старикан с руганью – на себя. Старикан был покрепче, мотал деда как хотел, но рука у него все же была только одна, а у деда две, и в сумме получался баланс. Ругательный старикан сообразил это, перехватил деда за грудки и начал его вертеть.

– Сейчас я тебе покажу, как на чужом гектаре воровать! – орал он, приправляя каждое слово перцем, который придется опустить. – Сейчас бить тебя буду, понял – нет?

Касьян Нефедович сперва испугался, но старикану бить было особо нечем. Единственной своей рукой он держал его за грудки, а если бы отпустил, дед задал бы стрекача. Отпускать было нельзя, и вредный старикан то пытался боднуть Касьяна Нефедовича, то принимался лягаться, но дед Глушков реагировал на эти выпады как профессиональный боксер наилегчайшего веса, и все попытки шли впустую. Попрыгав, старики утомились и сели рядом, тяжело отдуваясь.

– Ладно, ставь бутылку, – смиловился старикан. – Может, и тебе глоток дам.

По причине отсутствия в груди воздуха дед Глушков только потряс пальцем. Но потряс выразительно.

– Рублевкой отделаться хочешь?

Дед кивнул.

– Ну хрен с тобой, – неожиданно согласился законный владелец золотой жилы. – Я тебя опосля пристукну. А пока до плодывогодного доплачу добровольно. Понял – нет?

За плодывогдным и познакомились, а познакомившись, разговорились, а разговорившись, расстались друзьями. И кто знает, как повернулась бы дедова судьбина, если б не эта встреча, не смертный бой за дивиденды и не братский пир после этого боя.

5

Завсегдаи пустыря звали Павла Егоровича Сидоренко Багорычем. Кличка эта возникла отнюдь не из-за сходства единственной руку старикана Сидоренко со всамделишным багром: просто вечно куда-то поспешающий Сидоренко на вопрос, как его зовут, отвечал: «Пал Егорыч». Это «Палегорыч» естественно превратилось в «Палгорыч», а затем окончательно упростилось до Багорыча. В прозвище было много добродушного благорасположения к шумному деду Сидоренко, которого знали все, кроме застенчивого и нерасторопного Касьяна Нефедовича.

Павел Егорович Сидоренко встретил революцию босоногим парнишкой, как и Касьян Нефедович, но вынес из того обжигающего времени не удивление, а митинг. Он яростно и громгласно бичевал все, что, по его разумению, мешало мировой революции или могло бы когда-нибудь помешать. Исходя из этого он воевал с попами и лавочниками, гнилыми интеллигентами и бывшими меньшевиками, с троцкистами и бухаринцами, перерожденцами и кулаками. Кипятился он не по природной злобности, а по природной кипучести и свойственному лично ему пониманию текущего момента. С возрастом немного притих, женился, сбежал от жены

подальше, вступил там в колхоз и вскоре ударной работой прогремел на весь Союз. И в страду тридцать девятого, подавая снопы в молотилку, угодил левой рукой в самый ее зев.

Потеря руки тяжело ударила по Пал Егорычу, но запасы кипучести были еще достаточны, и воспрял он быстро. Выучился управляться одной правой, по-прежнему числился в передовых и действительно работал на совесть. И все было бы славно, да подкатил сорок первый – и вскоре Сидоренко остался в колхозе единственным мужиком. Олицетворением силы, порядка, справедливости, смысла жизни, завтрашней сытости и завтрашней победы. Он стал символом, но для символа оказался слишком прозаичным и настырным. Это привело к тому, что хотя он и не до конца развалил колхоз, зато развалил не одну семью. Пока шла война, его беспутство кое-как терпели, но стоило вернуться двоим не окончательно искалеченным мужикам, как Сидоренко попросили с должности. Район утвердил нового председателя, вкатил Пал Егорычу строгача и назначил заведовать горюче-смазочными материалами в то самое горючее время, когда среди хозяйственников вдруг возникла мода работать по принципу «ты – мне, я – тебе». И на этих горючих материалах и в том горючем времени Пал Егорыч Сидоренко погорел окончательно и бесповоротно. Притишел, ничего уже больше не требовал и добровольно подался на пенсию по старой своей инвалидности.

Поначалу ему хватало этого установленного еще до войны пособия. Но вскоре старикан Сидоренко с удивлением обнаружил ножницы в собственном бюджете, поскольку расход рос сам собою, как чирей на шее. Пал Егорыч помудрил, то складывая, то вычитая, но жизнь стремительно взмывала в небеса, а пенсия по-прежнему оставалась на земле. Багорыч покрутился еще немного, а потом махнул рукой на самостоятельность и ринулся разыскивать давно потерянных родственников. Многих он перебрал и по расчету, и по несогласию, и по вздорности характера. С родным сыном люто переругался, объявил сгоряча, что едет в Сибирь, но вместо Сибири оказался у последней своей внучки Валентины. Устроился сторожем да и примолк, потому что Валентина имела характер, ценила независимость и любила своего с дымом, чадом и треском догравшего деда. И он, почувствовав то, от чего уж отвык, привязался к своей Валентине, как никогда и ни к кому не привязывался. Как привязывается бездомная собака, после долгих мытарств обретшая конуру, миску супа и хозяина.

Так начался последний перегон его крикливой, куда более чужими, чем своими слезами омытой жизни. От старого остались в нем кураж на людях, бранчивость, бестолковая суматошность да тяга к выпивке. Валентине старался не докучать, помогал чем мог, ни пенсионных, ни сторожевых своих денег на бутылку не тратил. Завел на пустыре знакомства, носил в кармане стакан, научился разливать «по булькам», чем и зарабатывал себе на глоток. Похабничал, ерничал, суетился и окончательно утвердил за собою прозвище Багорыч. И катилась его жизнь как по рельсам, да сошлись эти рельсы с путем Касьяна Нефедовича Глушкова. Сошелся Шустряк с Созерцателем, и не только не загасили они друг друга, а сложились в новую силу, равную двум стариковским мощностям.

6

Старикан Пал Егорыч обладал двумя важнейшими житейскими преимуществами: работой и жилплощадью у родной внучки. Работа не так потрясла деда Глушкова, как персональная внучка, которой ругательный Сидоренко очень даже гордился.

– В меня! – орал он на пустыре, гулко тюкая кулаком в собственную грудь. – Плодовыгодное допьем – и покажу. Вся как есть, и ндравом, и характером.

– Может, потом лучше? – робко сомневался Касьян Нефедович, помня неулыбчивую свою Зинку. – Винцом от нас это... Унюхает.

– Кто унюхает? Валька унюхает? – презрительно шурился Багорыч. – Сказано, в меня она. Вся в меня, понял – нет?

Тут старикан Сидоренко сильно бахвалился, потому что внучка его была, как говорится, ни в мать ни в отца, а в проезжего молодца. Кроме решительного характера, природа наделила ее свойством с первого взгляда нравиться мужикам, однако не настолько, чтобы тут же предлагать руку. Несколько раз основательно споткнувшись об эту странную преграду, Валентина отревелась и приняла данность философски. Упрятав надежду выйти замуж в дальние закрома души, никакими условностями себя более не связывала, решив брать от жизни то, что сумеет. Скандалы, которые временами сопровождали очередные Валькины похождения, были шумны и энергичны, и если судить по ним, то она и впрямь удалась в своего деда Сидоренко. Но скандалы проходили, а Валентина ни на атом не теряла своей веселой и щедрой доброты.

Квартира у нее хоть и отдельная была, но однокомнатная, малогабаритная. Старикан Сидоренко спал здесь же на раскладушке – если не дежурил, конечно, – и ночевать с возлюбленным было неудобно. А потому, втроем отужинав, Валентина заводила будильник с расчетом, чтобы через два часа зазвонил, и командовала:

– Гулять, дед! Время усек?

– Усек, – подтверждал дед, клал будильник в карман и сматывался.

Дед сторожил свой склад с восьми вечера до восьми утра раз в трое суток и уходил в ночные прогулки тогда, когда он, понятное дело, торчал дома. Но Валентина его расписание в голову не брала, сообразуясь с собственными желаниями. И коли уж пожелала, то никуда желание свое не откладывала, а отправляла деда на улицу, снабдив будильником.

Не всегда, правда. В непогоду – в дождь там, мороз или в какую еще мерзость – жалела. Ставила будильник перед дедом на кухне и давала книгу:

– Читать будешь, покуда не зазвонит.

Книгу одну и ту же давала, «Автоматизация ликвидации отходов» называется. И старикан настолько Вальку свою любил, настолько радовался, что хорошо ей, что счастлива она хоть два часа этих, что осилил-таки книжку. Все теперь про ликвидацию знал. А случайного знакомого, с которым сперва подрался, а потом бутылку распил, Сидоренко не потому приглашал, что дед ему понравился, а потому, что очень уж похвастаться внучкой хотел. Похвастаться перед бобылем брошенным и тем самым возвыситься хотя бы над ним. Над маленьким, смиренным созерцателем Касьяном Нефедовичем Глушковым.

– Вся в меня внучка, понял – нет? Вот сам поглядишь.

Поглядеть деду Глушкову очень хотелось, но человеком он был застенчивым, а потому долго отказывался. Отказывался и боялся, что крикливый Сидоренко согласится и не покажет ему своей райской обители из отдельной квартиры, личной внучки и родственного согласия. Но Багорыч и сам горел нетерпеливым желанием продемонстрировать собственную жизнь, и они по-зряшному препирались на том пустыре. Потом поладили, купили в складчину еще одну бутылку плодово-ягодного для семейного ужина и пошли. И чем ближе подходили к дому, тем все меньше и тише бахвалился Пал Егорыч, а когда вышли на последнюю прямую, то и вовсе замолчал. Но дед Глушков созерцал собственные сомнения, а потому привычно не заметил сомнений нового приятеля.

А старикан Сидоренко примолк по той причине, что начал подсчитывать, когда же он в последний раз два часа гулял по улицам. Выходило, что давно, а это означало, что Валентина вполне могла сегодня испортить задуманную им демонстрацию уюта и согласия. И старик Сидоренко впервые в жизни ругал про себя свою внучку и с каждым шагом мрачнел все больше.

А Касьян Нефедович ничего не замечал. Он радовался, что его в кои веки пригласили в дом, где есть женщина, а значит, есть уют, тепло, внимание – и ужин. Он так стосковался по настоящему ужину на своих кефирах, что от одного только представления его тоже обдавало жаром, а в животе урчало и сладко посасывало.

Вот с какими разными мыслями приближались они к дому, где жил Пал Егорыч с законной внучкой своей Валентиной. Один весь в жару пылал от мысли, что внученька на порог укажет, другой в таком же жару – от ужина, который могли приготовить только женские руки. И потому Глушков улыбался, а Сидоренко мрачнел. Мрачнел, мрачнел, а возле самого подъезда брякнул:

– Доставай плодывыгодное.

– Это зачем же? – удивился Касьян Нефедович: в его кошелке бутылка перекатывалась.

– А затем, что тут выпьем – и по домам. Отменяю знакомство.

Загрустил дед Глушков. Уж очень ему хотелось тепла семейного и ужина, женскими руками сготовленного и на стол поданного. Загрустил, но виду не показал. Достал бутылку, улыбнулся понимающе:

– Врешь, стало быть.

– Чего? – насторожился Багорыч.

– А того, что нету у тебя никакой внучки. Была бы – показал. Похвастался бы.

– Ах нету? – взревел старикан от пронзительной этой обиды. – Нету, значит? Ах ты, ах... Держи бутылку. Держи, кому говорю! И за мной шагай. Третий этаж, квартира тридцать восемь...

7

– Славный старичок! – улыбнулась Валентина. – Ты чей будешь?

– Ничей, – хмуро пояснил Багорыч. – Бросили его.

– Бросили, значит, – вздохнула Валентина и лысину Касьяна Нефедовича погладила.

Дед Глушков чуть слезу удержал. Давно, ох как давно никто ему слова ласкового не говорил (сосед Арнольд Ермилович, к примеру, по утрам так здоровался: «Ну, дед, ты не помер еще? Давай в ту степь отчаливай, нам жилплощадь нужна»), а уж о том, чтоб приласкал кто, так об этом и мечтать ему было заказано. А тут и слова добрые сказали, и по голове погладили, и накормили, и за столом кусочек помягче подкладывали. И потому он все время улыбался, чтобы не заплакать.

– Солнечный ты какой-то, – удивилась Валентина. – Давай я тебя дедуней буду звать, а своего законного – дедом.

– Давай, пожалуйста, – прошептал дедуня и рукавом прикрылся, будто пот утирал.

А Валька ему картошку собственной вилкой растолкла, молока подлила, перемешала.

– Ешь, дедуня. Рубашки свои завтра принесешь, я постираю. Ты, дед, проследи, чтоб все исполнил.

– Бу сделано, внучка! – гаркнул Сидоренко и под столом дедуню Глушкова лягнул: а что, мол, я тебе говорил? У кого еще такая внучка найдется? А?.. Не слышу, граждане!

Вот с того вечера и заскребла деда Глушкова думка: как бы что хорошее Валечке сделать (про себя он ее уже иначе и не называл). Ничего придумать не мог и решил по рублю каждый месяц откладывать. Коли до этого он не загнулся, так и теперь не пропадет, так ведь? А через год Валечке подарок сделает за целых двенадцать рублей.

Теперь уж редко кто помнит, что старичье – самый благодарный народ на свете. Погладь их мимоходом, слово ласковое скажи – и они, как псы, за тобою ходить будут, у порога от любви и нежности сдохнут. Забыли мы в суетливой ежедневности и о ласке, и о благодарности, и о самих стариках. У порога, говорите, от любви и нежности сдохнут? Так они же все равно сдох... Ну да, это самое, а отчего – вскрытие покажет. Вот так-то, уважаемый автор, думайте, что пишете. Какое нынче-то у нас тысячелетье на дворе?

Но, однако, продолжим эту правдивейшую из историй. Остановка нужна, чтобы было от чего шаги отсчитывать; до этого места Касьян Нефедович Глушков брел один, а отсюда

уже не в горьком одиночестве. Теперь у него появился верный друг – ругательный старикан Сидоренко – и Валечка. И если до этого жизнь его плелась кособоко, ногу за ногу цепляя, то теперь засемила бодрой стариковской рысцой.

Коль чем дорожишь, так то и бережешь, и дед Глушков берег те минуты, что мог провести в семье Багорыча. Пуще всего на свете, пуще кондрашки и лютой смерти в одиночестве боялся он теперь потерять Валькину ласку и сидоренковскую дружбу, а потому и не решался часто судьбу испытывать. Тем более что был он созерцателем, а значит, обладал прекрасной способностью упиваться воспоминаниями. И, проведя вечер с Валечкой, поев из ее рук, ощутив тепло и заботу, шесть дней об этом со слезами вспоминал, часы считая, когда опять пойдет в гости. И вскоре как-то само собой получилось, что днем счастья для него стала среда. И Багорыч с этой средой согласился, и Валентина в этот вечер ужин на троих готовила.

Но тут начались некоторые неожиданности: что-то в том городе стряслось с молоком. То ли недодоили, то ли недохранили, то ли недовезли. Мелочь, конечно, но деда Глушкова эта самая мелочь, прощу прощения, ударила поддых, поскольку напрямую была связана с творогом и кефиром.

– Сквозняк, – сказал Багорыч, великий дока по сельскохозяйственной части. – Раньше погода была, а теперь один климат. Понял – нет?

Столь глубоко в науку дед Глушков отродясь не заглядывал, но спросил все же насчет молока. Мол, климат климатом, а...

– Корма! – с невероятным презрением уточнил Багорыч.

Несмотря на всю тихость, Касьян Нефедович обладал неким шкворнем, который всю жизнь не давал ему согнуться. Шкворень этот срабатывал безотказно, когда кто-либо покушался на душу деда Глушкова, и тогда пришибленный Касьян Нефедович вдруг становился упрямым и несговорчивым и поделаться с ним уже ничего было нельзя. Хоть стреляй, хоть жги каленым железом, хоть живым в землю закапывай – Глушков все едино будет стоять на своем. В этом смысле он был полной противоположностью новому другу, которого жизнь выучила соглашаться именно тогда, когда этого согласия ожидало начальство, хотя во всех прочих случаях Багорыч был криклив, настырен и упрям.

Деды сидели на пустыре, греясь на робком солнышке. По календарю числилось лето, но погоды не было, а был климат, как утверждал старикан Сидоренко.

– Сюда гляди, – сказал он и стал для наглядности рисовать на убитой, заплеванной почве. – Это Земля, понял – нет? А это чего?

– Небо? – сообразил Касьян Нефедович.

– Свод, – важно пояснил Пал Егорыч. – В церкви свод был, в любом строении, только называется крыша. А что будет, если крышу проколупать?

– Дождик, – беззубо улыбнулся дед Глушков.

– Сквозняк! – сердито поправил Сидоренко. – Сквозняк будет, и все тепло утекёт к едрене фене. А что протекет? Ну что протекет?

– Вода?

– Холод протекет, понял? И все выдует. И будет как имеем.

Выложив эту гипотезу, Багорыч утомленно примолк, ожидая, когда она наконец-то дойдет до хилого умишка приятеля. Приятель моргал заморщиенными глазками и ласково улыбался.

– Чего скалишься? – добродушно спросил старикан Сидоренко.

– А творог где?

– Какой творог?

– А которого нет?

– Так сквозняк! – заорал Багорыч. – Дырок много! Выдувает! Климат сплошной, а погоды нет! А коли нет погоды, то и не растет ни хрена, понял – нет?

– Понял, – вздохнул дед Глушков и закручинился: – Надо еще раньше вставать.

Касьян Нефедович и так поднимался рано, а теперь и вовсе выскакивал из дома ни свет ни заря. Опасаясь нарваться на соседа Арнольда Ермиловича (это который каждое утро удивлялся, что дед не помер еще), на кухню не совался, чаю не грел, а жевал хлеб с водою и спешил к магазину. Появлялся он там задолго до открытия, регулярно оказывался первым в очереди, а вот то, ради чего оказывался, получал далеко не всегда.

– Мне, стало быть...

– Обожди, дед, не до тебя, – объявляла продавщица. – Тут по заявкам. Катя, с тебя три семьдесят, держи. Тоня, это тебе и Марье Петровне. Ириша, принимай, тяжело...

Мимо деда плыли свертки и бутылки, пакеты и сумки. Касьян Нефедович обмирал, какмышь, боясь, что коли взропшет, то и вообще вон вылетит и никогда назад не влетит. И со смирением ждал, когда же кончатся в очереди родные и знакомые родных и знакомых и продавщица спросит совсем иным тоном: «Ну чего тебе? Да не мямли, некогда мне! Кефиру? Ну, дед, ты даешь, не видишь, что ли, не завезли кефиру? Пачку творогу дам, так уж и быть, жалко тебя, беззубого. Следующий!»

8

Каждый день околачиваясь у магазина, Касьян Нефедович так и не поинтересовался, как же зовут продавщицу, хотя с точки зрения полезности стоило поинтересоваться. Тогда бы по утрам приветствовал, шапку с головы скидывая: «Здрасьте, уважаемая. С приветом к вам. А вы все цветете, все хорошеете покупателям на радость». Бормотал бы чушь собачью, а там, глядишь, на сто тридцать третий раз, может, и признала бы. Может, улыбнулась бы даже: «Что, дед, не помер еще? Ну молоток дедок! Держи кефир, грызи зефир». Не мог он ей слова сказать не потому, что лично ненавидел, а потому, что ненавидел унижение свое, так и не растеряв гордости.

Как звали новоявленную кормилицу, ближайший друг Сидоренко знал очень даже хорошо, потому как именно ей сбывал порожнюю посуду. Но Касьян Нефедович, во-первых, свою порожнюю сдавал в другую точку, а во-вторых, никому про свое трагическое бескефирное существование не говорил. Ну а в-третьих, время свидания у них было разное: Сидоренко появлялся в магазине, когда всякая торговля кефиром давно уж была окончена и начиналась бойкая продажа совсем иного напитка.

– В ей, проклятой, двадцать восемь бульков! – в ажиотаже кричал Багорыч, потрясая чужой поллитрой. – Хошь, не глядя разолью?

Кому кефир, кому эфир – дело, как говорится, хозяйское, но Касьян Нефедович на недостаточной своей диете начал слабеть, потому как натура его привыкла загружаться чем-либо калорийным. То есть как раз тем, чего не было.

– Что ты, дедуня, совсем у меня с лица свалился, – озабоченно сказала Валентина в очередной дедов приход. – И в ручках косточки светятся. Ну признавайся, когда последний раз досыта ел?

– Я... Это...

Два слова горло выдавило, а на большее пороуху не хватило: заплакал дедуня. Грубо ревел, неэстетично, с завыванием каким-то и все норовил руку Валькину к небритой щеке прижать. Ослабел и в отчаяние впал, решив, что пережил он век свой и никому, решительно никому уже не нужен.

– Эка делов! – заорал дед Сидоренко, выяснив ситуацию. – Так то ж Лидка Павловна! У ей муж артист, а милиционер в любовниках. На мотоцикле с коляской. Да я ж ее... Да она ж мне...

– Вот и обеспечить, – строго сказала Валентина. – А про милиционера молчок, понял у меня? Не тревожь женщину.

– Не надо, – бормотал тем временем Касьян Нефедович. – Не надо мне ничего. Ничего уж не надо...

– Нет, надо! – крикнула. – Ишь разбаловались. Я вас!..

Вопреки обыкновению, Багорыч о Лидке Павловне сказал чистую правду. Был у нее непутевый муж – спившийся с круга аккордеонист, и доченька, зачатая в хмельном угаре. Лидка Павловна терпела-терпела мужнино пьянство и безделье, больного ребенка и зануду свекровь, да и позволила себе нечастые свидания с жизнерадостным милиционером Валерианом. «Валерианочка ты моя!» – смеялась сквозь слезы Лидка Павловна, лаская гостя в полутемной подсобке. Принимать эту валерианочку приходилось в стесненных условиях, поскольку к свекрови она привести милиционера не могла, а идти к нему в камеру предварительного заключения не решалась. Прятала на полках надувной полуторный матрас, и милиционер Валериан на пороге любовных наслаждений надувал его, наливаясь краской не только от страсти. «Насос бы купила, – укорял он в перерывах между вдуваниями. – Никакого здоровья не хватит».

– Я к ей ключи имею, понял – нет?

Дед Сидоренко был вралем и бахвалом, и Касьян Нефедович делил все его обещания на тридцать три. И здесь разделил, но, к его удивлению, Лидка Павловна приняла сидоренковские разъяснения без всяких делений, с ходу накинувшись на безответного дедуню Глушкова:

– А что ж молчал, что Багорыча друг? На лбу у тебя не написано, а знать я не обязана. Чего тебе – кефир да творог? Делов-то!

Такая легкость звучала в этом, что Глушков поначалу не поверил. Усомнился. А на следующее утро получил все без всякой волокиты.

Вот так и настроилась прекрасная жизнь: и сытно, и сладко, и весело. Обычно при таком наборе человек быстро забывает, откуда все началось: всем известно, что Волга впадает в Каспийское море, но мало кто помнит, из какого родника вытекает она. Но Касьян Нефедович был так устроен, так запрограммирован (о господи, ну и язык пошел), что не мог об истоке не думать. А истоком тем, родничком с живой водой, к которому припадал он раз в неделю по средам, была Валентина. Валечка, на подарок которой он по рублю в месяц откладывал в коробку из-под мармелада, купленного когда-то внучонку Славику.

9

В естественном увлечении судьбой деда Глушкова повествование наше пошло прямо-таки карьером, и теперь настало время чуть его придержать. Не для интриги, а ради одной только правды, которая, как известно, есть цепь из причин и следствий.

Одна душа в деревне доселе помнила, что жил тут когда-то некий дед Глушков: соседка Анна Семеновна, Нюра. Раз в месяц писала она деду, что жива-здорова, что внучка жива-здорова, что дочка жива-здорова и что корова их тоже жива-здорова. И Касьян Нефедович аккуратно отвечал, поддерживая тоненькую ниточку связи с далекой своей родиной. И добрая старая женщина Анна Семеновна, Нюра молодости Глушкова, и оказалась причиной, породившей вскоре совершенно неожиданные следствия.

Шло время, и через положенный срок у соседа наконец-таки появился долгожданный ребеночек, которого практически мыслящий Арнольд Ермилович рассматривал как наиважнейший аргумент в борьбе за увеличение жилой площади. И коли уж он и прежде не очень-то жаловал деда Глушкова, то теперь окончательно залютовел. Теперь он не только здоровался, удивляясь, что сосед его еще богу душу не отдал, но и прощался тем же манером. От таких приветствий дед бегал со всех своих стариковских ног, как только усекал на горизонте Арнольда Ермиловича. А куда бегать-то, когда на дворе вместо поэтических времен года сплошная осен-

няя мокрятина? К Багорычу, если он дежурил, к Валечке, если была среда, и на автовокзал во все остальные дни недели. Дед Сидоренко дежурил по охране казенного телефона в понедельник, но аккурат в воскресенье молодой папа допек несчастного Касьяна Нефедовича до угольной черноты:

– Давай, дедок, собирайся, пока бабка твоя с архангелами не загуляла. Слышишь, как двадцать первый век за стеной орет? Уступи ему дорогу, прояви сознательность.

Тут дед и рванул из дома. Чувствовал, что единственная возможность на сегодняшний день душу в теле удержать – это бежать куда глаза глядят. А глаза дедуни Глушкова в моменты всех жизненных передраг глядели теперь в квартиру номер тридцать восемь, что на третьем этаже. И он стариковским аллюром примчался к этой квартире и, не отдышавшись, сунул пальцем в кнопку звонка.

А дверь открыл неизвестный молодой мужик. Коротко стриженный, гладко бритый, с серыми глазами и без пиджака.

– Вот и еще один дед до пары, – сказал он. – Ты чего такой красный, отец? Гнались за тобою, что ли?

На все эти вопросы дед Глушков не мог издать ни звука, так сильно упыхался. И пока пыхтел, за широкой спиной незнакомца возник озадаченный Багорыч.

– Кореш это мой, – пояснил он. – Сейчас на дежурство пойдем.

– Так... вроде... воскресенье, – еле выдохнул кореш.

– Сказал, значит, все, – сурово отрезал Сидоренко. – Понял – нет?

– Нет, – покивал Касьян Нефедович. – А где же...

Он имел в виду Валю, но имени ее не произнес, а потому ответа и не получил. Обождал, покуда старикан плащ напялит, и пошел следом.

– Привет, отцы, – сказал неизвестный мужик и закрыл за ними дверь.

Старики шли молча и так шустро, что притомившийся Глушков с трудом держал равнение. А старикан Сидоренко поспешал куда-то форсированным марш-броском, и это особо пугало затюканного Касьяна Нефедовича. Но что-то в насупленном лице Багорыча заставляло дедуню от вопросов воздерживаться.

– Сама за бутылкой побежала, – потрясенно изрек Сидоренко наконец. – Как этого увидела, так и закричала: «Андрюша!»

– Андрей?

– Андрюша, понял – нет? – строго поправил сильно обескураженный таинственным поведением внучки старик. – Ступай, говорит, умойся, а я за бутылкой сбегая. А мне велела колбасу достать, что к праздникам прятали.

– Стало быть, сегодня у нее праздник, – сообразил дедуня и подавил вздох.

– День мелиоратора сегодня, понял – нет? – не согласился упрямый Сидоренко. – И автоматизация ликвидации тут не подходит, потому как она по своей воле за бутылкой побежала.

– Какая ликвидация?

– И Андреем зовут, – не слушая, продолжал Багорыч: равновесие души его было поколеблено. – «Андрюша, закричала, Андрюша! Ты, говорит, ванну прими, ты, говорит, с дороги ведь. А я, говорит, за бутылкой, а ты, говорит, колбасу достань». А она – для праздников.

На дворе было промозгло, накрапывал дождь, и старики сидели на автовокзале. Воняло прокисшим пивом, которого здесь никогда не было, бензином и людским скопищем, потому что в последний месяц количество рейсовых автобусов уменьшили вдвое, а количество пассажиров уменьшить забыли.

– Может, это, жених он? – тихо-тихо, с полным сердечным замиранием спросил дедуня Глушков.

– Кто жених?

– Ну этот. Для которого за бутылкой побежала.

– Жених? – с невероятным презрением переспросил Багорыч. – Глупо♦й ты, дед, понял – нет? Я б знал, понял – нет? Если б жених, я бы знал? Или не знал? Чего молчишь?

– Знал, – сказал кореш и, подумав, добавил: – Или не знал.

– А я его и не знаю, – задумчиво сказал Сидоренко, не обратив внимания на глушковскую интонацию. – Хотя лицо знакомое. Вроде знакомое... Или незнакомое?

Замолчали старики, закручинились, нутром своим натруженным уже предчувствуя, что встреча с этим знакомо-незнакомым лицом означает крутой поворот в их собственной судьбе.

10

Природа распорядилась, чтобы у каждой женщины был свой Адам, но люди постарались так все перепутать, что чаще всего этот Адам оказывается женатым отнюдь не на Еве, живет в ином столетии или прописан в общежитии с монастырским уставом. И каждый год добавляет путаницы, девушки без любви выходят замуж, молодые люди отдают руку первой же юбке, мелькнувшей на танцплощадке, и суды завалены заявлениями о разводах. После школьных опытов со свадьбами Адамы начинают всесоюзный розыск своих Ев, а Евы экспериментальным путем устанавливают своих Адамов. В этом нет ничего противоестественного, однако известно, как буйно расцветает нравственность, когда отцветает плоть, а посему эти мучительные для ищущих поиски давно заклеены как упадок нравов. А на деле нет никакого упадка, а есть непреложный закон природы: женщина способна любить только одного-единственного, ей предназначенного мужчину. Кому-то везет, а кто-то обречен в поисках своего единственного перебрать десятки чужих. Но, отдаваясь этим чужим, женщина не растрчивает ни грана своей любви. Она ее изображает, бессознательно сберегая все неистовое пламя свое предначертанному свыше. И когда он приходит, становится неузнаваемой не только для сослуживцев.

– Что же ты не писал, стервец ты? – говорила Валька, и тело ее светилось в сумраке нежностью и любовью. – Паразит ты, ты кровь мою всю выпил, и никто мне теперь не нужен, кроме тебя.

– До чего же ты сладкая, Валька, – утомленно вздыхал Андрей. – Считаю, что все, нашел и искать никого не хочу больше.

– Врешь, поди? Врешь? – обмирая от нежности, шептала она.

– Честно, Валечка. Недаром к тебе прямо с вокзала пришел.

– Прийти-то пришел, а вещички в камере хранения оставить не позабыл.

– Да какие там вещи! Не с Европы же я возвращаюсь.

До сей поры Валька своими друзьями вертела как хотела, а здесь не то чтобы приказать – до сладкой дрожи ждала, что ей прикажут. А он ничего не приказывал, ласкал да целовал, а к ночи сказал:

– Любовь любовью, а съезжаться погодим. Устроюсь на работу, с жилплощадью выясню, а там видно будет.

В любых отношениях наступает предел, за которым люди по-разному понимают одно и то же. Андрей был женат (о чем, естественно, не говорил Вальке и что Валька, естественно, знала), разведен и помянул о жилплощади, надеясь получить в квартире бывшей супруги право на какие-нибудь квадратные метры. Но все, что касалось его прошлой жены, лежало для Валентины за пределом общего понимания; отсюда начиналось ее понимание, и это личное понимание толковало одно: в однокомнатной ее квартире Андрей не желает жить потому, что тогда их будет трое. Так она его поняла, поскольку знала, что с милым, конечно, рай и в шалаше, но надо же иметь этот отдельный шалаш.

Вот какие разные мотивы породил финал их любовного разговора. Андрей считал, что ясно растолковал причину, и готов был горячо и весело проводить с Валечкой хоть все вечера. А Валентина, готовая весело и горячо проводить с Андреем обязательно все вечера, заню-

зила-таки свое доброе и влюбчивое сердечко довольно опасной занозой, решив, что любимый не переселяется к ней исключительно из-за третьего лишнего. То есть из-за деда Сидоренко. Багорыча.

Мужиком Андрей был компанейским, тут же нашел общий язык с Пал Егорычем и личный – с Касьяном Нефедовичем, и жизнь заструилась еще живее. Правда, поначалу, учуяв неладное, дедуня не явился в среду, проторчав полвечера на знакомой скамейке автовокзала. Полвечера потому, что его разыскал Валечкин дружок самолично. И сел рядом.

– Что, отец, меня, что ль, невзлюбил?

– Нет, – шепотом ответствовал дед, – что ты.

– А чего же к Вальке сегодня не явился? Всегда по средам как штык, понимаешь, а сегодня хильнул. Валька решила, что заболел, отца к тебе наладила, да он ни с чем и вернулся. А ты вон где.

– Да, – сказал Касьян Нефедович. – Тут я. Народ кругом.

– Народ, значит, любишь?

– Люблю.

– А мы разве не народ? И мы народ. Вот и пошли к нам.

И привел дедуню Глушкова. И все встало на свои места, только Валентина куда чаще деда своего теперь гулять отправляла. И дед клал в карман будильник, заряженный на три часа вместо двух.

А дожди лили уж совсем беспросветно, ветры рвали последние клочья тепла, и солнце поглядывало на землю испуганно, будто из-за угла, будто запрещено ему было поглядывать. Короче говоря, над всей землей, по словам Багорыча, бушевал климат и погоды не было ни в одном государстве. При таком положении и бессердечный хозяин пса на улицу выгнать не решился бы. Даже если на той улице и числилась среда.

– Ну вот что, – сказала старикам Валентина, предварительно долго препиравшаяся с Андреем. – Дед, доставай книгу.

– Книгу? – озадаченно переспросил Сидоренко, покосившись на дедуню Глушкова.

– Давай-давай! – прикрикнула внучка. – Оба рядышком садитесь, в книжку носом. И ты, дед, для дедуни вслух читай, пока не скажу.

– Не надо бы, Валя! – с досадой крикнул Андрей. – Я лучше завтра зайду.

– А я сегодня хочу! – отрезала хватившая три рюмки Валентина. – И стесняться тут нечего, тут – жизнь. Верно, дедуня?

– Верно, – покорно согласился ничего не понимавший Глушков.

– Умница. – Валечка нежно чмокнула дедуню в розовую лысину. – Тогда садитесь, как велела.

Деды уселись в кухне за стол спинами к комнате и лицами в окно. И Пал Егорыч деловито раскрыл книгу. Никчемный сверхплановый дождишко тоскливо тарахтел в стекло, отсчитывая мгновения, и мгновения эти тянулись для Касьяна Нефедовича как погребальные дроги. Не был готов он к такому искусству, не собрал сил своих духовных, а потому и не оценил молодого счастья за старческими плечами. Даже монотонный, как пономарь, Багорыч заметил транс, в который впал кореш. Перестал бубнить, толкнул плечом:

– Жизнь это, понял – нет?

– Жизнь, – подтвердил Глушков, и две жалкие слезинки дробно стукнулись о страницу.

Не одному Касьяну Нефедовичу неуютно было в тот вечер. Дед Сидоренко к этакому был привычен, а Валька, буйно празднуя взрывы собственной страсти, искренне полагала, что все вокруг должны радоваться ее счастью и что прятать тут абсолютно нечего. Но Андрей ощущал некоторое смущение, а потому пришел на кухню с початой бутылкой.

– За нашу Вальку, отцы. Хорошая она баба, и вы на нее не серчайте.

– Внучка в меня вся, понял – нет? – ненатурально взбодрился Багорыч, ощутив в руке стакан. – Мировая она, понял – нет?

Он шумел и суетился, а дедуня молчал. И Андрей, поддакивая деду Сидоренко, чувствовал какую-то вину именно перед Касьяном Нефедовичем.

– Это точно, что мировая, – говорил он. – Остальные там придуриваются, изображают чего-то, а Валька наша ничего не изображает. Она вся – как есть, как в натуре.

– Правильно! – кричал Багорыч. – Она вся в меня, хоть знак качества ставь. Счастье тебе подвалило, парень, сильное счастье.

– Подвалило, – согласился Андрей, опять поглядев на деда Глушкова. – Знаешь, как в тюряге посидишь, так это особо ценишь.

– В тюряге? – Сидоренко похмурился, соображая. – Ты погоди-погоди, какая такая?

– Нормальная. Я, отцы, четыре года в общей колонии отбухал. Хищение государственного имущества. Каток для асфальта на спор с завода угнал.

Про это старики ничего не знали. Даже дедуня маленько очухался и поглядел на Андрея с испугом. Но и здесь промолчал.

– А-а... – протянул Пал Егорыч. – Страшно, поди?

– Да чего же там страшного? – усмехнулся парень. – Крыша над головой имеется, жратва три раза в день. Ну, баня, кино.

– Кино? – поразился Багорыч. – Преступникам – и кино?

– Нормально, как у людей. А в воспитательной части телевизор есть. Олимпиаду смотри, за «Спартак» болеем.

– За «Спартак»?! – Багорыч вскочил, повертелся в тесной кухоньке и опять сел. – Нет, скажи, что врешь. Скажи, что врешь, а?

Вот в этом месте Глушков и подал впервые голос. Сказал с горечью:

– Молодым везде хорошо.

11

С этого вечера Касьян Нефедович стал задумчивым. Он всегда был тих и безответен, но теперь эти качества приобрели некий новый ракурс, будто дед сменил созерцание жизни на попытку ее осмысления. Но то ли этот процесс был для него непривычен, то ли мыслей никаких не возникало, а только о результатах он не говорил никому. Просто смотрел задумчивыми телячьими глазами, молчал, и неизвестно было, скажет ли чего вообще. А у соседа в ответ на его: «Ну как, дед, насчет свиданьца со старухой?» – спросил вдруг:

– А коли б жилплощадь была, так еще бы ребеночка родили? Или побоялись бы?

Арнольд Ермилович поперхнулся, прокашлялся и признался:

– Двоих.

Спохватился, что по-человечески ответил, забормотал про архангелов, но дед уж и не слушал его.

– Счастливые, которые с детьми. Очень счастливые. – Вздохнул, надел шапку. – Двоих, значит, обещался. Это хорошо. – И пошел мимо онемевшего соседа на улицу.

Друга он нашел на пустыре, где было ветрено и сыро. Но Багорыч к тому времени принял семь полубульков в оплату за стакан и гордо не замечал продырявленного климата. Физиономия его горела несогласием, кепку он тискал в единственной руке и норовил встать на асфальтовую глыбу, но ноги с этим не соглашались.

– Врюгам – кино, а заслуженному человеку... Нет, это надо у милиции справиться.

Милиция звалась Валерианом и должна была прибыть на мотоцикле по окончании торгового дня. Услышав рев мотора и накинув три часа, деда вышли наперехват. И вскоре действительно показался Валериан.

- Баб много, а я один! – с невероятным торжеством объявил он.
Старики не дали ему развить эту тему, тут же поведав о рассказе Андрея.
- Чудаки старики! – радостно засмеялся Валериан, легкий после чудных мгновений, как олимпийский мишка. – А гуманизм?
- Чего? – переглянулись приятели.
- Гуманизм! – Он важно поднял палец. – Пояснить?
- Пояснить, – попросил дедуня Глушков.
- Гуманизм – это что такое? Это поддержка слабого, – неторопливо и вразумительно, чтоб дошло до стариков, начал Валериан. – При царе, скажем, или при капитализме какой закон действует? Закон джунглей, понятно? А у нас какой? Закон гуманизма. Разницу улавливаете?
- А я слабый? – спросил Касьян Нефедович.
- Ты? – Милиционер внимательно осмотрел щуплого – и в чем только душа трепыхалась! – дедуню и сказал: – А это пока неизвестно.
- А когда известно? – допытывался Глушков. – Когда, это, с почетом понесут?
- Милиционер огорченно вздохнул и с досадой покрутил круглой, как футбольный мяч, головой.
- Действие совершить надо, действие! Это ихний гуманизм бездейственный, а наш – действенный. Советский гуманизм в действии – читали в газетах? Ох, и темные же вы, деды!
- Завел мотоцикл и уехал.
- Глупо♦й! – заорал Багорыч, когда мотоциклетный грохот затих в дальних кварталах. – Наболтал и уехал. И не объяснил ведь!
- Объяснил, – тихо сказал дедуня Глушков, посмотрев на друга телячьими глазами. – Все он объяснил. Действие нужно, понял? Действие.

12

Действие зреет долго, и чем старше человек, тем медленнее оно зреет, путаясь в усталой душе, блукая в сумерках размышлений, то представляясь ясным, то вдруг ныряя в беспросветный туман прожитого. Тогда дед Сидоренко, громко поминая всех угодников, спешил за своими законными полубульками, и дедуня Глушков оставался один. Тоскливо бродил по улицам и переулкам в бессознательной надежде встретить Валечку, а если случалось это, без оглядки семенил прочь. И все было ладно, да как-то отнялись ноги у Касьяна Нефедовича. Забастовали и отказались унести его в закоулок.

- Ты чего тут, дедунь?
- Дедуня молча пристроился сбоку, тщетно пытаясь попасть в такт летящей женской походке. Валька что-то говорила, но он не слушал – глядел под ноги и семенил. А потом сказал:
- Истинную правду скажешь мне?
- А когда это я тебя обманывала?
- Теперь что соврать, что правду сказать – все одно, разницу утеряли. А ты вспомни, что есть разница, вспомни, а?
- Чудной ты какой-то, дедуня. Не захворал?
- Разница есть, Валечка, – шепотом сказал он. – Коли б я в Бога верил, мне, может, много бы легче было, но безбожный я. Безбожный человек.
- Ничего я не поняла, – строго сказала Валентина, останавливаясь. – Что натворили? Говори сейчас же.
- Дед Глушков помялся, посопел, пряча глаза. А потом глянул в упор, с духом собравшись, и спросил:
- За Андрея пошла бы?
- Ох, побежала бы!..

– А чего ж не бежишь? – Он подождал, но Валька только неуверенно улыбнулась. – Потому не бежишь, что дед твой Пал Егорыч вам мешает. Не спорь, не спорь, не надо, я ему ни полсловечка не скажу, а только давай сегодня всю истинную правду. Уморился я без нее. Уморился.

– Может, квартиру разменяем, – безнадежно вздохнула она. – Если Андрея к бывшей его жене пропишут.

– Да, – вздохнул и дедуня. – Умирали б мы вместо пенсии...

Грызла тоска стариков. Точила как червь, неутомимо и невидимо; Багорыч с нею полубульками боролся, ерничеством да показной разудалостью, а Касьян Нефедович по улицам бегал. Кружил по поселку, по новым микрорайонам, расширял свои кольца, точно надеялся запутать, замотать тоску свою. И однажды вышел к почтамту. Шел дождь, и старик вошел в здание и сел у стола, где граждане писали письма. Посидел, подумал, а потом попросил вдруг лист бумаги, взял ручку и неуверенно, на каждой букве спотыкаясь, начал: «Добрый день вам, Анна Семеновна, дорогая Нюра...» Думал, что долго будет писать, что, может, совсем не напишет даже, но письмо написалось одним махом и почти без помарок. Вывел адрес, опустил в ящик и пошел искать Багорыча.

Багорыч на спор на троих не глядя разливал, на полубульку зарабатывая. Дед Глушков отобрал у него бутылку, сунул ее владельцу и повел приятеля в сторону. Приятель орал и вырывался, а дед сказал:

– С этим кончено, увожу я тебя отсюда. Как только подтверждение придет, что примут нас.

– Куда это? Где это? – обижался Багорыч. – Мешаешь все, вредный ты старик!

Через неделю пришел ответ. Длинный и многословный, а если пересказать, так шесть слов: милости просим, Касьян Нефедович и Павел Егорович.

– Ну вот, – вздохнул дед Глушков, прочитав Багорычу письмо. – Ждут нас там, значит, за нами дело.

– Хорошая женщина, – потрясенно признался Сидоренко. – Сколько лет?

Дедуня глянул укоризненно. Сидоренко засмутился и стал ковырять грязь ботинком.

– Не порть обувь, – строго сказал Касьян Нефедович. – Жизнь наша меняется, и всякие глупости надо из нее выкинуть.

До сего дня, даже до сей минуты крикливый Сидоренко решал за деда Глушкова, куда тому идти и что делать. А тут Глушков командовал, и Багорыч послушно кивал, изредка уточняя: «Ясно. Понятно. Бу сделано». Не потому, конечно, что ехал в глушковские места, а потому, что эта очень простая и всем подходящая мысль родилась у Касьяна Нефедовича. Пал Егорыч признавал право первородства.

– Выпивать если придется, то по праздникам. Мужиков разливать по булькам не учи, они и без этого того. Пенсии все до копейки Нюре отдавать будем, и по дому все делать, и...

– По грибы ходить будем, – деловито вступил Багорыч. – И Вальке сушеных пришлем. А еще насчет работы. Непременно надо нам на работу устроиться, и тогда мы денег подкопим.

– Зачем это? – подозрительно осведомился дедуня.

– А Вальку с Андреем к себе пригласим! – воскликнул Сидоренко, чрезвычайно обрадованный этой идеей. – А когда ребеночка родит, так нянчить его станем.

– Правильно, – согласился Касьян Нефедович. – Теперь что делать. Первое: никому ни слова, а то не пустят. Второе: выпишусь я с жилплощади. Третье: ты с работы уволишься. Четвертое: билеты...

Три дня беготней были заняты до предела: выписывались – совещались, увольнялись – совещались, билеты покупали – опять совещались. А когда все общие дела были исполнены, кончились их совещания: с прожитым человек прощается один на один.

– Дед, побежала я! – жуя на ходу (по утрам она всегда опаздывала), прокричала Валентина.

Обычно Сидоренко ей из кухни отвечал, а тут вышел, прислонился к косяку и глядел молча.

– Ты что это, дед?

– Сказать вышел, что... – Багорыч дернул головой и отвернулся. – Чтoб осторожней шла, подморозило.

– Допрыгаю, – беспечно ответила внучка. – До вечера, дед!

И дверью хлопнула. Дед постоял, шагнул вдруг, ткнулся лицом в ее старое пальтишко и замер. Только плечи вздрагивали. Потом утер лицо и пошел собирать свои вещи. И первой в чемодан положил книжку «Автоматизация ликвидации отходов».

А Касьян Нефедович в то утро встал спозаранку и, взяв из заветной мармеладовой коробки сэкономленные пять рублей, побежал искать прощальный подарок. Да не сообразил: все магазины были еще закрыты, – и дедуня устремился к рынку. А на входе окликнули:

– Отец, купи цветы. Посмотри, какие цветы! Как в крематории, понимаешь.

Молодой черноусый протягивал Глушкову совершенно немислимый букет. Все на букет заглядывались, и даже огромная, как колесо, кепка продавца светилась от этого букета. Но дедуня отмахнулся и поспешил за чем-либо ценным. Проспешил десяток шагов, умерил аллюр и остановился. Потоптался, назад повернул и опять будто нечаянно мимо тех цветов протопал. И опять. И – еще раз. И – остановился.

– А сколько?

– Как из уважения, для тебя только – два червонца.

– Двадцать рублей?!

Отчалил старик. Несуразную цену назвали, и оттого, что цена была несуразной, цветы понравились ему еще больше. Отошел, выгреб из кармана остатки пенсии, сложил с заветной пятеркой, и вышло шестнадцать рублей. Зажал их в кулаке.

– А дешевле нельзя?

– Назови свою цену, уважаемый. Там посмотрим.

– Шестнадцать рублей у меня всего.

– Только из уважения. Только из личного уважения, понимаешь...

Дед Глушков нес старательно упакованный в газету букет двумя руками, как икону. Занудный червячок сосал его, что зря он деньги убухал, что завянет вся эта красота и ничего от подарка не останется. Но дед упрямо спорил, утверждая, что останется. Валечкина радость останется. Так с червяком и цветами и вошел он в квартиру.

– Ты живой еще, дед? – удивился Арнольд Ермилович: он на работу собирался. – А как же старуха твоя с архангелами?

– Уезжаю я, – сказал ему Глушков. – Вы двух ребеночков обещали, а я вчера из квартиры выписался. Можете занимать, только вещи возьму.

– Касьян... – растерянно забормотал сосед. – Николаевич...

– Нефедович я, – грустно усмехнулся старик. – Только просьба к вам – цветы эти за меня передать.

– Передам, – тихо сказал Арнольд Ермилович, взял букет и сел на стул, точно ноги у него ослабли.

Завозился Касьян Нефедович, забегался, и теперь приходилось поспешать. Вещи загодя были уложены, дед второпях выпил кефир, подхватил барахлишко свое и вышел в коридор. Хотел к соседям заглянуть попрощаться, но там громко плакала жена и что-то бубнил Арнольд Ермилович. Дед поклонился их дверям и побежал.

В целях конспирации решено было на вокзале встретиться. Багорыч мог быть уже там, и старик припустил прямо от подъезда. Да недалеко.

– Глушков! Дедушка!

Касьян Нефедович остановился: к нему почтальонша спешила.

– Телеграмма вам. Распишитесь.

«Анна Семеновна умерла. Хоронили вчера».

Старики сидели в зале ожидания. По лицу Касьяна Нефедовича все время текли слезы, и он не знал, что сделать, чтобы они не текли. Он словно съежился, усох вдруг, маленьким совсем стал, и Багорыч легко обнимал его единственной своей рукой.

– Это ничего, ничего, это бывает. Смерть у каждого есть, что уж тут. Жалко, конечно, Нюру, хорошая женщина, но ты держись, друг, вдвоем ведь, не пропадем. В Сибирь поедем, на это... на БАМ. Там люди нужны.

– Никому мы не нужны, – прошептал дедуня. – Никому.

– Врешь! – сердито крикнул Багорыч: теперь он стал старшим и главным, но не ерепенился, как всегда, а говорил серьезно и увесисто, как отвечающий за двоих. – Бани, к примеру, есть у них? Я банщиком могу, а ты...

Компания молодая шла мимо. Шумная, с гитарой. Девчушка в потертых брюках остановилась вдруг, присела перед ними.

– Вы чье, старичье?

Ласково спросила, обеспокоенно. Но тут парни ей крикнули:

– Наташка, поезд уходит!

И она убежала.

– Ничье мы старичье, – тихо сказал Глушков и вздохнул. – Ничье.

– Неправда! – строго нахмурился Сидоренко. – Ты мой теперь, понял? Ты мой, а я – твой, и не пропадем. Мы с тобой еще...

– Вот они где! – крикнул знакомый голос. – Тут они, Валя! Нашлись, слава тебе...

Валька с лету упала рядом, чуть скамью не перевернув. Стукнула одного, стукнула второго – зло, больно – и заревела. Андрей стоял рядом, усмехался:

– Ну, отцы, с вами не соскучишься.

– Окаянные! – закричала наконец-то Валька, да так, что весь зал ожидания вздрогнул. – Черти окаянные, мучители мои! Ну что выдумали, что? Марш домой, пока не простудились, возись тогда с вами! Дед, бери дедуню под руку, ослаб он совсем.

Старики покорно шли к дверям, сзади Андрей нес вещи. Валька шагала впереди, всхлипывая и бесцеремонно расталкивая встречных. А у самого выхода обернулась.

– Спасибо тебе, дедуня. Мне еще никто в жизни цветов не дарил, ты первый.

И засмеялась вдруг. Слезы текли по щекам, а она смеялась весело и звонко. И, глядя на нее, улыбались хмурые пассажиры. А Андрей, хохоча в голос, на часы посмотрел, замолчал и вещи на пол поставил.

– Захвати барахлишко, Валя, магазин закрывается. Надо же еще одну раскладушку купить...

Я думаю о сказках детства. О царевнах-лягушках и Иванах-царевичах, о счастливых чудовищах и несчастных красавицах, о добрых голодных мальчишках и объевшихся пряниками злых купеческих дочках. В них всегда торжествовала справедливость, порок был наказан и все в конце вздыхали с облегчением.

Пусть дети всегда вздыхают с облегчением, но жизнь страшнее любой сказки. Не умирала Анна Семеновна, Нюра далекой юности Касьяна Глушкова. Жива она и здорова, просто дочь ее на телегафе работает. Вспомнили?

1980

Иванов катер

Вечерами в маленькой поселковой больнице тихо. Бесшумно скользнет по коридорчику сестра, разнося градусники. Прокряхтит сухонькая старушка, да скрипнет дверь за мотористом с «Быстрого», выходящим покурить в холодные сени.

А сегодня тишина нарушилась тяжелыми шагами врача, бегом сестер, тревожным скрипом носилок.

Моторист выскочил в коридор:

– Никифорова с Иванова катера в операционку повезли.

– Утоп!.. – ахнула бабка.

– Нет, бабка, за борт свалился...

За разговорами не заметили, как по коридору мимо палат прошли двое; один прихрамывал, крепко налегая на палку.

Он был немолод. От хромоты в левой ноге чуть сутулился и при ходьбе привычно выносил вперед правое плечо. Морщины избороздили до черноты загорелое лицо, и особенно много их набежало возле глаз, словно человек этот всю жизнь смотрел против ветра.

Он шел, стараясь без стука ставить палку, а впереди беззвучно летела девчонка-сестра, от бьющей через край энергии выворачивая по-балетному носки матерчатых тапочек. У операционной остановилась:

– Посидите.

Боком скользнула в дверь, а он осторожно присел на краешек стула, поставив между ног палку.

Как все здоровые люди, он был чуть напуган больничной тишиной: стеснялся сесть поудобнее, скрипнуть стулом, поправить сползавший с плеча тесный халат. Стеснялся своего здоровья, стоптанных башмаков из грубой кожи и тяжелых рук, сплошь покрытых ссадинами и порезами.

– Иван Трофимыч?.. – Моторист опять вылез в коридор.

– Петр? – шепотом удивился Иван. – Ты чего тут?

– Аппендикс вырезали, – не без гордости сообщил моторист, садясь рядом. – Флегмонозный.

– С Федором-то беда какая... – Иван вздохнул.

– А что случилось?

– Запань у Семенова лога утром прорвало. Не знаю, откуда вода пришла, а только рвануло троса, и понесло лес в Волгу. А тут – ветер, волна. Треск стоит – голоса не слышно. Ну, все кто куда: с лесом не пошутить.

– Ай-яй-яй!.. – опечалился моторист. – И много ушло?

– Да нет, немного. Аккурат мы воз навстречу вели, к «Немде» цеплять. Пиловочник сплошь, двести сорок метров. Ну, увидел я: лес в лоб идет...

– Буксир топором да к берегу! – сказал моторист. – Затрет бревнами – «мама» сказать не поспеешь.

Иван улыбнулся.

– А я по-другому рассудил. Плот только сплочен, троса добрые, а ширина в этом месте невелика: развернул, корму в Старую Мельницу сдал – там камни, уязвил прочно. А катерок свой за мысок спрятал. Знаешь, где малинники?

– Ну?

– Ну и сдержал лес, не пустил в Волгу-то, на простор.

– Ишь, сообразил! – завистливо вздохнул моторист. – Премия, поди, будет, благодарность...

– Благодарность, может, и будет, а вот помощника уж не будет, – вздохнул Иван. – Как ударило нас первой порцией – троса запели, а Федора на бревна сбросило. Выловили, а рука на жилах висит.

– Оклемается, – уверенно сказал моторист. – Мужик здоровый. Да и доктор молодец: меня пластал – любо-дорого.

Стемнело, когда из операционной вышел доктор. Увидев его, моторист трусливо юркнул в палату. Скрипнув стулом, Иван встал навстречу, но доктор опустился рядом, и Иван, постояв немного, тоже присел. Он стеснялся начинать разговор, а доктор молчал, медленно разминая в пальцах папиросу.

– Перелом позвоночника, – сказал он, прикуривая и глубоко затянувшись. – Скверное дело, капитан.

– Долго пролежит? – тихо спросил Иван, плохо представляя, что это значит.

– Всю жизнь. – Врач курил жадно, изредка разгоняя рукой сизые клубы дыма. – Всю жизнь, капитан, какая осталась...

– Трое детей... – невольно вырвалось у Ивана.

– Что?

– Трое детей, – повторил Иван и опять встал. – Старшему – двенадцать, не больше...

Доктор молчал. Вспышки папиросы освещали его осунувшееся лицо и капли пота на лбу.

– Рыбки можно ему?

– Рыбки? – переспросил врач. – Фруктов хорошо бы. Витамины, понимаешь?

И опять замолчал. Иван постоял немного и, тихо попрощавшись, похромал к раздевалке.

В раздевалке он сдал халат и в обмен получил потрепанный рабочий пиджак. Пожилая гардеробщица полюбопытствовала насчет Никифорова, и он сказал ей, что дело Федора плохо и что у него трое детей. Гардеробщица, вздыхая и сокрушаясь, отперла уже по-ночному заложённые двери, и он вышел на темную окраинную улицу поселка.

Он привычно свернул вниз, к пристаням, но, пройдя немного, остановился. Посмотрел на часы и, быстро перекидывая палку, враскачку зашагал по узкой крутой тропинке от угла и громко постучал палкой по запертой калитке.

Сквозь надрывный собачий лай послышался сиплый со сна голос:

– Кого нелегкая?

– Это я, Бурлаков. Открой, Степаныч, дело к тебе.

– На место, дармоед!.. – В щели чуть приоткрытой калитки показалась осанистая фигура. – Что за дело?

– Яблоки у тебя есть, Степаныч?

– Яблоки?.. – Хозяин неожиданно тоненько захохотал. – Какие тебе яблоки в июле, старый пень?

– Понимаешь, Никифоров в больнице. Доктор фрукты велел...

– В больнице?.. – Хозяин задумался. – В больнице – это другое дело. – Он распахнул калитку. – Шагай, Трофимыч. Осторожно, приступочка тут.

Вслед за Степанычем Иван поднялся на крыльцо и прошел в темные сени. Хозяин щелкнул выключателем; голая лампочка осветила просторное помещение, заваленное плетеными корзинами, мешками и ящиками.

– Фрукт – великое дело. – Степаныч выволок из угла дырявый мешок, развернул: на дне лежали битые зеленые яблоки. – Первый урожай. Сам бы ел, но ради такого дела...

– Кислятина, поди.

– Ты что? Папировка, первый сорт. Гляди-ко... – Хозяин взял яблоко и начал с хрустом жевать его, причмокивая от удовольствия. – Восемь килограмм, хоть на безмене прикинь.

– Почем же?

– Ну, как для больного – по рублю.

- Круто берешь, Степаныч...
- Первые ведь, от себя отрываю.

Иван молча отсчитал деньги, взвалил на плечо мешок. Хозяин вел его к калитке, по инерции расхваливая уже проданный товар:

– Витаминов в этих яблоках – вагон! У меня вон детсад закупает, прокурор для больной жены. Сила яблоки: сорт особый... Счастливо, Трофимыч! Заходи, если что. Тебе – в первую очередь...

По крутой тропинке Иван спустился к пристаням и сразу увидел плакаты с броской надписью: «Герои нашего затона». Героев узнать было бы невозможно, если бы художник не подписал каждый портрет: «Капитан Иван Бурлаков», «Помощник капитана Федор Никифоров», «Матрос Елена Лапушкина». Все трое сурово глядели вдаль...

Катера стояли за полузатоленной баржей. Они были одинакового размера, формы, убранства, одинаково освещались сигнальными фонарями, и только на самом дальнем совсем по-домашнему сушилось на веревке белье.

Иван спрыгнул на катер, громыхнув по железной палубе костыльком. На шум из рубки выглянула худенькая молодая женщина в выгоревшем ситцевом платье; голова ее была повязана полотенцем.

- Вы, Иван Трофимыч?
- Ты чего это в полотенце?
- Голову мыла. Как Федор?

Он присел, вытянув натруженную ногу, закурил и рассказал, что говорил доктор и как он заходил к Степанычу за яблоками.

- Плохо, Еленка.
- Шесть душ кормил, – вздохнула она. – Шесть душ, сам седьмой...
- Сам седьмой, – повторил Иван, упорно разглядывая огонек папиросы.

Они опять замолчали. Еленка стояла, по-бабьи пригорюнившись, опустив худенькие плечи, чуть прикрытые легким платьем, а он неторопливо курил, по привычке держа папиросу огнем в ладонь.

- Кого-то вместо Федора пришлют, – не то спросила, не то сказала она.

Иван бросил папиросу за борт, поднялся:

- Пойдем в кубрик. Застынешь.

По железному трапу они спустились в тесный низкий кубрик. Четыре дивана окружали небольшой, прикрепленный к полу стол; три из них были застланы. В углу возле трапа размещалась вделанная в железный шкаф печурка; остывая, она изредка потрескивала. В противоположном углу был шкаф для одежды и еще один маленький подвесной шкафчик, в котором хранились судовые документы, ведомости, бинокль и прочее ценное имущество.

От недавно истопленной печи в кубрике было душно. Иван снял пиджак и палкой открыл потолочный люк. Свежий воздух ринулся вниз, а Иван с беспокойством оглянулся на Еленку:

- Не надует?

– Нет. – Она ловко поворачивалась в тесном проеме между печуркой, кухонным столиком и трапом, готовя ужин. – Я уж и постирать успела, и помыться, и обсохнуть, пока вы ходили.

Большими ломтями она нарезала черный хлеб, подала соль, пучок зеленого лука, ложку и большую эмалированную миску, доверху налитую густой ухой. Он взял было ложку, но посмотрел на Еленку и отложил:

- А ты что же? Или не голодна?

– Не хочу, – сказала она. – Вы кушайте. Не знаю, горяча ли уха.

– В самый раз, – сказал он и начал есть, а она села напротив и подперла подбородок рукой.

Они вообще говорили мало, а за едой не говорили никогда, потому что еда не была для них развлечением. Еленка просто молча глядела, как неторопливо и старательно он ест, как

аккуратно подставляет под ложку ломоть хлеба, чтобы уха не капала на стол и чтобы ей было меньше хлопот с уборкой. Она любила смотреть на него, когда он ел: в ней появлялось уютное чувство хозяйки, заботливо кормящей главу семьи после тяжелого трудового дня, и тогда тесный кубрик казался просторным домом, бревенчатые стены которого веками источают смолистый дух...

Иван вытащил из миски большую разваренную рыбу и стал есть ее, выбирая кости.

– Хорошего Федор подъязка поймал... – начал он и, поняв, что ест сейчас, пожалуй, последний улов, который выпал на долю его помощника, сказал: – Яблоки Федору отнесешь в больницу. Я утром к домашним его зайду, а оттуда – в контору: надо нового помощника искать.

Потом он вылез на палубу покурить, а Еленка убрала со стола и вымыла яблоки, заботливо вытерев каждое. Ей хотелось надкусить одно, почувствовать во рту кислый до оскомины сок, но она только понюхала их и сложила в сшитый из старой наволочки мешок.

Покончив с хозяйством, она разделась и легла. За тонким бортом чуть слышно плескалась вода, а в кубрике было так тепло и привычно, что она почти сразу же уснула и не слышала, как Иван с грохотом запирал на ночь тяжелую дверь рубки.

Иван легко засыпал в любом месте – будь то узкий диван кубрика или колючий лапник фронтowych привалов. Спал без сновидений и всегда на правом боку, но сегодня никак не мог уснуть.

Глупо и обидно, что человек, как бы силен он ни был, не может предотвратить беду. Стоять бы Федору на шаг правее борта сегодняшним утром – и спокойно храпел бы он сейчас на соседнем диванчике. Всего на шаг правее. На полшага...

Он тяжело заворочался, но, боясь разбудить Еленку, сразу притих: молодые любят спать, им это полезно.

Еленка... Две женщины в его жизни, но первую не стоит вспоминать. Первая родила ему Сашка, а любви не было, и вышло ни то ни се, ничего не вышло, если говорить честно. И правильно, что отдал он тогда жене дом, а себе взял новый костюм да ордена, которые надевал три раза в год: на праздники и в День Победы. Очень правильно, хоть и бобылем оказался уже в возрасте, когда у других – и дети, и радость, и место за столом, которого никто не займет. А она вроде бы счастлива теперь, и то ладно...

Расчесал ты, Иван, старую болячку: зуд по всей душе пошел. Покурить надо. Покурить, проветриться – и забыть.

Иван спустил ноги с чуть вздохнувшего дивана. Ощупью нашел штаны, накинул на плечи пиджак и, растопырив руки, пошел к трапу. Нашупал поручни и полез в рубку, с силой подтягивая тело. В рубке разыскал старые галоши (Еленка в них мыла палубу, когда было жарко и железо нагревалось так, что босиком и не ступишь), не смог в них влезть и, громыхнув-таки дверь, вышел на палубу.

Небо было в тучах, звезд не видно, а луна еще не народилась. Иван присел на крышу моторного отделения и закурил.

Вода чуть слышно плескалась о борт. Она плескалась всегда – днем и ночью, в штить и шторм, но он слышал этот плеск только по ночам, если случалось не спать. А в остальное время просто исключал его из сознания, как городской житель исключает грохот трамваев. А ночью любил слушать...

Замерзнув до озноба, он бросил окурок, запер дверь рубки и осторожно спустился в черноту кубрика. Нырнул под одеяло, и пружины дружно вздохнули под его тяжестью. Натянул одеяло до подбородка и закрыл глаза.

Он открыл их, вдруг почувствовав, что Еленка стоит рядом.

– Проснулась?

– Я давно проснулась, – сказала она. – Я слышала, как вы ворочались и вздыхали.

– Надо спать, – сказал он, невольно притягивая ее к себе. – Надо спать, а то что мы завтра за работники будем...

Он почувствовал, как губы касаются его щеки: она никогда не целовала его, а только касалась губами, смешно вытягивая их. Он повернулся на бок, и она быстро юркнула под одеяло.

– Зачем вы по железу босиком ходите?..

Они любили друг друга молча. Ни разу ни одного ласкового слова не расслышал Иван и тоже молчал, про себя выдумывая ей самые нежные прозвища...

Было еще совсем темно, когда Еленка шевельнулась.

– Что так рано? – спросил он.

– Лифчик у меня сохнет, – сказала она, и он понял, что она улыбается. – Рассветет – мужики смеяться начнут: что, мол, за сигнал поднят на Ивановом катере?

Она чуть коснулась рукой его лба, и он с сожалением отпустил ее. Он всегда отпускал ее с сожалением: слишком уж коротки были летние ночи.

Утром, пока Еленка готовила завтрак, он достал из носового трюма пять больших лещей: он сам наловил их, сам солил, сам коптил на можжевельнике так, что кожа их даже в сумерки светилась теплым золотистым светом.

– Никифоровой, – сказал он, поймав удивленный взгляд Еленки. – Скажу, что Федорова доля осталась.

– А Сашку?

Иван помолчал, нахмурился. Буркнул под нос:

– Обойдется Сашок без рыбки.

Они позавтракали вчерашней ухой, напились чаю и сошли на берег. Еленка свернула наверх, к больнице, а Иван, зажав под мышкой пакет с лещами, похромал вдоль причалов, здороваясь с каждым встречным.

Дом Никифоровых стоял с края берегового порядка. Федор поставил его прошлым летом, получив за два года стажировочные и взяв ссуду в конторе. Иван все время думал об этой ссуде, но надеялся, что теперь начальство либо скостит долг Никифорову, либо, на худой конец, растянет его на много лет...

Он хорошо знал этот дом: Федор часто приглашал капитана то на дочкины именины, то на рождение сына. Иван покупал тогда бутылку водки, а Еленка надевала синее шерстяное платье. Хорошие это были вечера...

Он толкнул тяжелую дверь и вошел в дом. За дощатой перегородкой, отделявшей жилую комнату от маленькой прихожей, слышался громкий обиженный плач.

– Паша!.. – окликнул Иван.

Плач стал сильнее, но ответа не последовало.

– Есть кто живой? – спросил Иван, все еще не решаясь без приглашения идти в комнату.

– Я живой, – недовольно ответил мальчишеский голос, и на русской печи задвигалось что-то похожее на худой, обтянутый штанами зад. Зад этот, вильнув, попятился к приступочке, и Иван наконец разглядел Вовку – старшего отпрыска Никифорова рода.

– Здравствуй, дядя Иван, – степенно сказал Вовка, подавая левую руку, так как в правой он держал шерстяные, домашней вязки женские чулки.

– Чего Оленька кричит?

– Развивается. – Вовка сел на пол и стал надевать чулки на худые исцарапанные ноги. – Может, артисткой будет: орет больно здорово.

Чулки были велики, но Вовка не обращал на это внимания, деловито прикручивая их к тощим икрам специально припасенными веревочками.

Поняв, что толку от Вовки не добьешься, Иван аккуратно вытер ноги о половичок и прошел в комнату. В углу на неприбранной кровати кричал ребенок, приваленный подушкой. Увидев Ивана, ребенок сразу перестал орать и улыбнулся, показав два крохотных зуба.

– Ну что, Ольга, орешь? – спросил Иван, снимая с нее подушку. – Мокрая небось? Он развернул девочку, переменял простынку и вновь уложил Ольгу на место. Девочка пускала пузыри и улыбалась, крепко держа Ивана за палец.

– Она кормлена? – спросил Иван.

– Кормлена, – сказал Вовка. – Бабка кашу варила.

Остатки каши были разбросаны по столу. Там же стоял чугунок, грязные тарелки и хлеб.

– А где бабка?

– В церкви. Пошли они с дедом в церковь и Надьку с собой увели.

– А мать?

– В больнице. Еще не рассвело – побежала. Все равно к папке не пустят, чего бежать?

Вовка вошел в комнату. Кроме бабкиных шерстяных чулок на нем были надеты тяжелые башмаки.

– Ты чего это в чулки вырядился?

– Это теперь не чулки, – сказал Вовка, любуясь собой в зеркало, подвешенное на стене. – Это теперь гетры, дядя Иван. Гетры – футбольная форма.

Иван посмотрел на него, сказал серьезно:

– Плохо с отцом-то, Вова.

– А чего плохо-то? Чай, не утонул: отлежится.

– Эх, глупый!.. – Иван с сожалением и очень стесняясь высвободил палец из детского кулачка. – Рыбу я там принес. Сунь ее в подпол.

Вовка нехотя пошел исполнять поручение. Пока он, сопя и вздыхая, громыхал тяжелым люком, Иван собрал грязные тарелки, смахнул со стола, прикрыл хлеб и чугунок с кашей кухонным полотенцем.

– Ты бабки дождись или матери, футболист, – сказал он, когда Вовка вернулся. – Ребенка одного не оставляй.

– А что ей сделается? – недовольно спросил Вовка. – Я ее подушкой привалю, чтобы не ползала и не убила.

Из разговора было ясно, что Вовка уже все продумал и спорить с ним бесполезно. Поэтому Иван начал издали:

– Ты вроде рыбачить со мной собирался?

Вовка мгновенно повернулся к нему.

– Когда пойдем?

– Когда?.. – Иван испытующе посмотрел на него. – Три условия тебе ставлю: посуду помыть, воды в бачок натаскать и Ольгу не оставлять. Выполнишь?

– Выполню, – вздохнул Вовка.

– Завтра в семь приходи к катеру. Знаешь, где стоим?

– Знаю! А чего брать? У меня и на верхоплавку есть, и закидушка...

– Снасть будет полная. Пальтишко захвати.

– Так тепло. Лето.

– Леща пойдем брать, Вова. А лещ, он ночью ловится, в тишине. – Иван положил руку на нечесаную, добела выгоревшую голову мальчишки и подумал, что здорово решил насчет рыбалки: значит, часть улова можно будет свободно отдать Вовке как долю в общем труде.

– Все сделаю, дядя Иван, – говорил Вовка, провожая его к дверям. – Посуду помыть – раз, воды натаскать – два, Ольгу не оставлять...

– Да, вот еще. – Иван остановился. – Матери скажешь, чтобы сегодня же в отдел кадров с паспортом пришла. Со своим паспортом, не забудешь?..

Иван шел назад легко и быстро. Все же удачно начался день: и с Вовкой он справился, и насчет рыбалки придумал, и вовремя, очень даже вовремя вспомнил, что Паша Никифорова

нигде не работает. И только досадное обстоятельство портило настроение: как же это можно идти в дом, где малые дети, и не захватить с собой кулек карамелек?..

На крыльце приземистого одноэтажного дома, где размещался отдел кадров, сидел рослый парень, сбив на затылок помятую форменную фуражку с треснувшим серебряным «крабом». У ног его стоял потрепанный чемоданчик, к ручке которого был лямками привязан плотно набитый солдатский вещмешок. Темные масляные пятна окрасили мешок в грязно-черный цвет: видно, хозяин швырял его где попало. Флотские брюки парня, зауженные согласно столичной моде, тоже были в пятнах и потеках, зато белоснежная рубашка сияла ослепительной чистотой; в вырезе ее виднелись неправдоподобно синие полосы новенькой тельняшки.

– Откуда будешь, парень? – спросил Иван.

– Снизу, – равнодушно ответил парень.

– Горьковский?

– Почти что угадал.

– А чего здесь сидишь?

– Начальство документы изучает...

Он вдруг цепко, искоса глянул на Ивана.

– Говорят, у вас плавсостав укомплектован под завязку. Верно?

– Кто его знает, – уклончиво сказал Иван. – Вроде бы нет...

– Значит, в лапу ждет! – Парень выругался. – Либо на пол-литра рассчитывает.

Начальник отдела кадров получил на фронте штыком в живот и с той поры ел одну манную кашу с молоком.

– С дизелями знаком? – спросил Иван.

– Судовой механик... А что?

– Посиди пока. Узнаю, – сказал Иван и мимо парня прохромал в отдел кадров.

Начальник отдела кадров был худ и черен, как ранний грач. Иван давно знал его: еще до войны вместе ходили в клуб водников на танцы.

– Здорово, герой затона. – Улыбка у начальника пряталась в глубоких морщинках, и о существовании ее догадывались немногие. – Сразу могу обрадовать: начальство премию вам отгрохало.

Иван промолчал.

– И еще одно, уже по секрету. Сегодня местком заседать будет насчет твоего катера. Полагаю, решат присвоить имя, Иван Трофимыч. Большая честь тебе оказывается.

Раньше не было такого порядка: мелкие суда шли под номерами, крупным наименования присваивали либо на судоверфи, либо приказом по пароходству. А как выбрали в бюро Володьку Пронина, так все пошло иначе. Сумел Володька начальству внушить, что имя для судна почетней благодарностей, и присвоил местному право решать, кто этого почета достоин.

– Только пока – ни гугу, – сказал начальник. – Будет приказ, будет и оркестр. – И опять собрал возле рта морщины, запихал в них улыбку и спросил: – Рад?

– Рад, – вздохнул Иван и закурил, стряхивая пепел в ладонь, потому что начальник курящих не жаловал и пепельниц не держал. – Рад-то рад, Николай Николаич, только кто дает, тот и отбирает.

– А ты оправдай.

– Так ведь не посуху ходим, а по воде. – Иван улыбнулся, потом помолчал, показывая этим, что шутки кончены, и сказал серьезно: – Ты вот что, Николай Николаич, ты жену Федора Никифорова оформи матросом ко мне на катер.

Начальник с удивлением посмотрел на Ивана.

– Трое детей, Николаич. На Федорову пенсию не потянет.

– Жалостливый ты больно мужик, Иван Трофимыч, – с неудовольствием сказал начальник.

– Надо, Николай Николаич. Был я у них: надо.

Начальник только вздохнул.

– Ладно. Пришли ее сегодня с паспортом.

– Сама придет: я Вовке, сыну ее, наказал.

Начальник пометил что-то в календаре, усмехнулся:

– В начале навигации ты обязательство брал сократить экипаж с пяти до трех человек.

Было такое?

– Было, – сказал Иван. – При толковом помощнике вполне можно обойтись без моториста и второго матроса.

– А теперь сам второго матроса просишь. Некрасиво получается.

– Утремся, – сказал Иван. – Напишу заявление, что погорячился и без второго матроса обойтись не могу. Ну, ругнут меня на партсобрании, а Паша Никифорова каждый месяц полсотни получать будет. Правильно или неправильно?

– Правильно вообще-то, – согласился начальник. – Продавай свою рабочую гордость за полста рублей.

– Ничего, – улыбнулся Иван. – Не такой уж я гордый.

– Ну, договорились, – сказал начальник. – Второй вопрос: кого вместо Федора?

– Вместо Федора?.. – Иван встал, подошел к окну, выбросил пепел с ладони. – А что за парень у тебя на крыльце сидит?

– Не советую, Трофимыч, – поморщился начальник. – Ой не советую.

– Почему?

Начальник придвинул лежащие с краю стола документы, раскрыл трудовую книжку.

– «Прасолов Сергей Павлович, – читал он, изредка поглядывая на Ивана. – Специальность – судовой механик, холост...» Подходит?

– По всем статьям.

– Погоди. – Начальник перевернул несколько страниц и с выражением прочел: – «Уволен из Саратовского грузового порта десятого июня сего года по собственному желанию...» – Он отложил книжку и посмотрел на Ивана.

– Ну? – спросил Иван, ничего не поняв.

– Парень в середине навигации по собственному желанию ушел. Спросил я его, что же это за желание такое: бросить Саратовский порт и к нам в глухомань приехать? Смеется: у вас, говорит, невесты на всю Волгу славятся.

– Может, человек веселый.

– Веселый?.. Это ведь пишется только, что по собственному желанию. Не первый год кадрами заведу: знаю. А что там у него на самом деле было – поди вон к тетке Авдотье да погадай.

– Значит, неправду в документах пишут?

Начальник досадливо поморщился:

– Есть, Иван Трофимыч, правда, а есть – истина. Против истины мы ни на волос не согрешим: дело это святое... – Он вздохнул. – Сколько у тебя матросов вместе с Никифоровой будет?

– Два.

– Правильно: зарплата – двоим, а палубу драить – одна Елена. Так?

– Ну?

– Так где же она, правда-матушка?

– А-а... – Иван улыбнулся. – Подкусил!

– Вот так и в нашем деле, – со вздохом сказал начальник.

Он замолчал и снова стал придирчиво изучать трудовую книжку судового механика Прасолова.

– А вдруг – не так? – сказал Иван и встал. – Вдруг ты ошибаешься, Николай Николаич? Вдруг он и вправду по собственному желанию уволился и к нам приехал с дорогой душой, а мы...

– Сомневаюсь, – сказал начальник.

– А я не могу человека загодя плохим считать, – с непривычной горячностью сказал Иван.

– Значит, хочешь брать?

– Беру. Опыт у него есть?

– Достаточный, – сказал начальник. – Он вон и по Енисею навигацию проплыть успел... Ладно, Трофимыч, гуляй себе на катер, прибирайся, а парня я пришлю. Только помни: я тебя по дружбе предупредил, и чтобы потом...

– Ничего потом не будет, – сказал Иван и, пожав сухую, всегда горячую руку начальника, вышел из отдела кадров.

Парень сидел на старом месте, только возле ног прибавилось окурков. Он встретил Ивана спокойным взглядом серых холодных глаз и чуть заметно усмехнулся.

– Катер возле затопленной баржи причален, – сказал ему Иван. – Как оформишься, приходи не мешкая. Катер номер семнадцать, запомни.

Парень вскочил, хотел что-то сказать, но из окна крикнул начальник:

– Прасолов!.. Ну-ка, зайди!..

Прасолов подхватил вещи, шагнул к крыльцу. В дверях остановился.

– Спасибо, капитан! С меня – пол-литра!..

С яблоками Еленка обернулась быстро: дежурила знакомая девчонка и без разговоров взяла мешочек. Впрочем, Никифоров считался тяжелым, лежал в отдельной палате, и доктор, вопреки обыкновению, пустил к нему жену еще до завтрака. Все эти новости сестра выпалила Еленке и ушла.

От больницы Еленка спустилась к рынку, купила мяса и, завернув его в припасенную газету, пошла на катер.

Поставив вариться мясо, Еленка переделалась и принялась за уборку. Открыв люк в кубрике, выколотила диваны, вытащила наверх одеяла и подушки. Потом достала швабру и, надев на босу ногу галоши, принялась с ожесточением скрести маленькое суденышко.

– Чего расстаралась, соседка? – спросила с ближайшего катера пожилая женщина-матрос. – До Ноябрьских далеко...

– Да я так. – Еленка почему-то смутилась и отвечала, не поднимая лица. – Все равно пока без работы стоим.

– А Никифоров как?

– Не видала я его, родных только пускают. Девчонка там знакомая работает, говорит, плохо, мол.

Вопрос любопытной соседки – нет, не о Никифорове, другой, – застал Еленку врасплох. Еще вчера она и не думала об уборке, но сегодня на борт должен был вступить кто-то посторонний, и ей хотелось по-хозяйски блеснуть чистотой, порядком и сытным обедом.

Где-то в глубине души она хотела, чтобы неизвестный оказался молодым и веселым, но думала об этом робко, словно тайком от самой себя, потому что и для нее и для Ивана куда было бы проще, если бы он был местным, имел на берегу дом, семью и все связанные с этим интересы. Такой человек не мог нарушить установившийся на катере порядок, и жизнь не требовала бы ни перемен, ни ухищрений. Все текло бы своим чередом – даже ее редкие ночные свидания с Иваном...

Размышляя об этом, она выдраила до блеска старый катерок и спустилась вниз, где на крохотной печурке кипел обед. Она успела только приподнять крышку, как на палубе гулко грохнуло, катерок качнуло и незнакомый голос громко спросил:

– Разрешите войти?

Она поспешно накрыла кастрюлю, вытерла руки и, старательно оправив платье, с опозданием крикнула:

– А кто там?

И полезла наверх, заранее смущаясь, потому что голос был насмешливым и молодым. Еще из рубки – сквозь стекло – она увидела рослого парня с чемоданом и вещмешком.

– Здравствуйте, – очень тихо сказала она.

– Привет, хозяйка. – Парень в упор разглядывал ее серыми глазами. – Будем знакомы: Прасолов Сергей Павлович.

– Лапушкина, – сказала она и, стесняясь, подала руку ковшиком, на мгновение. Потом спросила: – К нам, значит?

– К вам. – Он поймал ее взгляд, улыбнулся вдруг, как выстрелил: – Как вахта идет, товарищ Лапушкина?

От прямого, вызывающего взгляда, от вопроса, сбивающего на игривый, неравноправный тон, Еленка совсем сникла и, пробормотав что-то, торопливо спустилась в кубрик. Здесь она опять принялась за обед, все время с непонятной тревогой прислушиваясь к шагам над головой. Зная, каким звоном отзывается каждый шов палубы, она безошибочно определяла, что он делает там, наверху: тонко взвизгнула плохо смазанная петля носового люка, скрипнула дверь рубки, грохнул пол машинного отделения.

Парень грохотал по-хозяйски, не стесняясь, не спрашивая, что где лежит. Тяжело взревел двигатель, катерок мелко затрясся, но Сергей не выключал ход, а придиричиво гонял старенький мотор на всех оборотах, выслушивая каждый цилиндр. Он больше не беспокоил ее и не выходил из машинного отделения. Заглушив движок, звякал ключами, изредка что-то насвистывая. Даже когда пришел Иван, не вылез навстречу, а гулко крикнул снизу:

– Капитан, спуститесь-ка!..

Иван ушел к нему, и они долго не появлялись. Еленка сготовила обед, накрыла на стол, а их все не было, только голоса неразборчиво гукали в звонком трюме да дважды взревел запущенный двигатель.

Они спустились вместе – умытые, с розовыми, натертыми полотенцем лицами.

– Ну, я же сразу сказал, что в пятом цилиндре палец люфтует! – почему-то очень радостно говорил Сергей. – И форсуночки проверить не грех: подача паршиво отрегулирована, для дяди...

– Обедать, – сказала она, то снимая, то снова накрывая кастрюлю крышкой. – Стынет.

– С мясом! – улыбнулся Иван. – Ну, Еленка, расстаралась ты сегодня.

– Что же я! – крикнул Сергей и кинулся на палубу.

Он тут же вернулся с мешком и чемоданом.

– Для первого знакомства. – И со стуком поставил на стол бутылку водки.

– Это ты, парень, зря, – сказал Иван. – У нас закон: только по праздникам.

– Я, капитан, законы соблюдаю. – Сергей зубами надорвал пробку. – Ты что, матрос, два стакана ставишь?

– Выпей с нами, Еленка, – сказал Иван. – За знакомство.

Они выпили, и Сергей с Иваном завели длинный разговор о двигателе, который следовало бы перебрать, о работе, которую невозможно спланировать, о простоях и премиальных, переработках и выходных, и Еленка вскоре совсем освоилась, потому что новый помощник не обращал на нее никакого внимания.

– Вот ты говоришь: смесь богатая, – сказал слегка захмелевший Иван. – Ладно, богатая. Так. А есть резон регулировать? Есть резон экономить? Нету такого резона, потому что тут не об экономии думать надо, а наоборот: куда лишнее горючее деть.

– Много? – спросил Сергей.

– Две тонны вот тут. – Иван похлопал себя по шее. – Движок старый, масло жрет в три горла, а кто с этим считается? Нормы единые – по отношению к топливу. Вот и приходится из-за масла нормы завышать: пишешь «сто моточасов», а на самом-то деле хорошо, если полсмены отработал.

– Да и самому, наверно, не без выгоды, – усмехнулся Сергей. – Ты, капитан, не хмурься: нам теперь в одном кубрике щи хлебать.

– Катер наш на побегушках, и платят нам повременно, – сказал Иван, закуривая. – Просто глупость получается, вот какое дело. И не хотел бы, а сам собственной рукой каждый месяц моточасы приписываю, иначе без масла останусь.

– А если назад, на нефтянку сдать? Мол, излишки?

– За излишки, парень, хлестче бьют, чем за перерасход.

– Да, капитан, тут повертись! – засмеялся Сергей. – Ладно, что-нибудь сообразим: докажу, что не зря ты меня на крыльце подобрал... – Он прошелся, хлопнул по железному ящику в углу. – А что же музыка не работает?

– Перегорела музыка, – сказал Иван. – Надо бы радиста.

– Считаю, что нашел. – Сергей подсел к приемнику. – Я на флоте кем только не был... – Он свинтил барашки, снял крышку: обнаружилась затянутая паутиной пустота. – А где же передатчик? Или не выдавали?

– Выдавали, – улыбнулся Иван. – В начале навигации все выдают – и приемник и передатчик. Приемник мы берем: известия послушать или музыку, а передатчик снимаем и – обратно на склад. Мороки с ним уйма, ответственность, а радистов на весь затон – два человека.

– Темные вы люди! – не то шутя, не то серьезно сказал Сергей. – Подай-ка мне, матрос, отвертку да батарейку с наушниками. В чемодане они.

Еленка не сразу поняла, что он обращается к ней: так запросто, походя прозвучала эта просьба.

– Подай, что просят, – сказал Иван. – Значит, разбираешься? Золотые, видать, руки.

– А это поглядим – золотые они или оловянные.

Работать он умел: не суетился, не ошибался в инструменте, не тратил силу там, где нужна была сноровка. Простучав с помощью батарейки цепи, нашел сторевшее сопротивление, опять послал Еленку за какой-то коробкой, разыскал в этой коробке нужную деталь и кое-как, временно, поставил ее на место.

– На соплях, – улыбнувшись, пояснил он. – Раздобудь паяльник, матрос, сделаю намертво.

Иван недоверчиво хмыкнул, но Сергей тут же поймал «Маяк». В динамике что-то потрескивало, но слушать было можно.

– Вот и вся беда, – сказал Сергей, навешивая щитки на работающий приемник.

Они долго слушали музыку. Сергей попытался было подсвистывать, но поймал недовольный взгляд Ивана, замолчал и слушал дальше уже серьезно. И Еленке понравилось, что он поглядывает на Ивана с уважением, не выпячивает своих привычек, а подлаживает их под жизнь того кубрика, в котором ему теперь и спать, и щи хлебать...

Как только концерт кончился, Иван поднялся, щелкнул выключателем.

– Теперь полчаса объяснять будут, почему музыка хороша. Подай-ка костылек, Еленка.

Еленка подала стоявшую у трапа палку, спросила:

– Далеко ли собрались?

– Стариков надо проведать. – Иван глянул на Сергея. – Айда с нами, а?

Пошли втроем. Иван с помощником шли впереди, говорили о работе, о рейсах, о глубине судового хода и мелях, обозначенных по всему плесу сухими жердями. Разговор был серьезным, и Еленка не решилась их окликнуть, задержавшись у ларька. Купила конфет старухе в гостинец, а потом долго бежала следом, потому что шли они широко и, увлеченные разговором, не заметили, что она отстала. Догнала возле баржи-такелажки, да и то потому, что Иван остановился.

– Гляди, парень, вот в этих хоромах настоящие волгари живут, потомственные, – сказал он, указывая палкой на старую, замшелую баржу. – Здесь теперь склад такелажный, а хозяин – шкипер, значит, – с хозяйкой жильё себе оборудовал. Утеплит, ну, печку я им сложил, и – живут!

– А зимой?

– И зимой тоже. Прежде на брандвахту переселялись, а теперь не хотят. Приросли к этой барже, как чага к березе. Да и то, деваться старикам особо некуда: было два сына – война забрала, а дочь в городе Ленинграде живет, замужем. Ну, и опять же в Ленинграде вода другая, а тому, кто на Волге вырос, это не все равно.

– Скотинка у них тут, – улыбнулась Еленка. – Кот Васька, собака Дружок да коза Машка. Невелик зоопарк, а есть каждый день просит.

– Люди они старые, а значит, с чудинкой, – сказал Иван. – Ты учти это, Сергей.

– Будет сделано, капитан. Не у бабы-яги росли, понимаем...

Иван первым ступил на хлюпающие сходни, и, как только чмокнули они под его тяжестью, тотчас же настороженно тявкнула собачонка.

– Свои, Дружок, свои! – крикнула Еленка, проходя вслед за Иваном на баржу.

Собака подошла, ткнулась в ноги Еленке, обнюхала Сергея и, степенно помахивая хвостом, проводила до тяжелой двери. Иван стукнул в дверь палкой, приоткрыл, крикнул в сумрак коридорчика:

– Можно, хозяйева?

Никто не отозвался, но они, не задерживаясь, прошли этот коридорчик, и Иван постучал в следующую дверь – такую же тяжелую, срубленную, вероятно, еще в прошлом веке.

– Кого бог несет? – донесся из-за двери скрипучий старушечий голос, показавшийся Сергею неприветливым.

При этих словах Иван распахнул дверь и посторонился, пропуская Еленку и помощника.

Они вошли в кухню, крохотную из-за громоздкой русской печи. В кухне стоял тяжелый корабельный стол, который не дрогнул бы и от десятибалльного шторма, и такие же, рубленные топором, лавки.

У квадратного оконца сидела сухонькая, чистенькая старушка с черными, живыми и, как опять показалось Сергею, недобрыми глазами. Строго поджав губы, она молча смотрела на них.

– Здравствуй, Авдотья Кузьминична, – сказал Иван и подал старухе руку. – Вот нового помощника привел для знакомства.

– К чаю поспели, – сказала старуха, сунув Сергею жесткую, как наждак, ладонь и расцеловавшись с Еленкой. – А познакомиться – еще познакомимся: до ледостава далеко.

Сказавши это, она отвернулась и начала доставать из стенного шкафчика граненые стаканы.

Еленка осталась помогать ей, а мужчины прошли в комнату; в проеме вместо двери висела ситцевая занавеска. Здесь стояла кровать с множеством подушек, платяной самодельный шкаф, дерматиновый диван, несколько стульев и стол – точная копия того, кухонного. За столом сидел грузный, в седых космах старик и читал толстую растрепанную книгу. При виде вошедших он аккуратно заложил книгу листочком и снял круглые железные очки.

– Здорово, капитан, – сорванным голосом сказал он. – Слышал уж и про беду твою, и про удачу.

Старик крепко пожал им руки, они сели, и Иван спросил с удивлением:

– Что сипишь-то, Игнат Григорьич? Простыл?

– Да вот... – Старик покашлял, покосился на занавеску, помял пальцами большой, заросший седой куделью кадык. – Должно, так...

– Где там! – крикнула из кухни старуха. – Напился в Петров день да все песни играл, как молодой!

Старик смущенно крикнул, но спорить не стал. Закурил предложенную Иваном папиросу, глянул на Сергея выцветшими, но еще по-молодому пристальными глазами:

– Волгарь?

– Саратовский.

– Или там работы нет?

– Работа везде есть, – осторожно ответил Сергей.

– Посторонитесь-ко, – сказала Еленка, внося кипящий самовар.

Она поставила самовар на стол, опять пошла на кухню. Старик крикнул вдогонку:

– Мать, а мать, пошуруй-ка в шкапчике!..

– Шурую, – отозвалась старуха. – Ты уж тут так прошуровал, что и глядеть-то не на что.

– Не надо, Игнат Григорьич, – поспешно сказал Иван. – Не хлопочите.

– Твое дело, Ваня, гостевое, – сказал шкипер, вставая. – А нам для знакомства обычай велит.

Он прошел на кухню. Сергей ударил кулаком в ладонь, зашипел:

– Неладно получается, капитан. Старики, понимаешь, шуруют, а мы... Давай я сбегаю?

– Ох, напрасно все это! – вздохнул Иван. – Не к месту, не ко времени... Да и не достанешь уже: закрыто.

– Это я-то не достану? – улыбнулся Сергей. – Засекай время, капитан...

В дверях он столкнулся со шкипером: старик торжественно нес четвертинку:

– Такой, стало быть, нынче улов, мужики... Ты куда это, парень?

– Четверть часа поскучайте, – сказал Сергей и вышел.

Он вернулся быстрее, чем обещал: вошел красный, запыхавшийся, но довольный. Молча поставил на стол бутылку, сел слева от шкипера.

– Выпить захочется – так и парилка не нужна, – улыбнулся старик.

Стол был уже накрыт: сопел самовар, стояли стаканы, соленая щука, вяленый лещ, грузди прошлогоднего засола – уже склеенные, пожухлые, моченая брусника, отварные, крепенькие – одна к одной – сыроежки в уксусе.

– Все теперь на вино горазды, – сказала старуха. – Что мужики пьют да бабам подносят – это неудивительно, а вот что бабы пьют да мужикам подносят – это уж совсем на удивление.

– Вот я тебе, мать, и поднесу, чтоб меньше удивлялась, – улыбнулся шкипер и налил старухе на доньшко граненого стакана. – Ну, гости дорогие, выпьем, как говорится, за хлеб да за сено, за пол да за стены, за мышку, за кошку, за нашу дворняжку да за козу Машку.

Мужчины выпили, а женщины только пригубили и тут же отставили стаканы подальше.

– Кушайте, гости дорогие, – сказала старуха и, отломив корочку хлеба, стала жевать ее передними уцелевшими зубами.

Еленка ухаживала за ней, выбирая кусочки помягче и повкуснее. Авдотья Кузьминична принимала эти знаки внимания с царственной невозмутимостью.

– Мы с тобой на той неделе по чернику пойдем, – сказала она. – Как, Иван, отпустишь матроса-то?

– Да какая тебе черника сейчас! – засмеялся шкипер. – Ноги убьете да комаров покормите – вот и вся добыча.

– Сегодня у нас что? – спросила Авдотья Кузьминична и сама же важно пояснила: – Сегодня у нас семнадцатое, по-старому – день Андрея Наливы и память иконы Божьей Матери

Ганатской. Через четыре дня – Казанская. А на Казанскую, считай, так: поспела черника, поспела и рожь. Зажинки в старину начинались, песни по вечерам молодежь играла, и хорыводы водили в поле.

– Это же когда было-то, мать? – улыбаясь, спросил шкипер. – Это тогда было, когда мы еще без химии жили. А теперь все смешалось и календарь твой недействительный.

– То не мой календарь, а Божий, – строго сказала старуха. – Земля по Божьему календарю творит.

– Ну, насчет приметы это верно, – сказал старик, сдаваясь. – Коли черника, то и рожь. Это верно.

– А насчет леща какая примета, Игнат Григорьич? – спросил Иван. – Пообещал я, понимаешь, Никифорову мальчонке...

– Лещ вообще-то берет, – сказал шкипер. – Однако жара стоит, звон в воздухе, а он этого не любит. В глубину ушел, к стрежню поближе. Попробуй с плотов, что против Никольских островов зачалены.

– А на приваду что?

– Кашку свари покруче: пшенку либо перловку. Анисовых капель добавь маленько, чтобы дух по воде шел. А червей я тебе дам.

Червей старик разводил сам в железном ящике, подсыпал им мучицы и спитого чаю, раз в два дня поливал разведенным молоком. Черви у него росли крупные, вертлявые, ярко-красные – один в один, не в пример бледным и тощим обитателям супесных берегов.

– Давай, мать, за молоком завтра навостряйся, – озабоченно сказал старик. – Пятые сутки червей одним чаем потчую.

– А что же Машка-то ваша? – спросила Еленка. – Или забастовала?

Старуха горестно вздохнула, а шкипер засмеялся:

– Тю-тю наша Машка! Продали мы Машку-то свою. Аккурат в Петровки и продали.

– Продали?.. – ахнула Еленка. – Да как же так?

– Расскажи, мать. Повесели гостей! – смеялся шкипер.

– Смеху тут немного, – вздохнула старуха. – А дело было так. Задумала я козленочка поиметь...

– Это она задумала, она!.. – хохотал шкипер. – Не Машка, Трофимыч, а она!

– Да будет тебе, – отмахнулась старуха. – Ну, покормила я свою Машку, почистила, причесала – ладненькая такая козочка стала, аккуратненькая. Григорьич ей рюмочку поднес – заиграла моя Машка, как молодая: копытцами бьет, глаз имеет, трепещет вся. Ну, думаю, быть мне с козленочком. Привела ее на пункт, фельдшеру предъявила. Осмотрел ее фельдшер, огладил. «Давай, говорит, Кузьминична, с богом на святое дело. Сейчас, говорит, Борьку приведу». Отвел он меня во дворик, указал, куда Машку привязать, а сам ушел. Привязала, стою. Обошлось, думаю, не углядел фельдшер, что Машка-то ровня мне будет, если по козлиному веку считать. Только это я порадовалась, фельдшер козла вводит, Борьку то есть. Глянула я: батюшки светы, бугай! Ну, чистый бугай: грудь колесом, рога как оглобли и землю копытом роет. «Не мешай ему, – говорит фельдшер, – Кузьминична: дело он свое знает, породы знатнейшей, только, говорит, с норовом, паразит». Впустил он, значит, его, а сам пошел: дела, мол. Ну, я стою, жду. И Борька стоит. И Машка моя вздыхает, ножками перебирает, глаз на меня косит: перепугалась, видать. Машенька, говорю, касаточка, не бойся, говорю. Он, говорю, только с виду такой архаровец, а так – козлик как козлик. Только это я сказала, Борька вдруг фыркнул этак насмешливо, подскочил да как с разгона даст Машке в бок. Машка – и ножки кверху, а он, паразит, развернулся да этим же манером мне в зад рожищами-то своими! Я и с копыт долой. Валяемся вместе с Машкой в пыли, а он отошел в сторонку и ровно смеется над нами. Поднялась я: пойдём, говорю, Машка, домой. Видно, говорю, стары мы с тобой стали: фельдшера еще обмануть можем, а уж козлов этих чертовых...

– Разобрался козел-то! – весело кричал старик. – Сразу, брат, и разобрался, и меры принял!..

– Вот и решили мы Машку продать, – вздохнула старуха, не обращая внимания на шумную веселость мужа. – В Петров день и продали. Наревелась я, как веревку-то из полы в полу передавала, а этот, – она кивнула на шкипера, – только водку глотал да песни орал с радости.

– С горя, мать, с горя! – сказал шкипер. – И мне Машку жалко, но обновление в жизни должно быть.

– Неужели продали? – тихо спросила Еленка, все еще не веря.

– Уговорил, – опять вздохнула старуха. – Неделю балабонил: телка, говорит, купим.

– Телок-то получше будет, – сказал вдруг Сергей.

– Да, – сказал старик, закуривая, – коза – ту хоть газетами корми, а коровке сенцо подавай.

– Ну, вот и на попятный, – пригорюнилась Авдотья Кузьминична. – Ну, ровно чуяла я...

– Будет, мать, у тебя телок, будет, – сказал шкипер. – Я от своего слова сроду еще не отказывался. А что сено теперь дороже молочка, так это тоже надо учесть.

– Без коровушки и дом не дом, а так, общежитие, – тихо сказала старуха. – Ты вот, Еленка, не понимаешь этого, а когда зимой-то стоит она за стеной да вздыхает, до того тепло на душе становится, до того радостно... Это ведь скотина добрая, незлобивая, а уж такая ласковая, такая привязчивая, что и человек рядом с нею ровно оттаивает. И уж не о суетности мирской, а о вечном думает, о добром...

– Христианка ты у меня, мать, – улыбнулся шкипер. – Чуть что – сразу по Писанию.

– Крестьянка, – строго поправила старуха. – Крестьянка я, Игнаша, крестьянская дочь.

– А ты, Игнат Григорьевич, с колхозом насчет сена не говорил? – спросил Иван. – Может, столкнешься: выделяют деляночку. А с покосом мы тебе всегда поможем.

– Покос не вопрос, да осока в цене высока, – улыбнулся шкипер. – Тыщу лет деды наши осоку эту с низин выводили, а мы ее обратно единым махом.

– Как это так? – спросил Сергей.

– Просто, парень: пойму затопили. Все заливные луга, все низиночки да ложки под воду ушли, а остались одни косогоры, где сроду ничего, кроме бурьяна, и не росло.

– Да, убили красу, – вздохнула старуха.

– Странные это рассуждения, – сказал Сергей. – Много чего, конечно, жалко, но не это же главное. Главное – электроэнергия. Энергия, а не цветочки в девичьи веночки. А потом – чего старое-то жалеть? Отгуляло и – не брыкайся!..

– О сегодняшнем дне все стараемся, – перебил шкипер. – Сегодня купить на рупь пятак, а завтра – хоть трава не расти. Так?

– Не так! – резко сказал Сергей. – Энергия – это и сегодня, и завтра, и вообще... Красоты не будет, да? Ну, этой не будет, так другая будет, велика ли важность.

– Ладно, отложим красоту. – Шкипер надел очки и достал книгу, которую читал до их прихода. – Парень, я вижу, ты деловой, и красота тебе – как безногому валенки. Давай и мы по-деловому рассудим. Знаешь ли ты, парень, что такое луг вырастить? Не год на это уходит, не сто лет – тысяча. Тысячу лет люди луга эти пестовали, кочкарник да лютик всякий на нет сводили, кусты корчевали, болота сбрасывали. И лугам цены не было, и скот нагуливался тут такой, какой сейчас только на выставке и увидишь. Теперь же луга эти под воду ушли карасям на утеху, низины позатопило, и всего в приплоте имеем одну осоку да болотный мох.

– Ежи пропали, – сказала вдруг старуха. – Раньше ежей в лесу было – тьма-тьмушая, а теперь совсем пропали.

– Сырость, – подтвердил старик. – Боровая дичь да зверье начисто из этих мест ушли. А лес с ними сжился, они ему помогали, он их кормил. А сейчас что будет? Утка тебе семян не разнесет – для этого белка нужна, глухарь, тетерев. И с этой стороны лесу – полный карачун, и

через сотни лет внуки наши одну сплошную ольху вдоль всей Волги увидят – там, где на нашей еще памяти мачтовые сосны шумели.

– Да все устроится, – сказал Сергей. – Ну, напортачили, конечно, это есть, а панику поднимать не стоит. Сейчас в наших руках техника, атом, химия – все исправим, дайте срок!..

Старик угрюмо молчал.

– Домой! – сказал Иван и встал. – Спасибо вам, хозяйева, за хлеб-соль, за ласку...

Ночь выдалась черная, звездная, густая. Ивана чуть пошатывало, и Еленка вела его под руку. Сергей шел сзади, сунув руки в карманы. В сонной тишине тяжело ударил запоздалый жерех.

Разбудили их рано: в четвертом часу гулко загрохотало над головой:

– Эй, хозяйева, к диспетчеру на полных оборотах!..

В кубрике было еще темно. Еленка сидя натянула платье, соскочила на холодный пол. Иван уже возился наверху, открывая задранные на ночь люки.

– Видать, в Красногорье пойдем, – сказал он. – Туда пораньше надо, пока плотами ход не заставили. Отдавай чалку, Сергей.

Сергей спрыгнул на баржу, отпугал разломаченный старый канат, спросил:

– А завтракать?

– На ходу. – Иван запустил двигатель. – Еленка покормит по очереди.

До десяти они без отдыха сновали по реке: ходили в Красногорье, возили приказ в контору, проволоку на вторую сплоточную, монтеров в самые верховья: там открывался хлебный ларек. Хлопот было много, а еще больше – криков и недовольства, потому что всем было некогда, а старенький катерок никак не мог одновременно поспеть в разные концы.

– Вот глупость-то! – сердился Сергей. – За каждым нарядом к диспетчеру мотаться – это ж придумать надо!

Катер стоял у причала: надобность в нем вдруг схлынула. Из кубрика появилась Еленка. Выплеснула помой, сказала ворчливо:

– Люльку бы забросили, что ли.

Иван снял с крыши рубки снасть, вместе с Сергеем собрал дуги в крестовину, натянул сеть.

– Маловата люлька-то, – сказал Сергей.

– В норме, – пояснил Иван. – Полтора на полтора больше инспекция не велит.

Он закинул люльку с кормы, подождал, пока она ляжет на дно, закрепил веревку за леер.

– И ловится? – спросил Сергей.

– На еду хватало.

Помолчали, Сергей, покурив, кинул окурок за борт, спросил:

– Поглядеть?

– Погляди, – сказал Иван.

Сергей прошел на корму, намотал на руку веревку, рывком поднял из воды. Край зацепился за обшивку, дуги спружинили, подбросив в воздух брызги и двух небольших подлещиков, серебряно блеснувших на солнце.

– Я ж говорю, мала сеть!..

– Не рви, – сказал Иван. – Тащи спокойно, рыба целее будет.

За сорок минут поймали полтора десятка окуней и подлещиков – мелких и тощих. Иван не удержался:

– Федор на это дело мастак был...

– Трофимыч! – крикнули из окна диспетчерской. – Давай пока к нефтянке!..

– Ну, считай, еще пятьсот литров на мою шею, – вздохнул Иван.

Сергей вытащил люльку, положил ее на корме, отдал чалку. Иван завел двигатель, стал отводить катер кормой вперед, разворачиваясь. Сергей заглянул в рубку:

– Дай постоять.

– Становись. – Иван отошел в сторону, сдвинув к стенке высокий табурет на трех ножках. – Держи пока на створы.

Сергей стоял за штурвалом, чуть расставив ноги, ссутулившись. Поначалу он нарочно повалил катер с борта на борт, проверяя, как он слушается руля и велик ли свободный ход. Катерок рыскнул несколько раз, но выровнялся и точно, как по нитке, пошел на створы. Иван молчал, приглядываясь к помощнику: все в нем, начиная с позы, убеждало, что парень ходил по воде.

– Клади направо, к мыску.

Сергей заложил так, что катер не пришлось подравнивать.

Иван одобрительно улыбнулся:

– Ловко.

– На том и держимся! – весело ответил Сергей.

Он мягко причалил к нефтянке – чистенькой, выкрашенной в красную краску нефтеналивной барже. Передал штурвал Ивану, спрыгнул на баржу, зачалил катер.

На шум вышла приземистая молодуха в платке и телогрейке. Из-под короткой юбки выглядывали ярко-синие рейтузы.

– Не курить, мужики! – привычно крикнула она.

– Здорово, хозяйка, – весело сказал Сергей, с удивлением разглядывая толстуху. – Ты чего это вырядилась, как дед-мороз?

– А ты посиди здесь восемь часов, так узнаешь. – Она встретила его взгляд, с готовностью заулыбалась, сразу порозовев всем скуластеньким, некрасивым лицом. – Новенький, что ли?

– Вместо Никифорова, – сказал Иван. – Вот наряд, Шура.

– Пьете вы горячку, что ли, – удивилась Шура, взяв наряд. – Идем, распишешься.

Она еще раз глянула на Сергея, хихикнула и пошла к каюте. Сергей метнулся к катеру, зашептал:

– Погоди тут, капитан...

Торопливо прошел в каюту. Иван открыл горловины баков, промыл фильтры, подтащил рукав от третьей помпы (он всегда заправлялся от нее), подсоединил.

– Ой, щекотно!.. – громко взвизгнула толстуха.

Из каюты вышел Сергей. Подошел к Ивану, давясь от смеха:

– Ну, дура! Страшное дело... Ты какой подсоединил?

– Третий.

– Ну и держи его покрепче.

Кинулся к первой помпе, сунул рукав в вентиляционное отверстие, включил: топливо туго побежало по рукаву, перекачиваясь из отсека в отсек. В дверь выглянула Шура:

– Ты чего колдуешь?

– В порядке! – Сергей шагнул к ней, отгесняя в каюту. – Давай-ка, девочка, документики проверим...

– Ну, ты, медведь! – Шура крепко ударила его по спине. – Ты руками-то не очень, слышишь?

Дверь за ними закрылась. Иван хмуро держал пустой рукав. Рядом мерно работала помпа, гоняя топливо по замкнутому кругу. Щелкала стрелка, отсчитывая литры. Из рубки вышла Еленка.

– Скоро?

– Скоро... – Иван помолчал. – Обманываем, Еленка.

– Как так?

– Он другую помпу включил. Переливает из пустого в порожнее.

– Молодец! – улыбнулась Еленка. – Давно бы так.

– А у Шурки лишнее окажется.
– Вы за Шурку не беспокойтесь, Иван Трофимыч. Шурка лишнее колхозу за полцены продаст и вам же спасибо скажет.

Из каюты выскочил Сергей, глянул на счетчик.

– Шестьсот нащелкало.

– Хватит, Сергей.

– Давай уж до тысячи, капитан. До тысячи я, пожалуй, выдержу.

Улыбнулся Еленке, подмигнул шальным, победным глазом, опять скрылся в каюте.

– Хват, – неодобрительно заметил Иван.

Еленка промолчала. Посидела немного, ушла в кубрик.

Пришел Сергей. Усмехаясь, быстро отключил помпу, смотал рукав. Шуры не было.

– А масло? – спросил Иван.

– Двойная норма. По знакомству.

Вдвоем накачали масла в бак. Иван прошел на катер, закрыл горловины.

– Готово, Шурочка! – крикнул Сергей.

Вышла Шура. Остановилась в дверях – непривычно тихая, с застывшей улыбкой:

– Дом пять. С палисадничком.

– Угу, – кивнул Сергей, отдавая чалку.

– Обманываешь, поди? – тихо спросила она.

– Ровно в восемь, как договорились. До встречи, курносыя! – Прыгнул на катер, не оглядываясь, прошел в рубку. – Дура стопроцентная.

Иван молчал. Он отводил катер кормой и сквозь стекло рубки видел толстуху. Она стояла у борта, держась за леер, и глядела им вслед.

– Веди, – сказал Иван, отходя от штурвала. – К диспетчерской.

Сергей посмотрел на него, усмехнулся:

– Мне еще противнее, капитан. А что сделаешь? Жизнь такая, что только поворачивайся побойчей, а то затолкают.

У диспетчерской их ждала высокая худая женщина в белом платочке, повязанном вровень с бровями. Она выхватила у Сергея канат, неумело зачалила, приговаривая:

– Да сама я, сама... Не беспокойтесь.

– Паша?... – Иван торопливо прохромал к носу. – Ну, давай шагай на катер. Как Федор?

– Да все так же, Иван Трофимыч, все так же. Кланяться вам велел, благодарил. И я вам благодарная, Иван Трофимыч, так я вам благодарная...

Она тихо заплакала, утирая слезы концом платка.

– Будет тебе, Паша, – сказал Иван. – Садись вот сюда.

– А Федя лежит, – совсем тихо сказала Паша. – Не шевелится, тихо лежит, спокойно...

– Да... – Иван вздохнул, присел рядом, вытянув хромую ногу. – Была в кадрах?

– Была, Иван Трофимыч. Оформили меня. Вот. – Паша достала новенькую трудовую книжку. – Я ведь работать пришла, Иван Трофимыч. Я за Федю моего.

– Домой ступай, – сказал Иван.

– Да как же, Иван Трофимыч? Ведь матросом я к вам. Пятьдесят рублей положили мне...

– Двадцатого приходи. Получка у нас двадцатого и пятого каждого месяца.

– Вы позволите, Иван Трофимыч, хоть постираю с вас. Рубашечки, может, бельишко. И товарища вашего.

– Не надо, Паша, спасибо. Ступай домой. Вовке скажи, что жду его к семи, как условились.

Потом их срочно отрядили тянуть плот – «воз», как это именовалось здесь. Многотонная громадина длиною в четверть километра медленно ползла сзади, катерок, задыхаясь, волок ее, дрожа корпусом и глубоко осев кормой. Трос звенел, как струна.

– Сдадим и пообедаем, – сказал Иван. – Пора уж.

Он сидел перед рубкой рядом с бригадиром плотовщиков – рослым, угрюмым мужиком, ехавшим на буксир оформлять акт о сдаче плота. Бригадир всю дорогу радовался, что работа идет без перебоев, и этот плот – уже сверхплановый.

– Премию дадут, Трофимыч. Рубликов, думаю, полтора ста. Может, сена раздобуду: лето уже за половину зашло...

Навстречу шел «Быстрый» – катер сплавконторы. Сергей дал отмашку по борту, но «Быстрый» с ходу подошел почти вплотную.

– В два митинг!.. – прокричал в рупор капитан. – У конторы! Понял, Трофимыч?

– Понял, Антон Сергеич! – крикнул Иван, и катер ловко отвалил в сторону.

– Точно, говорили насчет собрания, – подтвердил бригадир. – Ну, Трофимыч, кажись, с тебя причитается...

Сдав плот, они ходко пошли к конторе. Причал был весь забит катерами, и Иван ошвартовался у борта самоходного топлякоподъемника.

– И вас с работы сняли? – удивился он.

– Приказ такой, – ответил капитан подъемника, совсем еще молодой, плавающий самостоятельно первую навигацию.

Через топлякоподъемник к ним пробирался председатель месткома Володька Пронин – в белой рубашке, при галстукке, с папкой.

– Ну, быстренько, быстренько, люди ждут. Значит, повестка такая: я информирую о вашем трудовом подвиге, затем...

– Ох, Володя, не надо!..

– С воспитательной целью...

Тут из рубки вылезла Еленка. Пронин пронзительно глянул на нее.

– Товарищ Лапушкина, вы бы приоделись. Перед народом стоять будете.

– Не пойду я, Иван Трофимыч...

– Живо, живо, товарищ Лапушкина! – крикнул Володька.

Еленка завозилась, переодеваясь, и вышли они на площадь, когда народ уже собрался. Володя шел впереди, пробираясь к спешно сооруженной трибуне. Люди с готовностью уступали дорогу.

– Здорово, Иван Трофимыч!

– Гляди, Еленка-то, Еленка-то сияет!..

– Трофимыч, магарыч не зажми!..

Вслед за Прониным они поднялись на трибуну, где уже стояли директор Юрий Иванович, парторг Пахомов и Николай Николаевич. Володька прошел к перилам трибуны, на ходу доставая из папки исписанный лист.

Иван не слушал, о чем кричал Володька. Он стоял неуклюже вытянувшись, не зная, куда девать ставшие вдруг ненужными руки. Впопыхах он забыл палку, нога замлела, но он не решался шевельнуться. Он был оторван от своих и мучительно стеснялся и хромой ноги, и небритых щек, и мятых, давно не глаженных брюк.

Володька говорил до того плавно, что никто уже не слушал его. Голубой папиросный дымок вился над толпой, она беспрестанно двигалась, словно переминаясь с ноги на ногу, и приглушенно шумела.

– Вот они, герои затона! – продолжал Пронин уже слегка осевшим голосом. – Капитан Иван Трофимыч Бурлаков, матрос Елена Лапушкина!..

Он громко зааплодировал и предоставил слово директору. Директор достал из кармана бумагу, расправил ее и начал читать строгим, ровным голосом. Шум сразу стих.

– «...В ознаменование трудового подвига, совершенного экипажем, с сего числа присвоить буксирному катеру номер семнадцать личное наименование “Волгарь” и впредь именовать так во всех видах судовых документов...»

Люди захлопали, а молодой голос спросил:

– А зачем так, товарищ Федоров?

Кричал белобрысый капитан топлякоподъемника.

– А как предлагаете? – спросил директор.

– Предлагаю просто: «Иванов катер». Все равно его так везде зовут. Даже в Юрьевце.

– Точно! – весело крикнул еще кто-то.

– Минуточку, товарищи, минуточку! – Пахомов шагнул к перилам.

Возникшее было оживление потухло. Пахомов продолжал:

– Мы знаем, как называют «Семнадцатый» и у нас, на затоне, и на гензапани, и даже на Волге. Только это ведь прозвище, товарищи. Прозвище катера, а не имя. А судно должно иметь имя. Это – высокая честь, товарищи! И лучшего имени, чем «Волгарь», мы не придумаем: специально под капитана подгоняли!

Кто-то неуверенно хохотнул, а Пахомов спросил:

– Как считаешь, Иван Трофимыч?

Вопрос застал Ивана врасплох. Он невольно шагнул вперед, словно из строя, поднял зачем-то руку, опустил и хрипло сказал:

– Вообще-то конечно. Имя хорошее.

– Вот как отвечает настоящий водник, – сказал Пахомов. – Скажи пару слов народу, Иван Трофимыч.

– Я? – растерялся Иван. – Зачем? Да что ты, Павел Петрович.

Пахомов знал: когда Иван говорил вот так тихо и просто – никакая сила не могла его сломить. Поэтому он только вздохнул и повернулся было к Володьке, чтобы тот закрывал митинг, как Сергей неожиданно предложил:

– Разрешите, я скажу. Как, Иван Трофимыч?

– Давай! – почему-то обрадовался Иван. – Пусти его, Петрович. Он – скажет, он все, что надо, скажет.

– От имени экипажа слово предоставляется новому помощнику капитана катера «Волгарь» Сергею Прасолову!

Народ помаленьку уже расходился, но это объявление вызвало интерес: остановились.

– Я работаю, – Сергей посмотрел на часы, – ровно смену. Конечно, от имени экипажа выступать мне, прямо скажем, рановато: кое-кто решит, что к чужой славе примазываюсь. Поэтому я чуть поправлю товарища парторга и честно скажу, что выступаю от своего собственного имени.

Сергей говорил без бумажки, весело и напористо. Шумок сразу стих, улегся.

– Мне выпала большая честь: работать на «Волгаре». Получается, вроде я в лотерею «Москвич» выиграл, только как бы в рассрочку: теперь платить придется.

– Точно, парень! – крикнули из толпы и дружелюбно засмеялись.

– Тогда разрешите сразу же первый взнос сделать! – Сергей помолчал, спрятал улыбку. – Мотались мы сегодня на «Волгаре» с четырех утра, горячего сожгли что положено, а рабочих ездов, прямо скажем, хорошо, если половина была. Почему? Да потому, что за каждым нарядом, за каждым приказом назад надо идти, к диспетчерской...

– Верно! – крикнули из толпы.

– Сказали мне, что в начале навигации все катера были укомплектованы радиопередатчиками. Так?

– Правильно!

– А мы сдаем их! На склад!

– Морока с ними, парень.

– Морока потому, что специалистов нет. Так вот, я – специалист. Я действительно на Северном флоте служил, там и курсы кончил. И теперь предлагаю без отрыва от производства подготовить в каждом экипаже радиста. Дело это нехитрое, много времени не займет...

Первым захолопал Федоров. Толпа подхватила, но Сергей поднял руку.

– Погодите хлопать. Хлопать тогда будем, когда диспетчер нас по радио вызывать начнет!..

Но ему хлопали долго и упорно. Сергей засмеялся, махнул рукой, отошел от перил.

Иван толкнул в бок начальника отдела кадров, шепнул:

– А ты говорил!..

– Дай бог, чтоб ошибся, – осторожно сказал Николай Николаевич.

– Спасибо, товарищ Прасолов. – Директор с чувством жал Сергею руку. – Очень, очень ценное предложение.

Пронин закрыл митинг. Толпа повалила к катерам, запрудив пристань. Взревели моторы.

– Вам выписаны премии в размере половины оклада, – сказал директор, прощаясь, – можете получить в бухгалтерии.

– Спасибо. – Иван вздохнул. – Это, конечно, хорошо, и Никифорову очень нужно...

До конца смены они ходили в именинниках. Каждый встречный катер непременно подваливал к борту, команда поздравляла, шутила: Иванов катер был популярен. А белобрысый Вася – капитан топлякоподъемника – привез восемь отборных лещей.

– От нас в подарок. Принимай, Еленка.

В пять стали на прикол, пообедали, и Иван, послав Еленку за червями на такелажку, сел готовить снасти к вечерней рыбалке. Сергей в этом участия не принимал: достал из чемодана книгу по радиотехнике, завалился на диван. Через полчаса он уже похрапывал, уронив учебник на пол.

Иван наладил кольцошки, сшил из куска старой марли мешочки под приваду, разыскал грузы к ним. К тому времени вернулась Еленка, принесла червей, села рядом, долго смотрела, как Иван привязывает к каждому мешочку по массивному звену от якорной цепи.

В семь пришел Вовка с отцовским ватником под мышкой. Перебрался на катер, молча, как взрослый, подал Ивану руку.

– Был у отца-то, Вова?

– Был. – Вовка шмыгнул носом, отвернулся. – Лежит...

Губы его подозрительно дрожали, и Иван сразу же бодро и неискренне заговорил о другом:

– Кольцовки сделал, Вова. Вот, гляди, в кольцо жилку от привады опустишь, а на крючки, значит, червей...

– Без поплавок? – солидно спросил Вовка.

– А зачем он? На кольцошку крупная рыба идет. Станет брать – заметишь: пружинка задержается.

Из кубрика вылез Сергей. Зевнул, потянувшись:

– Сморила меня радиотехника...

– Сейчас к Никольским островам пойдем, – сказал Иван. – Там рыбачить будем, вернемся утром. Приходи к семи.

– Почему это? – Сергей непонимающе моргал.

– Ты вроде к Шуре обещался.

– Ах, к Шуре! – Сергей расхохотался. – Да на кой она мне.

– А она – ждет, – не глядя, сказал Иван. – Не знаю, конечно.

– Подождет да перестанет, – равнодушно сказал Сергей. – Это, капитан, все равно что с керосиновой бочкой обниматься.

– Не надо, – тихо сказал Иван.

– Чудак ты, Трофимыч! Ну, не буду, не буду, не хмурься.

Они отогнали катер к Никольским островам, зачалили за плот. Еленка осталась в кубрике, а мужчины и Вовка перебрались на мерно колыхающиеся пучки бревен. Иван выбрал место, показал мальчику, как ловить на кольцовку, забросил ему снасть...

Утром, отправив Вовку с уловом домой, Иван сходил в диспетчерскую, но там велели ждать: должен был прийти художник. Иван вернулся на катер, надел праздничный костюм и пошел к директору.

– У Юрия Ивановича оперативка, – сказала секретарша.

Иван потоптался, хотел было уйти, но тут из кабинета выглянул директор, отдал секретарше какие-то бумажки, спросил:

– Вы ко мне?

– К вам, – сказал Иван. – Я насчет Никифорова.

– Да, да. – Директор вздохнул. – Большое несчастье, Иван Трофимыч. Проходите.

– Ссуду он брал, когда строился, – еще на ходу начал Иван.

– Сколько, не знаете?

– Да тыщи две, наверно. На десять лет, что ли.

– Так. – Директор сделал пометку на календаре. – В постройкоме?

По одному, по двое собирались на оперативку производственники: начальники участков, мастера, снабженцы. Здоровались с директором, с Иваном, рассаживались вдоль длинного стола, шептались, шуршали газетами. Иван умолкал, потом начинал рассказ снова, сбивался, но все-таки изложил главное: как бы скостить с Никифорова долг.

– Это возможно? – спросил Федоров у главбуха.

– В принципе есть один ход: взять на себя задолженность за счет месткома вашего фонда, премиальных.

– Подработайте. – Федоров опять записал что-то на перекидном календаре. – И скажите Пронину насчет подарков семье.

От директора Иван пошел в бухгалтерию, получил премиальные на экипаж. Настроение у него было почти праздничное, и он тут же решил, что и он и Еленка должны отдать свои премии Федору.

Когда он вернулся на катер, художник уже кончил подкрашивать бортовые надписи. Иван полюбился новым названием «Волгарь», выведенным на носу и на семи ведрах, стоявших на крыше рубки, – по букве на каждом ведре. Теперь художник выписывал это слово на спасательных кругах. Он пожал Ивану руку и молча протянул свернутые в трубку листы:

– На память.

Иван развернул: это были портреты команды, еще вчера висевшие возле конторы. Скуластые лица сурово глядели вдаль.

Потом они с помощником спустились в моторное отделение и долго возились, регулируя двигатель. Закончив, отогнали катер к затопленной барже и пошли в столовую, потому что Еленка уехала со стариками покупать долгожданную телку.

В столовой было шумно. Потолкавшись в очереди, долго блуждали с подносами, выискивая свободный столик.

– Иван Трофимыч! А Иван Трофимыч!..

Из угла махал незаметный морщинистый мужичонка неопределенного возраста, одетый в старенькую рубаху, аккуратно застегнутую до самого горла. У ног его лежал ватник, в швы которого навеки въелась древесная пыль, и большой ящик с плотницким инструментом.

– Здорово, Михалыч, – сказал Иван, подходя. – Что-то давно не виделись.

– На запани работал, – очень радостно объявил Михалыч, торопливо глотая второе. – Ты садись, Трофимыч, а я стоя похлебаю: стоя-то скорее выходит.

Он вскочил было, но Иван нажал ему на плечо и усадил на место.

– Успеется, Михалыч, жуй не спеша. Дома-то все в порядке?

– Слава богу, Трофимыч, слава богу. И корова справная, очень справная коровка попала, так что не внакладе я оказался.

Он торопливо подхватил последний кусок и встал, освобождая Ивану место.

– Игнат Григорыч телка покупает, слышал? – спросил Иван, садясь. – Козу-то Машку продали они.

– Стало быть, сенцо понадобится, – понизив голос, сказал Михалыч. – А понадобится – так ты, Трофимыч, мне свистни. Я теперь тут работаю, при мастерских: свистни, и я враз прибегу. Я на косьбу гораздый, не гляди, что мослы рубаху рвут. Семижильный я, Трофимыч, право слово, семижильный!

– Может, и свистну, Михалыч. Как шкипер скажет.

– Тебе, Трофимыч, всегда – с дорогой душой. В полночь-за полночь дочку родную отдам.

– Вот и столковались! – улыбнулся Иван, пожимая Михалычу руку. – Жене поклон, Михалыч. Заходи.

Михалыч ушел, волоча тяжелый ящик. К этому времени стол освободился, Сергей расставил тарелки и отнес поднос к раздатке.

– Смешной мужик, – сказал он, воротясь.

– Тихий, – улыбнулся Иван. – Тихий да невезучий – горемыка, словом. А плотник – золотые руки. Прямо артист.

– Глядел на тебя, как на икону. Должен, что ли?

– Нет, – сказал Иван. – Просто вышло так. Этим мартом медведь у него коровенку задрал: словно нарочно искал, кого побольнее обидеть. Ну, мужик и руки опустил: вроде пришибленный ходит и молчит. Расспросил я его, а он – заплакал, представляешь? Ну, мы и скинулись с полочки, кто сколько мог, по совести.

– Ты все и провернул?

– Ну, при чем я? Работяги...

– Здоров, Бурлаков!

К столу косолапя шел Степаныч. Тарелка с борщом пряталась в огромных ручищах. Сел, расставил ноги, хлебнул.

– Дерьмо. Воруяют, поди, гады! – Он вдруг подмигнул Сергею. – Вместо Никифорова, что ль? Подвезло.

Иван молчал. Сергей глядел равнодушно, но когда Степаныч бесцеремонно передвинул его тарелку, он спокойно вернул ее на место.

– Ну, как там Никифоров? – спросил Степаныч. – Все пластом, да? Дура Прасковья-то: в суд подать надо. А что? Точно, в суд. Пострадал на производстве – значит, производство обязано деньгу гнать по гроб жизни. Я ей говорил, а она, дура, боится. А чего бояться-то, Бурлаков? Верно я говорю?

– Не знаю, может, и верно, – сказал Иван.

– Суд – милое дело. Никто не отвертится.

– Пойдем, капитан, – сказал Сергей, вставая. – А ты, рожа, когда меня в следующий раз за столом увидишь, лучше загодя у крыльца обожди.

– Чего-чего?.. – тоненько начал Степаныч.

– Борщ за шиворот вылью, – отчеканил Сергей и следом за Иваном пошел к выходу.

– Ты что это его, а? – спросил Иван, когда они шли к катеру.

– Нахалов не люблю. Бил, бью и бить буду – вот моя программа!

После обеда Иван прилег вздремнуть: он неделю недосыпал, за штурвалом клонило в сон. Сергей за столом тихо шуршал страницами, нещадно курил, разгоняя дремоту. Катерок тихо покачивало на волне, Иван сразу же уснул и проснулся только от женского голоса:

– Можно, что ли?

Голос был жеманным и незнакомым. Иван сел, оторопело оглядываясь:

– Кто?..

По палубе звонко цокнули каблуки, скрипнула дверь рубки, и на крутом трапе появились полные ноги. Ноги переступили на ступеньку ниже, вздрагивая круглыми коленками, и из люка выглянула Шура, стянутая шуршащим негнувшимся платьем.

– Привет! – насмешливо сказал Сергей. Вместе с Шурой в кубрик вполз удушливо-сладкий запах. Сергей повел носом: – «В полет»!

– Угадал, – улыбнулась Шура, обмахиваясь платочком. – Жара! Погуляем?

– Занимаюсь я, между прочим. Радиотехника.

– Ну, занимайся, я обожду. – И Шура с готовностью уселась на свободный диван.

– Да чего уж... – Сергей с сердцем захлопнул книгу. – Пошли.

– Пиджак бы захватил, – сказала Шура, вставая.

– Жара – сама говоришь.

– А если посидеть захотим?

– Не захотим, – буркнул Сергей и первым полез из кубрика.

Шура вздохнула и покорно полезла следом. Иван ошалело проводил ее глазами и долго сидел на старом диване, испытывая смутное чувство гадливости и досады.

Чувство это оставило его только возле баржи-такелажки, когда еще на подходе он увидел на ней Еленку: она, тихо смеясь, играла с Дружком. Пес притворно рычал, стараясь лизнуть ее в лицо, но она ловко увертывалась. Иван остановился, любуясь ее мягкими движениями, и на душе сразу посветлело.

– Купили!.. – торжествующе закричала Еленка, увидев его. – С белой лысинкой!.. Да погоди же, Дружок!..

Она стремительно повернулась, уходя от собачьих лап, и легкое платье раздулось куполом.

Он вдруг захотел сказать, что любит ее, что она самая высокая его награда, что... И опять не сказал. Взошел по гибким сходням на баржу, подавил вздох.

– Ну, пойдем. Показывай.

Они открыли тяжелую дверь, но сразу же свернули вниз, в глухой, огромный трюм, где в полутемной выгородке стояла чистенькая рыжая телочка с белой отметинкой на лбу. Перед нею была бадейка с пойлом, но телочка уже не ела, а только меланхолично двигала мокрыми добрыми губами и вздыхала. Старуха стояла подле, то оглаживая ее, то поправляя бадью, а шкипер сидел на ящике и курил, усмехаясь.

– Вот красавица-то моя, гляди, Трофимыч!.. Вот умница-разумница, вот звездочка моя ясная!.. – запричитала старуха.

– Сподобились, Трофимыч, – улыбнулся шкипер. – Сподобились мы, значит, счастья в коровьем образе.

– Молчи, балабон, прости господи!.. – зыркнула на него жена и снова начала оглаживать телочку. – Ну, скушай, ясынька моя, ну, хлеба...

– Сказали бы мне лет сорок назад, что старуха моя от телка спятит, я бы ни за что не поверил, – улыбаясь сказал шкипер.

– Наверх бы шли, дымокуры! – сердито сказала Авдотья Кузьминична. – Нечего тут курить, непривычная она.

– Видал?.. – хитро подмигнул шкипер. – Пойдем, Трофимыч, от греха...

– Вовремя ты пожаловал, – сказал старик, когда они выбрались на палубу. – Встретил я, когда телушку-то торговал, лесника нашего Климова Константина. Закинулся насчет сенца, а он и говорит: Луконина топь. Там, говорит, сроду никто не косил, потому что дорог нет и далеко. Осока, конечно, но добрая. Коси, говорит, на здоровье, но выдергивай разом, а то

колхоз заметит, и пропала твоя косьба. Вот я насчет завтра и подумал. Там до берега – версты три, даже и того меньше. На катер бы сволокли, а уж здесь-то, на барже, я частями высушу да и приберу.

– Косцов надо, – сказал Иван. – Ты да я – много ли наработаем?.. Ты вот что, Игнат Григорич, ты Еленку за Пашей направь. За Пашей да за Михалычем: он сам помощь предлагал. А я на топлякоподъемник смотаюсь, Васю с Лидой попрошу. Да пусть Еленка косы у Никифоровых возьмет: у них есть...

Договорившись, Иван торопливо вернулся на катер. Сергей сидел в кубрике и прилежно трудился над радиотехникой.

– Ты чего... тут? – удивился Иван.

– А где мне быть?

– А Шура?

– Ах, Шура! – Сергей встал, с хрустом, с вывертом потянулся. – Черт ее знает. Может, дома ревет, может, на чужом пиджаке сидит... – Он поглядел на Ивана, засмеялся: – Чудак ты, капитан, честное слово, чудак! По-твоему, если девке чего на ум взбрело, так сразу надо поддакивать, да? Нет уж, сроду они мной не командовали и командовать не будут.

– Дело ваше, – сказал Иван. – Сейчас к Васе сходим, на топлякоподъемник.

По пути Иван рассказал о покупке и о том, что завтра надо косить на Лукониной топи.

– Надо так надо, – сказал Сергей. – Правда, косец из меня плохой.

– Затемно пойдем.

– Ну?

– И назад – затемно. Весь день с комарами.

– Ну?

– Все-таки выходной завтра...

– Что ты меня отговариваешь?.. – усмехнулся Сергей. – Ты прямо скажи: нужно – поеду, не нужно...

– Нужно, – улыбнулся Иван.

– Ну, и кончен разговор!..

Вышли, когда чуть просветлело. В предутренней тишине особенно громко стучал мотор. Иван стоял за штурвалом, Сергей курил, сидя на высоком комингсе рубки.

– А ничего, что катер без спросу взяли? – спросил он вдруг.

– Ничего, – сказал Иван.

Шкипер, Михалыч и Вася курили на корме, прячась от ходового ветерка. «Волгарь» бежал на полных оборотах, носовые волны елкой расходились по сонной реке. Иван придвинул табурет, сел.

– Странно, – сказал Сергей. – Сидишь за штурвалом. Непривычно.

– А-а. Знаешь, сколько я порогов обил, пока за штурвал пустили? Медкомиссия отказала вчистую: только на берегу.

– Заново комиссовали?

– Нет. Просто само собой, вроде все в порядке. Врачи молчат, начальство молчит, и я молчу. Молчком и работаю.

Из-за рубки вышел шкипер:

– Держи на стрежень, Трофимыч. Протокой не пройдешь: мель.

Катер повернул за мыс, и сразу берега расступились, исчезнув где-то за туманной линией горизонта, и вокруг разлилась вода. Желтая, почти неподвижная, она затопила все низины, все ложки, и мертвые березы по пояс торчали в ней.

– Гиблое место, – вздохнул шкипер. – Даже птица стороной облетает.

– Одна береза, – сказал Сергей.

– Ель первым же ледоходом свалило, – пояснил шкипер. – А береза все держится: корни глубокие.

– Береза – русское дерево, – улыбнулся Вася.

– Вот это ты верно сказал, Василий, верно, – подхватил Михалыч. – Я в Германии воевал, город Штеттин. Ранило меня там, осколком ранило. В госпиталь там поместили, так уж я насмотрелся. Не та береза, нет, не та! Духу нету, совсем духу нету, поверишь ли? Весна была, цветень самая, а – не пахли. Ничем не пахли.

– В Сибири тоже не пахнут, – сказал Сергей. – Может, порода такая.

– А почему она белая? – спросил Вася. – Смысл ведь какой-то должен быть, правда? У всех кора темная, а у нее – белая. Как тело. Зачем?

– Для красоты, – убежденно сказал шкипер. – Природа все для красоты делает, сама себя украшает. Смысл у нее в красоте.

– Ну? – усомнился Вася. – Это ты, Григорьич, того...

– Нет, брат, точно говорю. Возьми ты дерево любое, травинку, былиночку какую: красота! Ведь красота же, ведь человек сроду ничего лучше не придумал и не придумает.

– Чепуха, – сказал Сергей. – Целесообразность – вот что в природе главное. Целесообразность! Для пользы жизни.

– Целесообразность? – переспросил шкипер. – Ну а зачем лисе хвост? Для какой такой целесообразности?

– Может, следы замечать? – засмеялся Михалыч.

– А рога сохатому? – не слушая, продолжал шкипер. – Ведь как мучается с ними, как бедует! А птичкам тогда как же с целесообразностью-то твоей?.. По целесообразности им всем серенькими быть полагается, а они – радостные!..

– Или – бабочки, – вставил Иван. – Прямо как цветы полевые.

– Нет, парень, природа-то помудрее нас с тобой будет. Куда помудрее! Это мы, люди то есть, еле-еле до целесообразности доперли и обрадовались: вот он, закон! И хотим, чтобы все в мире по этому закону строилось. А есть законы повыше этой самой целесообразности, повыше пользы. Просто понять мы их не можем, только и всего. Клади направо, Трофимыч: вон там, к обрывчику, и пристанем.

У обрыва они зачалили катер за корявый березовый пенек и по сходням сошли на берег.

Шли по травянистому болоту, узко сдавленному черным непролазным осинником. Холодная сырость вызывала озноб, липла к телу, затрудняла дыхание. Почва мягко чавкала под ногами, и вода подступала к голенищам кирзовых сапог.

Сонные болотные комары, потревоженные шагами, тучами поднимались с земли. Еще не согретые солнцем, вяло оседали на одежде, заползали в швы. Женщины наглухо завернулись в платки, оставив только узкие щелки для глаз.

– Чуешь, как пахнет? – спросил вдруг Иван.

Влажный застоявшийся воздух был пропитан густым, приторно-тяжелым запахом.

– Багульник, – пояснил Иван. – Дурман тайги.

– Моль его не выносит, – сказал шкипер. – Моль, клоп – вся нечисть домашняя. Старуха моя пучки по всем углам держит, и на барже у нас – как в больнице.

Они все шли и шли, и болоту не видно было конца. Так же грузно оседала под ногами почва, так же хлюпала вода и чуть слышно позванивала жесткая осока. Шкипер убирал с дороги сухие ломкие сучья осин.

Так протопали они километра три, а потом лес расступился, и перед ними открылась заросшая осокой поляна. Воды здесь было поменьше и осока повыше, но сапоги все равно утопали по самые голенища.

– Луконина топь, – сказал шкипер. – Вот с того угла и почнем, пока не жарко. А вы, бабоньки, палите костер да варганьте косцам еду.

Еленка, Лида и молчаливая Паша пошли к опушке, а мужчины начали отбивать косы. Вздрагивающий звон поплыл над болотом.

– Ты к жалу тяни, к жалу!.. – суетливо подсказывал Михалыч Сергею. – От пяточки с наклоном да вперед, вперед, к носку...

– Ну, с богом, мужики! – торжественно сказал шкипер и широко, от плеча махнул косой. С жестким хрустом осела под взмахом осока и, подхваченная пяткой, отлетела влево. Еще взмах – и следующая охапка пристроилась к первой, образуя начало валка.

– Пошли!.. – в восторге закричал Михалыч, взмахивая косой. – Раз!.. Раз!..

Он шел чуть согнувшись, прямо ставя ступни и приседая при каждом взмахе. Коса ходила легко, и так же легко, похрустывая, рушилась осока и ровным валком укладывалась слева от косца. Он на шаг продвигался вперед, одновременно вынося косу, и с каждым махом рос валок, а по голой, начисто выбритой топи потянулись две параллельные полосы проборошенной ступнями почвы. Полосы эти быстро наполнялись водой.

Иван и Вася тоже начали косить. Движения их были плавны и свободны, и со стороны казалось, что труд этот прост.

«Подведу я их, – подумал Сергей, примериваясь для первого маха. – Широко шагают, черти...»

Он с силой полоснул косой и обрадовался, когда осока покорно легла, срезанная остро отточенным лезвием. Шагнул, полоснул снова – и снова она рухнула, устилая путь. Ему пришлось подбирать ее полотном косы и оттаскивать в сторону, но он не останавливался, а шел и шел вперед.

– Хорошо!.. – крикнул Михалыч. – Ах, хорошо!..

– погоди, не то к вечеру запоешь! – отозвался Вася.

– Знаем мы эти песенки, Вася! Певали!.. – Михалыч воткнул держан в болото, торопясь, стащил с себя сырой ватник.

Шкипер уже заново отбивал косу. Иван остановился тоже, вытер полотно пучком осоки, проверил пальцем.

– Наждак, а не осока.

– Осока добрая, – сказал шкипер. – До кустов дойдем – перекурим. Так, мужики?

Никто не отозвался. Косцы неторопливо двигались вперед, и осока с размеренным хрустом укладывалась в ровные, строгие валки.

Шкипер первым дошел до кустов, отбил полотно, не торопясь вернулся по проколу назад, к началу. За ним по одному вернулись остальные; только Сергей еще топтался где-то в середине, и извилистые рельсы его пути были густо усыпаны осокой. Косцы закурили из Васиной пачки, а Михалыч прошел к Сергею. Постоял сзади, посмотрел, тронул за плечо.

– погоди, парень, погоди. Тужишься ты, косу таскаешь – не надо. Ты свободней держи. И пяточку к земле клони, пяточку самую. Она тебе травку и подберет, и в валок снесет. Гляди.

Он оттеснил чуть задохнувшегося Сергея, сделал несколько махов, не переставая поучать:

– В замахах идешь – силу отпускай, не трать попусту. А вниз повел – на себя резче прими. Тогда коса сама и срежет и уберет.

– Иди, покурим!.. – позвал Иван. – Слышь, Сергей!..

– Не заработал еще! – отозвался Сергей, вновь становясь на место. – Докошу – покурю.

– Не гони, – сказал шкипер. – Здесь призов не дают.

Покурив, они снова взялись за косы, и вскоре Михалыч догнал Сергея. Они почти не разговаривали: пройдя гон, возвращались, курили, отбивали косы и снова шли косить. Выбившись из их ритма, Сергей так и остался в одиночестве. Теперь он и косил один, и курил один, с каждым заходом ощущая, как наливается усталостью отвыкшее от таких нагрузок тело.

Взошло солнце. Косцы разделись до пояса: комары щадили в работе, атакуя только на перекурах. Зато пестрый злой овод все чаще жалил потные спины.

Женщины развели костер. Паша готовила завтрак, а Еленка и Лида уже сгребали осоку в копны, чтобы она зря не мокла в воде.

– Завтракать, мужики!.. – крикнула Паша.

Косцы враз остановились, обтерли мокрые косы и воткнули держак в топь. Только Сергей продолжал косить. Шкипер подошел, положил руку на его голое потное плечо:

– Отдышись, парень.

– До кустов дойду...

– Весь день впереди. Намахаешься.

Сергей покорно воткнул косу и пошел к костру, чувствуя, как плывет и качается под ногами топь. У опушки Вася и Михалыч умывались в глубокой луже.

– Ополоснись, Серега, – сказал Вася. – Сразу посвежеет.

Сергей подошел, нехотя зачерпнул пригоршню холодной желтой воды, протер лицо.

– Зла мужицкая работка? – улыбнулся Михалыч.

– Приспособится, – сказал Вася. – Тут хитрости нету.

– Есть хитрость!.. – возразил Михалыч. – В городе все быстрее нороят, все наскоком, все нахрапом. Нетерпеливые вы. А у нас так нельзя, не-ет, нельзя! У нас силу сберечь надо. Но – умеючи, умеючи, значит. Вот это и есть мужицкая хитрость.

Паша сварила ведро картошки с тушенкой, и они начисто выскребли ведро, напились чаю и сразу вернулись на недокошенные полосы.

– Ну, мужики, до обеда должны все скосить, – сказал шкипер. – Если осилим, – значит, выхватим это сенцо у бога из самой запазушки.

– Не у бога, а у колхоза имени Первого мая, – улыбнулся Вася.

– Сроду здесь колхоз не косил и косить не будет, – сказал Иван. – А траве зря пропадать не положено.

Солнце вставало все выше, топь звенела полчищами слепней. От болота поднимался пар, пот струйками тек по спинам косцов; они все чаще отходили к опушке, где бил родник, и пили холодную желтую воду.

– Как нога? – спросил шкипер. – Отдохнул бы.

– Ничего. – Иван сполоснул лицо, улыбнулся: – Погодка-то, а? Как заказанная...

Он врал, когда улыбался. Ногу ломило до пояса, он давно уже косил, стараясь не опираться на нее, но боль росла. Лечь бы сейчас, вытянуться – тогда отпустит. Но он не давал себе спуска. Никогда не давал: только начни болеть – и тело припомнит все осколки и пули, все контузии и ржавые сухари с болотной водой. Только распусти вожжи – не встанешь.

Поэтому он деловито ел за обедом пропахшую горьким осиновым дымом похлебку. Ел насильно: его мучило от боли и усталости.

– Не могу, – сказал Сергей и бросил ложку. – В глотку не лезет.

Он откинулся на кучу ломкого хвороста и закрыл глаза. Плыло, качалось болото...

– Попей.

Он открыл глаза: Еленка протягивала большую эмалированную кружку.

– Выпей, – повторила она. – Нельзя же ничего не есть.

– Ослабнешь, – сказал Иван.

Сергей хлебнул: в кружке было молоко. Прохладное, густое, почему-то чуть горьковатое.

– Больше не коси, – сказал Вася. – Что осталось, мы с Михалычем подберем, а вы копешки готовьте. Пудика по три потянем, Михалыч?

– Потянем, чего же не потянуть?..

Поначалу сгребать мокрую осоку показалось делом почти пустяковым. Но осока была не просто тяжелой; она была цепкой, как колючая проволока, пласты ее упорно свивались в большие вязкие комья, в которых намертво запутывались грабли.

– Ты руками, Сережа, – сказала Еленка.

Руки ее уже были порезаны в кровь, до волдырей искусаны комарами. Но она двигалась легко и гибко, словно не чувствуя усталости.

– Здоровая ты девка, – сказал Сергей.

– Привычная...

Через час с дальнего конца топи вернулись Михалыч и Вася. Сунули держак к кос в раскисшую землю:

– Готово, Игнат Григорьич.

– Ну что, мужики, отдохнем полчасика, а? – спросил шкипер. – Отдохнем, покурим и – двинем.

– Конечно отдохните, – сказала Лида. – Нам тут еще грести и грести.

Косцы побрели к костру, а Сергей еще дергал, пинал, волок проклятую осоку. Еленка мягко отобрала у него грабли.

– Покури. Главный труд впереди, Сережа.

Пошатываясь, Сергей подошел к костру и почти рухнул на хворост. Вася протянул ему папиросу, он взял ее и держал в руке, как свечку: не было сил прикурить.

– Воровство – это когда корысть есть, – сказал шкипер, мельком глянув на него. – Украсть, продать да прогулять – вот воровство. Так я мыслю, Трофимыч?

– Мысль с совестью в разладе, – вздохнул Иван. – Я горючее тоннами ташу, Григорьич – траву, Вася...

– Краску! – засмеялся Вася. – Облез наш лайнер, как апрельский кот, глядеть невозможно. Лидуха пилит: давай, мол, подновим, давай, мол, выкрасим. Пошел я краску добывать, а мне говорят: не положено. Ремонтные работы – зимой, сейчас средств нет. Я говорю: за мой счет. Все равно, говорят, не положено. Ну, плюнул я, сунул кладовщику на пол-литра, и краска сразу нашлась.

– А я гвозди, гвозди так добывал, – подхватил Михалыч. – Крыша прохудилась, ремонту требует, а гвоздей в продаже нет. Я туда, я сюда – нету! Пришлось со стройки захватить. Несу домой, а душа трясется. Страх ведь, страх!..

– От бесхозяйственности все, – вздохнул Вася. – Почему в Юрьевце, скажем, гвозди есть, а у нас нету? Что стоит завезти их вовремя?

– Расторопности мало, это ты, Вася, правильно говоришь, – сказал Иван. – И расторопности мало, и желанья, и умения: вот и выходит, где – завал, а где – нехватка.

– Нет, это не воровство, – убежденно сказал шкипер. – Ну а внутри-то мышка, конечно, скребет, это ты верно сказал, Трофимыч. Живет в нас эта мышка, будь она трижды неладна, и ворочается, и сна не дает. В старину тоже так случалось, но тогда способ знали, как эту мышку из души выжить.

– Что за способ? – спросил Вася.

– Каялись.

– Глупость это, Игнат Григорьич!

– Не скажи, Вася. Когда не вмоготу – откровение требуется. Груз с души снять нужно, поделиться, очиститься. Без покаяния умереть боялись, очень боялись.

– Перед людьми надо ответ держать, а не перед попом, – сказал Иван.

Все молчали. Михалыч неуверенно улыбнулся.

– Пошли тягать. – Шкипер достал из мешка веревки. – Берите снасть, муравьи.

Женщины помогали увязывать мокрую осоку, рывком подавали на плечи. Веревки намертво вонзались в тело, выламывая спину, и мужчины, оступаясь, медленно брели по болоту.

Иван упал под первой копной: подвела нога. Упал неудачно, не мог встать, а только дергался, шепотом ругаясь. Вася, бросив осоку, кинулся, поднял:

– Оставь вязанку. Потом подберу.

– Ладно, Вася. Допру.

Вася шел сбоку, уголком глаза наблюдая за Иваном и вовремя подставляя плечо, когда Иван оступался. Поэтому они подошли к берегу последними: шкипер и Михалыч уже сматывали веревки, а Сергей сидел на своей ноше, опустив голову.

– Не ходи больше, Трофимыч, – сказал старик. – Отдышишься – тут попрыгай: сходни наладь, с катера все прими.

Иван кивнул: он понимал, что в этом деле не помощник. Выпростал из-под осоки веревку, сел рядом с Сергеем.

Михалыч, шкипер и Вася уже скрылись в лесу: чавканье сапог постепенно замирало вдали. Иван закурил, протянул пачку Сергею.

– Живот что-то схватило, – виновато соврал Сергей.

– Иди на катер.

– Ничего. – Сергей встал. – Отпускает вроде.

Пошел назад, сматывая на ходу веревку. Хвост ее долго волочился сзади, подскакивая на кочках.

На подходе встретились Михалыч и Вася: с новыми ношами они шли к катеру. Михалыч разминутся молча, а Вася сказал:

– С дальнего конца копешки бери.

– Портянка сбилась. – Сергей поспешно и неуверенно улыбнулся. – Переобувался там...

Последние охапки несли уже в сумерках. Черные осины тревожно звенели по сторонам. Сергей шел последним, пропустив вперед Лиду и Пашу.

Почти в темноте перетаскали осоку на катер. Это были последние усилия: даже Вася перестал улыбаться. Иван накрыл старым брезентом сырую, остро пахнущую болотом кучу.

– Отдыхайте.

Они вповалку улеглись на брезенте, и Сергей сразу же провалился в полудремоту. Слышал, как застучал двигатель, как, отваливая, плавно качнулся катер и пошел вверх, натужно гудя мотором.

– Свалили! – выдохнул Вася. – Здорово это, когда своего достигнешь. Вроде уважение к себе самому поднимается.

– Дело вы для меня великое сделали, ребята, – тихо сказал старик. – Я за это...

– Ты нам за это покурить раздобудь, на том и сочтемся, – сказал Вася.

– Держи. – Сергей достал мятую пачку. – Не знаю, целы ли.

– Целые. Закуришь, Игнат Григорьич?

– Можно.

– Катер!.. – крикнул Михалыч.

Сзади нагонял катер. С палубы его кричали что-то, неслышное за шумом двигателя, махали фонарем.

Теперь уже все толпились возле рубки: колхозный катер вечерами патрулировал по реке.

– Плакала наша работка... – вздохнул Михалыч. – Ах ты господи, вот ведь не повезло, так не повезло...

И опять все замолчали, потому что молчал Иван, а ему одному принадлежало сейчас право решать. Но Иван упрямо держал максимальные обороты: катер дрожал как в лихорадке.

Справа открылся чуть видный в темноте пологий болотистый остров. Иван прижался вплотную к берегу: здесь течение было не таким сильным, но патрульный катер упорно шел в кильватере.

– Далеко? – спросил Иван не оглядываясь.

– Метров триста, – сказал Вася. – Не уйдем, Трофимыч: у них и мотор посильнее, и катер не нагружен.

– Гаси топовые!.. – крикнул Иван.

Сергей щелкнул выключателем, погасли опознавательные фонари, и тут же Иван стремительно заложил катер вправо, уходя в протоку.

– Куда?.. – закричал шкипер. – Мель там, Иван! Мель!..

– Как крикну, все на левый борт, – сказал Иван, до рези в глазах всматриваясь в черную, заросшую камышом протоку. – Все – на один борт, поняли?

– Врежемся, Трофимыч, – сказал Вася. – Еще днище пропорешь.

– Все – на левый борт, как крикну, – повторил Иван. – Все – и бабы тоже. Готовьтесь. Только бы травы на винт не намотало...

Патруль чуть отстал: видно, капитан его не хотел рисковать в темноте, понимая, что все равно запер Ивана в ловушку.

– На борт!.. – крикнул Иван, круто кладя руль. – На борт!..

Все кинулись к борту, и «Волгарь», развернувшись, боком лег на волну, задирая винт. Днище скребнуло по грунту, катер дернуло раз, другой, третий, но, дергаясь, он пробивался вперед, поднимая винтом тучи песка и ила. Мокрая груда осоки, дрогнув, медленно поползла к борту, но катер, дернувшись еще раз, прошел мель, и Иван тут же выровнял его и погнал вперед, уходя в темноту.

– Ушли!.. – торжествуя закричал Михалыч.

– Да, Трофимыч... – Старик покрутил головой. – Всю жизнь на воде провел, а о таком не слыхивал. Орел ты, Иван Трофимыч.

– Лещ так перекаты проходит, – смущенно улыбаясь, сказал Иван. – Замечал, Григорьич? Весной, когда на нерест идет. Встретит мель, ляжет на бок, хвостом работает и – вперед, вперед. Вот нагляделся я, значит, и – пригодились. А вообще это скверно – убегать от закона. Очень скверно...

С перегрузкой на баржу все вышло гладко, и утром «Волгарь» стоял у диспетчерской, как всегда. Начались будни: обеды на ходу в грохочущем кубрике и простой, когда можно было половить рыбу для обеда; нудная буксировка плотов и доставка приказов; проводка барж и перевозка мелких случайных грузов. В понедельник директор отдал приказ, и Сергей начал регулярные занятия по радиотехнике. Он относился к ним очень серьезно, тщательно готовился, чертил схемы.

Вечерами Иван оставался один: Сергей уговорил Еленку заниматься в кружке. Отогнав катер к затопленной барже, Иван уходил к старикам и сидел там допоздна: помог шкиперу убрать сено, расширил закуток для телки, а когда не было работы, беседовал со шкипером или просто молча курил. Он не спешил теперь на катер.

На неделе зашла Паша: Федору стало лучше, он просил Ивана навестить его. В среду занятий не было, и они пошли втроем: Иван считал, что Сергей должен познакомиться с бывшим помощником.

– Должен так должен, – нехотя согласился Сергей. – Не знаю, капитан, будет ли ему приятно.

Никифоров лежал в отдельной палате. Лежал на животе, неудобно вытянув подвешенную на шнурах руку в гипсе. Худое лицо его заросло щетиной, глаза ввалились. Он встретил их приветливо, но говорил так мало и неохотно, что они вскоре заторопились.

– Погоди, Иван Трофимыч, – вдруг спохватился Федор, когда они уже подошли к дверям. – Останься на два слова, а?

Сергей и Еленка вышли, а Иван вернулся к Никифорову и сел на табурет возле его головы. Федор молчал.

– Может, лекарство какое нужно или еще что? – спросил Иван.

– Да не в этом дело, – вздохнул Федор. – Тут, понимаешь, баба моя в суд подавать надумала. Нажужжали ей, понимаешь.

– Не знаю, – сказал Иван, подумав. – Может быть, правильно.

– Да что правильно, что? – зло дернулся Федор. – Ты меры прими, понял? Она у меня дура, ей что наговорят, то она и делает. А я позора такого...

– Ты, Федя, взвесь все, – мягко перебил Иван. – Ты подумай.

– Так ведь на тебя же – в суд-то!..

– Ну и что? – Иван помолчал. – Если б я преступление совершил, тогда... И тогда было бы правильно, Федя.

– Дурак ты, капитан!.. – Федор дернулся, скрипнул зубами. – Ты, это, не сердись. Не давай ты ей воли, Трофимыч. Позор выйдет. Один позор.

– Посоветоваться бы надо, Федя. С юристом.

– Не надо. Не хочу я этого. Не хочу!...Обещаешь?

– Ладно, Федя.

– Ну, затем и звал. А сейчас иди. Сестру покличь: боли, мол, начались...

В Юрьевец для консультаций приехал профессор из самой Костромы. Иван случайно узнал об этом и кинулся в больницу. Главврач, недовольно хмурясь, написал записку, предупредив, что профессор – человек занятой и вряд ли согласится ехать в такую даль. И Иван тут же решил, что уговорить заезжую знаменитость сможет только Сергей.

– Понимаешь, я две недели Сашка не видал...

– Что за вопрос, капитан! – улыбнулся помощник. – Надо – значит, надо.

Иван выправил документы на рейс, долго объяснял, как идти, куда швартоваться, где искать профессора. Потом отдал чалку и стоял на берегу, пока катер не скрылся за дальним поворотом.

Налегая на палку, он медленно взбирался по крутой тропинке к поселку. Конечно, можно было пройти до лестницы и подняться по ней, но Иван всегда ходил только здесь. Это была тропинка его детства – узкая, утоптанная до бетонной твердости: даже палка не оставляла следов. Когда-то он на одном дыхании взлетал наверх, а теперь полз с остановками, приволакивая хромую ногу.

Наверху он оглянулся, но катера не увидел даже за первой излучиной: видно, шел «Волгарь» куда ходче своего капитана.

У ворот бревенчатого, в три окна дома он остановился. Низкий штакетник захлестнула малина, и с улицы двор не проглядывался. Иван одернул пиджак, застегнул на горле ворот рубахи, пригладил волосы и распахнул калитку.

За столом в палисаднике полная женщина перебирала клубнику. Она без улыбки посмотрела на Ивана, неторопливо заправила под косынку подбитую проседью прядь.

– Здравствуй, Иван.

– Здравствуй, Надя. – Иван присел, вытянув усталую ногу. – А где же Сашок?

– Сынок! – крикнула женщина. – Сынок, папа пришел!..

Прибежал Сашок, и они долго и старательно мастерили планер, руководствуясь крохотным чертежиком из «Юного техника».

– Ты, сынок, когда с мелочью какой работаешь – клеишь, к примеру, крючок к леске привязываешь или еще что, – языком зубы считай, – говорил Иван, оклеивая бумагой легкие крылья.

– А зачем?

– Для порядка. Сосчитал в одну сторону, тогда считай в другую. Глядишь, и не порвешь ничего, не сломаешь. Работа, Сашок, терпеливых любит, слушается их.

Это был его день. Он выторговал его, когда сын еще ползал по полу, и в такие дни они были только вдвоем: строили, чинили, бродили по лесу или ловили рыбу. Он просто учил сына тому, что знал сам. Поначалу казалось, что знаний этих много – целая жизнь, – но год от году становилось все труднее, и Иван с горечью чувствовал, как гаснет в сыне восхищение его рабочей сноровкой...

Профессор долго читал записку, все время нервно встряхивая листок.

– Это далеко?

– Шесть часов ходу, – сказал Сергей. – Против течения.

– Против течения – это очень хорошо, – неожиданно усмехнулся профессор. – В девять вечера зайдите за мной. Сюда.

Он сунул записку в карман и пошел наверх: на лестничной площадке ждали двое в белых халатах.

– Спасибо! – с опозданием крикнул Сергей, а Еленка испуганно дернула его за рукав:

– Тише!..

Они вышли на улицу.

– А вдруг поможет? – вздохнула Еленка. – Знаешь, мне Пашу жалко. И Федю, конечно, но Пашу – жальче.

– Она и сама жалкая, – сказал Сергей. – Живет голову втянув, словно вот-вот кто-то ударить должен.

– Так оно и есть, Сережа... – Еленка по-бабьи поджала губы. – Доля у баб такая – каждую минуту удара ждать.

Сергей посмотрел на нее, расхохотался, вдруг шутливо обнял.

– Пусти... – Еленка высвободилась и, чувствуя, что краснеет, поспешно отвернулась. – Может, в кино пойдём?

В кассах широкоэкранный кинотеатра толпились люди. Сергей быстро разобрался, в каком окошке дают на текущий сеанс, занял очередь. Еленка стояла рядом, искоса остро, изучающе поглядывая на соседей.

– Смотри, смотри! – не выдержав, зашептала она. – Чулки красные, а туфельки – черные...

– Ну и что? – спросил Сергей, бесцеремонно оглядев проходившую мимо девушку.

– Смешно. Как гусыня.

– Ты бы не надела?

– Да что ты!.. – Еленка тихо рассмеялась. – Что же тут хорошего?

– Мне нравится, – сказал Сергей.

– Красные ноги?.. – поразилась она.

– Красивые ноги, – поправил он.

– А-а... – смущенно протянула Еленка и замолчала. Потом спросила вдруг: – А когда коленки торчат, тоже нравится?

– Если красивые.

– Что же в них может быть красивого? Коленки и коленки...

– У тебя, например, красивые, – улыбнулся он.

Еленка поспешно отвернулась. Сергей усмехнулся: ему нравилось вгонять ее в краску.

Очередь двигалась медленно, и Сергей уже начал поглядывать на часы: до сеанса оставалось десять минут.

– Там без очереди не пускайте! – крикнул он.

– Все нормально, – лениво отозвались от кассы.

У дверей раздался шум, очередь заколыхалась, и хриплый бас пьяно и весело прокричал:
– Кто последний, что дают?..

Сквозь толпу ломился лохматый рослый мужик в серой, вольно распахнутой на груди рубашке.

– Расступись, народ!..

– Рычало... – прошелестело в очереди, и люди начали вжиматься в стенку.

– Пьяный...

– А он и не просыхает...

Рычало пролез к кассе, загородил окошко:

– Что осталось, красавица?

Очередь послушно молчала. Что-то неразборчиво ответила кассирша, и вновь пророкотал хриплый бас Рычалы:

– А интересно?

Сергей вдруг шагнул вперед, схватил за плечо Рычалу, рванул к себе:

– А ну, убирайся отсюда!..

– Я?.. – Рычало непонимающе моргал пьяными глазками. – Это ты – мне?.. – Он чуть ворохнул плечом, сбросил руку, повернулся, огромный, уверенный. – Ах ты, морячок-дурачок!..

Сергей подобрался и, нырнув под руку, что есть силы ударил кулаком в живот. Рычало охнул и стал оседать на пол, хватая воздух.

Очередь молчала, скорее с удивлением, чем с восторгом глядя на него. Еленка сжала локоть, ткнулась лбом в грудь:

– Напугалась я...

– Ладно. – Он закурил, хотя в помещении курить воспрещалось, улыбнулся.

Прозвенел третий звонок, но они успели войти в зал и разыскать свои места. Почти полкартины Сергей глядел на экран не понимая, но потом успокоился, отвлекся и к концу успел посочувствовать герою, попавшему в неприятную историю. Еленке фильм очень понравился, потому что был без стрельбы и герои обретали счастье.

Они сидели далеко от выхода и попали на улицу с последними группами зрителей.

– Солнышко-то какое!.. – радостно улыбнулась Еленка.

– Надо на катер глянуть, – озабоченно сказал Сергей.

Пошли к пристани напрямик, через пустырь. Еленка задирала голову к солнцу, щурилась, морща нос. Сергей усмехнулся:

– Щуришься, как котенок.

– Эй, морячок!..

Они оглянулись: нагонял Рычало.

– Отойди, – тихо сказал Сергей Еленке.

– Сережа... – Беспомощно оглядываясь, она схватила его за руку. – Тебе совестно, так я закричу, а?.. Закричу, Сережа. Может, с ножом он...

– Отойди!.. – резко повторил Сергей и пошел навстречу Рычале.

Они остановились в двух шагах друг от друга. Рычало тупо моргал красными глазками и молчал.

– Что надо? – спросил Сергей. Рычало упорно молчал, шмыгая толстым бородавчатым носом. Ветер шевелил его редкие седые волосы.

– Что надо? – повторил Сергей.

– Зачем ударил?.. – тихо спросил Рычало. – Зачем, а?.. Не трогал ведь тебя, никого не трогал. А что пошумел, так ведь без злобы. Все знают. Инвалид я, осколок у меня в брюхе. Немецкий осколок. А в него – кулаком. За что же так, а?..

– Еще хочешь?

– Эх ты... – Рычало тяжело вздохнул и опустил голову.
– Пошел прочь, пьяная морда, – брезгливо сказал Сергей и, не оглядываясь, вернулся к Еленке.

– Что? – с тревогой спросила она.

– Так, – усмехнулся Сергей. – Прощения просил.

Она засемила рядом, сбоку заглядывая в лицо Сергею.

– А ты – смелый.

– Приходилось, знаешь, – нехотя сказал он.

Катер сиротливо стоял в дальнем углу причала. Сергей проверил запоры, чалку, вернулся на пристань.

– Пошли в ресторан.

– В ресторан?.. – Еленка никогда не была в ресторане и испугалась: – Что ты, Сережа!

– А что? Выходной – вроде праздника.

– Нет, нет. Совестно как-то. И дорого, поди.

– Да что там дорого, совестно! Мы хозяева, понятно? Для нас – все: и кино и рестораны. Земля для нас вертится, а ты – совестно!.. – Он взял ее за руку. – Пошли.

– Нет. – Она решительно высвободила руку. – Я обед сготовлю. Любишь окрошку? На рынке квас продают.

– Ну крой. – Он чуть сжал ее руку и улыбнулся, и она в ответ смущенно и радостно заулыбалась.

Еленка вернулась с рынка бегом. Перебралась на катер, открыла дверь рубки хитро загнутой проволокой, спустилась в кубрик. На столе стояли три бутылки жигулевского пива, лежал кулек с конфетами и полкило чайной колбасы. Еленка съела довесок и начала готовить зелень для окрошки: ей очень хотелось, чтобы обед получился не хуже, чем в ресторане.

Вскоре пришел Сергей. Положил на стол две банки консервов, пощупал пиво.

– Пивко-то я не сообразил за борт опустить!

– А консервы зачем? – Еленка неодобрительно покачала головой: – Это же так, баловство, а я мяса купила.

– Мясо – к ужину, – сказал он, вскрывая перочинным ножом консервы. – Профессора кормить будем: путь не близкий.

– Верно, Сережа. – Еленка разложила по тарелкам зелень, нарезала хлеб, колбасу. – Садись.

– Ну, ты прямо шеф-повар! – улыбнулся он. – Доставай стаканы, я сейчас.

– Чего забыл?

– Утопленника!.. – весело крикнул он с трапа. Еленка достала стаканы. Вернулся Сергей, неся мокрую бутылку. К горлышку была привязана бечевка.

– Час в воде полоскал, а все – теплая.

– Напрасно. – Еленка строго поджала губы. – И не к месту и не ко времени.

– Ее всегда ко времени! – Сергей зубами надорвал пробку, разлил по стаканам. – Давай, матрос. Чтоб плавалось.

– Ой, много...

– Пивком запьешь. – Он открыл пиво, принес стакан, налил. – Ну, залпом, по-флотски.

Водка была теплой, противно перехватывала дыхание, липла к горлу. Еленка вообще не любила ее, пила только в компании, да и то для виду, но Сергей был так настойчив, так заглядывал в глаза, что Еленка совсем закружилась. Она чувствовала удивительную свободу и легкость, охотно смеялась его шуткам, а после обеда даже закурила, держа папиросу в кулаке и шумно выдыхая дым.

– Вот ты, девочка, и осовременилась, – весело сказал Сергей. – А то такой монашкой живешь, что аж злость берет: тихая да серенькая, как мышка.

– У мышки хвостик есть. – Еленка старательно выговаривала слова. – Хвостик да домик. А у меня, Сереженька, ничего: ни хвостов, ни домов.

– Да и я такой же, – вздохнул он. – Отца на фронте убили, мать померла, когда я еще в техникуме учился. Вот и выходит, что мы с тобой как брат с сестрой... Ты откуда в этих краях вынырнула?

– Издалека, Сереженька, издалека, – нараспев сказала Еленка.

Она уже не смеялась, и улыбка, забытая на лице, казалась заученной и потому жалкой. Сергей пересел ближе.

– Ну, ты что? Брось. – Он обнял ее за плечи, прижал к себе. – Слышь, матрос, гляди веселей!

– Было ведь, все было, Сереженька, – тихо всхлипывая, говорила Еленка. – И дом был, и подружки, и парнишечка. И любовь была, Сереженька... Та, что нам только разик дается. Вот я себя и не пожалела, когда в армию он уходил. Все ему отдала, а написали, что гуляю, и – поверил. Вернулся, насмеялся надо мной, перед всеми выставил да и бросил. Бросил, как окурок, бросил!..

Она залилась слезами, уже не сдерживаясь. Сергей, торопясь, целовал мокрое лицо. Еленка не отталкивала его, то ли не понимая, то ли по-детски зайдясь в плаче.

– Зачем? – перестав вдруг плакать, тихо сказала она. – Не надо этого, милый, не надо... Слышишь?..

Она бормотала эти привычные женские слова, а руки сами собой уже гладили его плечи.

– Оставь... Оставь, Сережа, милый... Ну, что ты делаешь со мной, что?..

...Вася третий час выбирал подвесной лодочный мотор. Ощупывал каждую деталь, осматривал крепления, по буквам сравнивал паспорта. Продавец давно перестал обращать на него внимание, и Вася очень страдал, что не может ни с кем посоветоваться.

– Скажите, товарищ продавец, а можно обменять, если что? – набравшись смелости, спросил он.

– Ну а что может быть? – лениво спросил продавец. – Завод гарантирует, что тебе еще надо?

Вася вздохнул, еще раз сличил паспорта и вдруг решил, что загадает: если мотор будет хорош, то Лидуха родит ему парнишку, а если, не дай бог, сломается, то девчонку. А загадав, сразу повеселел и протянул продавцу паспорт:

– Этот. Выписывайте.

Расплатившись, Вася взвалил на плечо покупку и пошел к пристани. Местный пароходик, курсирующий между Юрьевцем и их затоном, отходил вечером, но Вася надеялся, что подвернется какой-нибудь буксир. Еще издали, оглядывая пристань, он увидел притулившийся в уголке знакомый катер.

– Трофимыч!.. – крикнул он, бережно сняв с плеча «Стрелу». – Иван Трофимыч!..

Никто не отозвался. Дверь рубки была открыта, и Вася, перетащив ящик на палубу, заглянул в кубрик: там было темно, но слышался негромкий храп.

Сгорая от нетерпения похвастаться покупкой, Вася тихо спустился по трапу. Нашупав пол, остановился и деликатно кашлянул, рассчитывая, что спящий проснется.

– Кто?.. – испуганным шепотом спросила Еленка.

– Это я... – растерянно сказал он. – А Трофимыч?

– Нет его, нет, – испуганно бормотала Еленка, торопливо натягивая платье. – Кто тут? Зачем?

– Да это я, Василий... – Он увидел голого по пояс Сергея, разбросанную одежду, бутылки на столе и замолчал.

Еленка перелезла через спящего, спрыгнула на пол. Отвернувшись, застегивала платье.

– Заснула я, – жалко бормотала она. – Мы за профессором тут. Жара такая...

– Да. – Вася растерянно топтался у входа. – Жарко конечно. Домой скоро ли пойдете?
– Нет, не скоро, нет... – Еленка стояла к нему спиной, лихорадочно поправляя волосы. –
Ночью пойдём. А то и утром.

– Я на рейсовом тогда, – сказал Вася и полез наверх.

Он вышел на палубу, взвалил на плечо «Стрелу».

– Стерва!.. – громко сказал Вася и плюнул.

Профессор не помог Федору. Осмотрел, посоветовал не отчаиваться. Федор выслушал это молча, а сестру послал длинным матерком и потребовал, чтобы немедля отправляли домой. Доктор с трудом успокоил его.

На «Волгаре» все вроде бы шло заведенным порядком. Только Еленка вдруг перестала ходить на занятия, два вечера проторчала на катере: перестирала Иваново бельишко, починила рубашки. Иван звал ее к старикам, но она отказалась.

– Зря Еленка курсы бросила, – сказал за ужином Сергей. – Сил на это особых не надо, а бумажку получить всегда полезно. Поговорил бы ты с нею, капитан.

Иван поговорил. Еленка долго и как-то странно смотрела на него, а потом сказала:

– Раз велите – буду ходить.

– Надо, Еленка, – сказал Иван.

Еленка покивала и ушла в свой угол. Она вообще стала какой-то тихой, вялой, покорной. Иван все приглядывался к ней, хотел расспросить, что случилось, да так и не собрался.

С Сергеем капитан виделся только на работе. Даже в свободные от занятий вечера Сергей куда-то уходил, возвращался поздно и сразу заваливался спать. Как-то Иван видел его с Шурой, подумал, что завертела-таки помощника девка, но как раз в тот вечер Сергей вернулся злой, а когда курили перед сном на палубе, сказал:

– Давай, капитан, в те дни заправляться, когда этой заразы на нефтянке не будет.

Завелись у него и друзья: ходил играть в карты к инспектору рыбоохраны, выходные проводил на гензапани. Но занятия не пропускал, по-прежнему тщательно к ним готовился, да и на работе неизменно был улыбочив и безотказен.

Только в субботу он решительно отказался везти на гензапань проволоку.

– В понедельник отвезем, – сказал он диспетчеру. – Закон есть закон: короткая суббота.

– Сходим, Сергей, – не очень уверенно сказал Иван. – Все равно делать нечего.

– Вечерок у меня занят, капитан. – Сергей покосился, помолчал, потом спросил: – К старикам не собираешься?

– Можно.

– Еленку с собой прихвати, – приглушенно сказал Сергей. – Понимаешь, друзья придут, ну и... Словом, помещение нужно.

– Можно, – еще раз согласился Иван: ему не понравились подмигивания Сергея. – Пойдешь куда на катере-то?

– Не сомневайся, капитан: в двенадцать буду на месте.

Идти к старикам Еленка наотрез отказалась, и Ивану пришлось прикрикнуть на нее. Она испуганно глянула, торопливо закивала:

– Иду, иду, не надо...

Было в ней что-то пришибленное. Иван крякнул с досады, но промолчал, а спросил уже по дороге:

– Ты вроде боишься меня?

– Нет, что вы. – Еленка опустила голову.

– Тихая ты что-то больно. Здоровая ли?

– Здоровая.

– Может, обидел кто? – не унимался Иван.

– Да что вы, Иван Трофимыч! – Еленка остановилась, глядя в сторону. – Говорю вам, что все в порядке, а вы – свое. Так лучше уж вместе не ходить...

– Ну, ладно, – проворчал Иван. – Не такая ты какая-то, вот и спрашиваю.

Больше они не разговаривали. За тяжелым рубленным столом на барже удобно было молчать.

– Ну, чтоб ходилось вам и плавалось.

Раздался стук, и в комнату вошли Лида и Вася.

– Можно, что ли, хозяйева?

– Ну, пойдет теперь музыка! – радостно крикнул хозяин, углядев в руках у Васи бутылку водки. – Теперь разговеемся!..

– Здравствуйте, – сказала Лида и чинно подала старухе кулек с конфетами.

Еленка вдруг вскочила, точно собираясь бежать, но Авдотья Кузьминична мягко потянула ее на место. Еленка затравленно оглянулась, схватила стакан и залпом выпила водку. Закашлявшись, опустила на стул, пряча запывавшее лицо.

– Вот это да! – удивленно сказал шкипер. – Только чего вспыхнула-то? Чего застеснялась?

– Задохнулась она, – сказала старуха. – Полстаканахватила враз. Отдышись да закуси, а то спьянишься. Возьми, Лидуха, стаканы в шкапике, да садитесь к столу, гости дорогие.

– Пospel ты, Василий, к самому почину. – Шкипер налил Васе, опять поднял стакан. – Ну, волгари, за Волгу-матушку!

– Ох, балабон! – вздохнула старуха. – Талах ведь был, голь перекатная, босота волжская, а меня, единственную дочку, так заговорил, так забалабонил, что из отчего дома в угон взял.

– В угон? – удивилась Лида. – Это как же?

– А так: нанял тройку, усадил да и махнул на удалых сорок верст без передыху. Попьянчужка обвенчал в селе Кудимове, да с тем и стали мы жить: по Волге мотаться из конца в конец.

– Хорошо, мать, жили, – улыбнулся шкипер. – Не было у нас ни кола ни двора, а морщиночки у тебя все-таки от смеха появились.

– Жили-то хорошо, а доживаем как?

– Ничего, Авдотья Кузьминична: нашего от нас никто не отымет, корня то есть. Добрый у нас с тобой корень: от босоты волжской мы идем, и нет нам ни сносу, ни износу.

– Корень, – вздохнула она и нахмурилась. – Изведут этот корень, и чихнуть не поспеем.

– Это кто же изведет-то? – поинтересовался старик.

– А бабы нынешние, вот эти вот. – И Авдотья Кузьминична сердито ткнула в плечо Еленку.

– Да что вы, Авдотья Кузьминична? – удивилась Еленка. – Да за что же вы меня так?

– А чего не рожаешь? – строго спросила старуха. – Чего не рожаешь-то, бабонька?

– Ой, ну что вы... – Еленка еще ниже опустила голову, то заплетая, то расплетая бахрому льняной скатерти.

– Кабы ты одна была, то и бог с тобой, – все так же строго продолжала старуха. – А ныне, куда ни глянь, все такие!.. Ездил я прошлой зимой к Зинке, дочке своей. Отдельная квартира, мужик собственный, а детишек – ровнехонько один Андрюшечка. Я глянь-поглянь: у всех так, у всех по одному, а двое – так совсем редко. Ровно мода какая или указ... – Она вздохнула, глянула на Еленку. – Вот и ты, бабонька, такова ж. А жизнь знаешь что такое? Верть-поверть – и смерть. Спыхватишься – выть будешь, локти кусать, да поздно, прошел твой час...

Еленка вдруг вскочила, крепко уцепившись за край стола.

– Разошлась ты, мать, – сказал старик.

– Все тут, Григорыч, к месту говорено, – вздохнула Авдотья Кузьминична. – Или не к месту, Иван?

Иван промолчал, а шкипер поднял стакан с остатками водки.

– За это и выпьем, Иван Трофимыч. Вот за это самое. Чтоб, значит, и тебе ветер переменялся. Не все чтоб в лицо дул, а хоть изредка да в спину подталкивал.

– За это и я выпью! – громко сказала Еленка. – Она взяла стакан, шагнула к Ивану. – За вас, Иван Трофимыч.

Выпила не отрываясь, опрокинула стакан вверх дном и только после этого села на место, слепо тыча вилкой в скользкую сыроежку.

– Будьте здоровы. – Вася чокнулся.

– Спасибо, люди добрые, – тихо сказал Иван. – Дай вам бог, как говорится.

Некоторое время они закусывали молча, не решаясь нарушить вдруг возникшей тишины.

Старик недовольно крякнул:

– Сбила ты, мать, со здравия на упокой!

– Так ведь не все же ай-ай-ай, надо и ой-ой-ой, – сказала старуха. – Теперь почаевичаем да и поговорим.

– «Хаз-булат удалой, бедна сакля твоя...» – затянула Лида.

Старик подхватил, остальные молчали.

– Неидет, – вздохнул шкипер. – Без тебя, Еленка, ничего не вытянем.

– Не смогу я, Игнат Григорьевич, – сказала Еленка, наливая чай. – Не тянет что-то на песни.

– А на танцы тянет? – вдруг громко, зло спросил Вася, в упор уставившись на нее.

Еленка неторопливо передала стакан с чаем, повернулась, глянула в глаза.

– Может, спляшем?

– И то дело, и то! – обрадовался старик. – Тащи, Лидуха, гитару, ежели не рассохлась она от тихой жизни!

Лида подала гитару. Шкипер подстроил ее, рванул струны, и Еленка, выбив дробь, пошла по комнате:

Милый мой по Волге плавал,

Утонул, проклятый дьявол!

Я одна, одна, одна:

Не достать его со дна!..

Она лихо отбила приглашение, но Вася не шевельнулся: сидел набычившись, недобро поглядывая.

– Что, Васенька, коленки слабы? – пригнувшись к нему, вздохнула Еленка.

Ноги ее безостановочно дробили пол. Вася отвел глаза, буркнул:

– Напилась?

– А ты видел? Видел?.. – почти выкрикнула она. – Ну, так и молчи. Молчи!..

Она вызывающе тряхнула головой и в полный голос неожиданно завела:

– «Хаз-булат удалой, бедна сакля твоя!..»

– «Золотою казной я осыплю тебя», – вмиг пристроившись, осторожным басом подхватил шкипер.

Пели долго, пока не ушли Вася с Лидой. А как захлопнулась за ними дверь, Еленка оборвала песню.

– Ну, и нам пора, – сказал Иван, вставая. – Спасибо, хозяева дорогие...

Было темно и очень тихо, когда они вышли на палубу. Теплым комком ткнулся в ноги Дружок и сразу же убежал на край баржи, где ударил топляк о замшелый борт. Черная вода чуть плескалась в сходни.

– Качается все, – шепнула Еленка, прижавшись к Ивану. – Я держаться за вас буду.

Он осторожно провел ее на берег, но и здесь она не отодвинулась, а все так же, путая шаги, прижималась к боку, и он обнял ее за прохладные, узкие, как у девочки, плечи.

– Не замерзла?

– Ножки не идут, – тихо засмеялась Еленка. – Не идут ножки домой.

Иван молчал, бережно поддерживая ее. Ему было хорошо и покойно, и он готов был идти вот так целую ночь по заваленному бревнами берегу, слушать ее бестолковый, ласковый шепот и молчать. Но прошли они всего несколько шагов, как Еленка остановилась, и он совсем близко увидел ее лицо: глаза казались огромными.

– Пойдем к деревне, – торопливым, очень деловым шепотом сказала она.

– Зачем?

– Пойдем, пойдем. Там тихо. Там нет никого, там...

Шли в темноте, спотыкаясь о бревна, путаясь в клубках ржавой проволоки. Еленка предупреждала, не оглядываясь:

– Бревно. Шагай левой. Проволока тут. Осторожно.

Заваленный бревнами берег кончился, под ногами мягко оседал песок. У обрыва Еленка остановилась, обняла, отстранилась вдруг...

– Сядь.

Он покорно сел, неудобно вытянув хроную ногу. Еленка лежала на спине, согнув колени: платье соскользнуло, и он все время видел эти белые колени, тесно прижатые друг к другу. Сердце его билось тяжело и неровно; чтобы успокоиться, он закурил.

– Куришь зачем?

Он промолчал: ему не нравилось, что они сидят здесь, точно двадцатилетние, очень не нравилось. Но не было сил ни встать, ни сказать ей, что лучше уйти отсюда.

Легкие пальцы коснулись лица. Он вздрогнул: совсем как там, на катере. Она ласково отобрала папиросу, взяла его за руки, потянула к себе:

– Ну иди же, иди ко мне, иди...

Иван скорее угадал, чем расслышал эти слова: в висках стучало. Он качнулся к ней, вывертывая непослушную ногу. Еленка тянула за руки, и костыль, который лежал между ними, вдруг острым концом уперся в ребро, а она все тянула и тянула, шепча что-то...

Он опомнился. Рванулся, тяжело вскочил, поднял палку.

– Не звери мы, понятно? Не звери!..

Спотыкаясь, он бежал по берегу. Упал, налетев на бревно, поднялся, снова, не оглядываясь, спешил вперед, с силой налегая на костыль...

Катер уже стоял у затопленной баржи. Иван, оступаясь, спустился в кубрик. Сергей убрал со стола, складывая грязную посуду в ведро.

– Прибыл по расписанию, капитан.

Иван молча прошел в свой угол, вытащил одеяло, швырнул в изголовье подушку. Потом вдруг, грохоча, полез наверх.

Сергей вытер стол и, взяв ведро, вышел на палубу. Иван, сгорбившись, курил на моторном люке. Сергей зачерпнул воды, неторопливо перемыл посуду. Уже уходя, спросил:

– А Еленка где же?

Иван промолчал. Сергей спустился в кубрик, расставил посуду в шкафчике, постелил и лег, а Иван все не возвращался...

Проснулся Сергей от грохота.

– Ты, капитан?

– Я... – негромко, с длинной паузой отозвался Иван: он, согнувшись, шарил на полу костыль.

Сергей потянулся к лампочке, включил: Еленки не было.

– Еленка у стариков ночует, что ли?

Иван подобрал палку, полез наверх. Высунулся вдруг уже из рубки:

– Искать пойду.

– Кого?.. Да погоди же, капитан!

Сергей торопливо оделся, нагнал уже на берегу: Иван спешил, налегая на палку.

– Еленку искать? Ты чего молчишь-то?

– Обидел я ее, – глухо отозвался Иван. – За что обидел, а?..

– Где она? – помолчав, спросил Сергей.

Иван не ответил. В ночной тишине пронзительно громко скрипела палка, вонзаясь в песок. С низин в реку сползал туман. Сергей зябко передернул плечами.

– Выпил я вечером, только уснул, пригрелся...

– Жена ведь она мне, – вдруг точно самому себе сказал Иван. – Жена, а я – обидел. Зачем, а?.. Это же все равно что ребенка ударить, это же невозможно. Сердце у нее простое, открытое, а я – сапогом по нему, сапогом!.. Где же искать-то ее теперь, в реке?

– Да что ты, капитан. – Сергею вдруг стало страшно. – Да опомнись, что ты... Где расстались-то?

– Там. – Капитан ткнул палкой в рассветный полумрак: нагромождение бревен, старых пачек, сплочной проволоки. – Как к деревне подниматься.

– Еленка! – крикнул Сергей. – Еленка!..

Прислушались: ответа не было. Иван снова зашагал – напролом через завалы сохнувших на берегу топляков.

– Еленка! – еще раз крикнул Сергей. Послушал, догнал Ивана. – Может, она на баржу спать ушла, к старикам?

Иван молча шел впереди, больше обычного приволакивая ногу. Сергей еле поспевал за ним.

Старики уже поднялись. Хозяйка растапливала печку, шкипер шуровал наверху: к началу рабочего дня приходили к барже катера за тросами, сплочной проволокой, цепями.

– Куда спешишь, Иван Трофимыч? – весело окликнул он. – Старые троса я без очереди выдаю.

– Еленка не у тебя, Григорьич?

– Потерял? – рассмеялся шкипер. – Ну, Иван, ну, орел.

– Пропала она, Игнат Григорьич, – тихо сказал Иван, обессиленно опустившись на кнехт. – Ночью-то обидел я ее...

Дружок, повизгивая, радостно тыкался в колени. Рыжий, злой как черт кот Васька лениво дремал на крыше, одним глазом наблюдая за собакой.

– Вот дела, – растерянно протянул шкипер. – Лишку она вчерахватила, это точно.

– Может, заявить куда? – Иван вскочил, прошелся. – Может, в реке искать?

– Не дури, Иван, и голову не теряй, – строго сказал старик. – Заводи катер да сбегай к Василию: там она может быть. А нет...

– Ясное дело, у Лиды она! – радостно крикнул Сергей. – И как это мы сразу не сообразили.

Возвращались – затон уже работал. Первые катера требовательно сигналили, отваливая от причалов; грохотали цепи на подъемном кране – «Гансе», как его называли здесь; силпыми, сорванными голосами костерили кого-то плотовщики.

– Иван Трофимыч, за баржой давай! – крикнули из диспетчерской. – Под погрузку просят!

– Погоди! Тридцать минут погоди!..

Еленки на катере не было. Иван завел мотор, крикнул помощнику, чтоб отдал чалку. Сергей спрыгнул на затопленную баржу и тут увидел Еленку: она стояла на берегу, словно раздумывая, идти ли на катер.

– Есть пропажа, капитан! Нашлась!..

Иван выскочил из рубки, больно ударившись ногой о высокий комингс. Увидел, полез закуривать, смахнув со лба выступивший вдруг пот.

– Где гуляла? – сердито спросил Сергей.

Еленка незряче глянула, прошла мимо. Платье было измято, лицо осунулось, синие круги легли под глазами. Мужчины переглянулись.

– Иди за нарядом, – устало сказал Иван.

Спустился в кубрик. Еленка сидела в углу, сгорбившись, сунув ладони между колен. Глядела в пол, в одну точку, и Иван, как ни старался, не мог поймать ее взгляда.

– Ты где была?

Еленка не ответила, не шевельнулась. Иван потоптался, буркнул:

– Ладно, завтрак готовь. Сейчас за баржой пойдём.

Она подошла к печке, присела перед ней да так и застыла, словно забылась.

– Мы, понимаешь, всю ночь с Сергеем бегали.

– С Сергеем?

– Тебя искали!.. – Иван обрадовался, что она заговорила, заулыбался. – Весь берег обскакали, наорались до хрипоты. У стариков были.

– Зачем?

– Думали, у них ты.

– Бегали зачем, спрашиваю? Не надо за мной бегать, не маленькая.

Она говорила устало, равнодушно, словно не с ним, а с кем-то посторонним. Он больно почувствовал это, замолчал. Еленка медленно – щепочку за щепочкой – клала растопку. Много клала: больше, чем надо.

– Ты это... не сердись, – тихо сказал он. – Нельзя так, понимаешь, не дети.

Она подошла к растопке, прикрыла дверцу.

– Не пойму: прощения просите, что ли?

– Ты где ночевала? – нахмурившись, спросил он.

– А вам что за дело, Иван Трофимыч? – Она впервые посмотрела на него, и он увидел ее пустые, словно высушенные глаза. – Вы мне не свекор, не отец. Что вам-то за интерес?

– Я тебе... муж, – с трудом сказал он.

– Муж? – Она усмехнулась. – Не-ет, не муж. Муж женой не побрезгует, а вы побрезговали. А теперь спрашиваете, где ночевала. Так нашлись добрые люди, приютили, не побрезговали.

В печке с шумом прогорала подтопка. Они оба забыли про нее, они видели только друг друга.

– Зачем ты врешь? – тихо спросил Иван. – Зачем ты выдумываешь, опомнись.

– Выдумываю? – Еленка улыбнулась. – Не-ет, не выдумываю. Адресок могу дать, если хотите...

– Замолчи!.. – крикнул он, что есть силы треснув палкой о стол.

Отскочивший конец со свистом пронесся мимо Еленки. Она еще выше вздернула голову, шагнула к Ивану, уже не помня себя:

– Жалела я вас, убогого! Жалела, понятно? Вы же всех обидеть боитесь, всего боитесь, а туда же: муж!.. Жалкенький вы, блаженненький, только что на коленях не стоите. А ведь стояли бы, если б захотела, стояли бы как миленький, стояли бы!..

Она кричала что-то еще, но Иван уже ничего не слышал. Кровь отхлынула вдруг от сердца, туго ударила в голову, розовые круги поплыли перед глазами.

– Готово, капитан! – крикнул с палубы Сергей. – Отваливай!

– Веди сам, – тихо сказал Иван, из последних сил держась на ногах. – Я покурю. Покурю только...

Курил он долго. Сергей несколько раз заговаривал с ним, но Иван отвечал односложно, и помощник оставил расспросы. Зачалил катер, спустился в кубрик.

– Что с Иваном?

– Что? – спросила Еленка.

– С Иваном что, спрашиваю?

– А-а. Не знаю.

Сергей посмотрел на нее, пошел к трапу.

– А со мной что? – вдруг спросила она. – Не спрашиваешь? Неинтересно?

– Интересно, – сказал он и полез на палубу.

Иван сидел сторбившись, опустив плечи. Сергей окликнул его, но тут послали тянуть воз, и Сергей пошел чалиться и до обеда совсем позабыл про капитана. Вспомнил, когда Еленка крикнула снизу:

– Обедать!..

– Обедать?.. – переспросил Иван. – Да, да. Иду.

Он спустился в кубрик, сел на свое место. Еленка поставила перед ним миску, но он отодвинул ее и спросил чаю. Выпив две кружки, впервые поднял на Сергея глаза:

– Я полежу, а? Справишься один?

– Конечно! – Сергей метнулся к дивану, раскинул постель. – Что за вопрос, капитан. Отдыхай.

Он лег, отвернулся к стене и так, не шевелясь, лежал, пока не кончился рабочий день. Слышал, как Сергей чалился, как шепотом уговаривал Еленку идти на занятия, как звенели под их ногами ступени трапа, как наконец затихло все; он остался один. Тогда он вылез на палубу и послал за водкой парнишку, что рыбачил с затопленной баржи.

Парнишка смотался мигом. Иван спустился вниз, сел к столу, налил полный стакан и заплакал.

Наутро он с трудом поднялся с постели. Сергей глянул на его серое лицо, свистнул:

– Лежать, капитан. Лежать пластом. Сам справлюсь.

Несколько дней он отлеживался, ничего не ел. Еленка бегала за молоком, Сергей раздобыл где-то меду. Отпаивали его, уговаривали, Сергей гнал к врачу – Иван только тряс головой.

А потом прошло. И ночью Иван сам выбросил за борт поломанный костыль.

... Утром в диспетчерской Ивану сказали, что его срочно просили зайти к юрисконсульту. Зачем, почему – никто не знал.

– Видно, насчет ссуды Никифорову, – предположил Иван. – Директор при мне обещал разобраться.

– Хорошо, если не насчет сена, – тихо сказал Сергей.

Старшего юрисконсульта Ефима Лазаревича Иван знал с войны: кругленький, седенький, чрезвычайно живой юрист и тогда был точно таким же, как и сейчас.

– Здравствуйте, Иван Трофимович. – Он обеими руками пожал жесткую руку Ивана, подождал, пока тот сядет. – Оторвал от работы – извините великодушно. Служба, знаете!..

Он деловито полез в стол. Порывшись, выудил тоненькую папку, раскрыл ее и, нацепив очки, долго читал какие-то бумажки. Иван сидел не шевелясь: в крохотном кабинетике стояла строгая тишина.

Ефим Лазаревич закрыл папку, снял очки, задумчиво потер переносицу.

– Как дела у вас, Иван Трофимович? Как «Волгарь» бегаёт? Вы курите. Курите, бога ради, не стесняйтесь.

Иван закурил, коротко рассказал новости, упирая больше на то, что положение Федора безнадежно и что в семье – семь ртов. Юрист вздыхал, поддакивал, качал круглой, поросшей седым пушком головой.

– Да, Иван Трофимович, да. Большое несчастье, очень большое. А как все это случилось? Знаете, с подробностями, если припомните. Очень важно – с подробностями.

– С подробностями?.. – Иван не помнил никаких подробностей, а то, что помнил, считал незначительным. Передал коротко, как рвануло запань, как удалось ему аккуратно сдать воз: благо, случилось все на развороте и плот сам пошел в Старую Мельницу. – ...Ну а Федора – как подрезало...

– Да, – сказал юрист. – Жаль, что подробностей не помните... Значит, у борта стоял Никифоров?

– У самого борта, – подтвердил Иван. – За плотом следил, знаки мне подавал: мне из рубки назад плохо глядеть, не видно.

– А по инструкции где должен стоять?

– По какой инструкции?

– Ну, есть же инструкция по технике безопасности?

– А-а... – Иван силился вспомнить, что сказано в инструкции на этот счет. – Ничего там не сказано.

– Правильно, – почему-то с удовлетворением сказал юрист. – Но, может быть, есть какие-нибудь добавления, приказы?

– Ничего такого нет, – сказал Иван. – А в чем дело, Ефим Лазаревич?

– Дело?.. – вздохнул юрист. – Дело, дорогой мой, в том, что Никифоров подал иск на возмещение убытков, которые он потерял.

– Подал все-таки? – Иван растерянно улыбнулся. – А ведь не хотел...

Он замолчал. Ефим Лазаревич опять нацепил очки, раскрыл папку, долго перебирал бумаги. Потом снял очки, потер переносицу и откинулся от стола.

– Иск этот может иметь ход в случае, если вы, лично вы, Иван Трофимович, нарушили соответствующие правила эксплуатации. Поскольку в правилах ничего не сказано, как поступать при прорыве запани, то остается последнее. – Он щелкнул пальцами и опять потер переносицу. – Никифоров, выполняя ваш приказ, находился в опасном, особо оговоренном в инструкции месте. Был такой приказ?

Иван пожал плечами: слово «приказ» как-то не вязалось с теми отношениями, которые были на катере. Каждый делал свое дело, знал его, не отлынивал, и надобности в приказах никакой не было. Он сказал об этом Ефиму Лазаревичу.

– Ну, не приказ, Иван Трофимович, не приказ: распоряжение, указание, совет. Устно, разумеется, устно. Вы не сказали, например, Никифорову: «Стой здесь», когда пошел лес?

– Нет... – неуверенно сказал Иван. – Он сам знал, где стоять. Ведь мне-то из рубки плохо глядеть.

– Ну а идея, сама идея плотом перегородить реку кому принадлежит? Кто первый сказал, что надо сдать плот? Вы или Никифоров?

Иван долго молчал, раздумывая. Идея принадлежала ему, но он боялся, что если скажет об этом, то Федору срежут пенсию или не выплатят ссуду. С другой стороны, дело касалось суда, а к этому органу Иван относился с огромным уважением. Поэтому он сказал дипломатично:

– Все так решили, Ефим Лазаревич.

– Все решили? Значит, и ответственность – пополам?

– Ответственность?.. – Иван насторожился. – Нет, Ефим Лазаревич, вся ответственность – на мне. Я – капитан, я – в ответе.

Юрист улыбнулся.

– Хороший вы человек, Иван Трофимович. Очень хороший, но не думайте вы о других сейчас, бога ради! Вы думайте, как из неприятности выскочить.

– Неприятности?

– Суд – всегда неприятность. По иску Никифорова ответчиком не может быть признано предприятие, поскольку оно не отдавало приказ спасать лес. Дело происходило на катере – объекте, так сказать, экстерриториальном, где вся полнота власти принадлежит капитану. То есть вам, уважаемый Иван Трофимович. И вам следует не его выгораживать, а подумать о себе самом.

– Так ведь если виноват, что же думать? – тихо сказал Иван. – Виноват – отвечать буду. Как положено.

– Отвечать... – вздохнул юрист. – За исход суда я не беспокоюсь, но тень он бросит. И не только на вас – на весь коллектив. Мы держим переходящее знамя, рассчитываем на крупные льготы, а тут – это дело. Представляете?.. В каких вы отношениях с Никифоровым?

– Друзьями были.

– Уговорите его забрать иск назад. Дела он все равно не выиграет, только попортит кровь и себе, и вам, и нам.

– С сильным, значит, не судись? – тихо спросил Иван.

– В данном случае – безнадежно: от предприятия мы иск отведем, ну а с вас что он получит? В лучшем случае – двадцатку в месяц...

Иван вышел от Ефима Лазаревича в полном смятении. Вначале он почти согласился с ним, что было бы лучше, если бы Федор забрал иск обратно, но упоминание о двадцатке сильно поколебало его. Двадцать рублей были для Федора суммой, и Иван готов был пройти через любой суд, только бы Федор ежемесячно мог получать с него эти деньги. Так было бы справедливо, если бы иск не коснулся при этом и других людей. Хотел этого Федор или нет, но своим иском он лишал их приработка, и Иван, понимая это, никак не мог прийти к какому-либо решению. Потоптавшись, он решительно свернул в отдел кадров.

У начальника шла летучка. Иван терпеливо дождался конца, ни до чего не додумался, но довольно ловко пересказал все Николаю Николаевичу.

– Так, – сказал начальник. – А в ведомости у тебя Прасковья дважды в месяц расписываться не забывает?

– Не забывает, – подтвердил Иван.

– А о том, что Никифорову пенсию оформили, знаешь?

– Небольшая она...

– А единовременное пособие считал? А премиальные, что ты им отдал, учел? А то, что местком пятьдесят процентов ссуды на себя берет, слышал? Ну-ка, возьми счета да подсчитай, что выходит. А выходит, – Николай Николаевич смотрел колюче, непримиримо, – выходит, что твой бывший помощник – хапуга и прохвост.

– Несчастный он, Николай Николаич. Калека.

– Раз калека, значит, делай, что душа желает? Вали на капитана, дои государство, как бесхозную корову, марай предприятие? Так?

Иван понуро молчал. Николай Николаевич вылез из-за стола, потирая бок, прошел к графину, запил порошок.

– Живот третий день горит, спасу нет, – сказал он, заметив внимательный взгляд Ивана. – И так двадцать лет одну кашку ем, а порой совсем не могу. Угостил меня фриц знатно: всю жизнь помню. Ты кури, чего жмешься. Окно открыто, выдует все.

Иван закурил, ладонью старательно разгоняя дым. Николай Николаевич вернулся на место, спросил вдруг:

– А этот... Прасолов как?

– Хороший работник, – твердо сказал Иван.

– Ну-ну, – не без недоверия проворчал начальник. – Мой тебе совет: иди к Федору и поговори начистоту. Пусть поймет, что потеряет, если будет настаивать. От моего имени ска-

зять можешь твердо: Прасковью уволю к чертовой матери. И местком не поможет. Ты слово мое знаешь, Трофимыч.

– Знаю, – вздохнул Иван. – Ой, неладно получается!..

У Никифорова дома Иван остановился. Переложил кулек с конфетами в левую руку, правой долго вытирал мокрый лоб: никак не мог решиться постучать в эту до трещинок знакомую дверь.

– Можно, хозяйева? – ненатурально бодро крикнул он, заглянув в маленькие темные сени.

В доме было тихо. Иван прошел внутрь, нащупал вторую дверь – в комнаты, постучал. Опять никто не ответил, и он открыл эту дверь и еще раз – все так же бодро – спросил:

– Можно, что ли?

– Кто? – спросили из-за перегородки.

– Я, Бурлаков.

Иван прикрыл дверь и старательно вытирал ноги. Он узнал по голосу Федора, хотя голос этот и показался ему странно приглушенным. Федор больше ничего не говорил, и Иван все тер и тер подошвы о старый, грязный половик. С печи, не мигая, смотрели четыре глаза: старики, не шевелясь, сидели там и молчали, как сычи.

– Ну входи, раз пришел, – с неудовольствием сказал Федор. – Чего ты там?

Иван поздоровался со стариками, но они не ответили. Он прошел в комнату: Федор полу-сидел на кровати, обложенный подушками. На коленях у него лежал лист фанеры, а на нем – пузырек с клеем и стопка исписанных ученических тетрадей. Сбоку, у стены, спал ребенок.

– Здравствуй, – угрюмо сказал Федор. – Ну, что скажешь?

– Да вот... – Иван растерянно развел руками. – Навестить решил. Детишкам гостинца...

– Гостинец?.. – Глаза Федора странно блеснули, он даже приподнялся на локтях, стараясь рассмотреть, что именно положил Иван на стол. – А мне гостинца не захватил? Нет?

– Ты что это, Федя? – с испугом спросил Иван. – Что, худо? Ты лежи, лежи...

– Восемь пудов поднимал, – задумчиво и спокойно перебил Федор. – Восемь пудов. А теперь – вот!.. – Он подкинул в воздух исписанные фиолетовыми каракулями листы. – Вот, видал? Кульки клею. Копейка – кулек. Кто виноват, а? Молчишь?.. За славой все гнался. Получил славу? Тебе, хромому черту, хорошо: ты один, здоров как бык. А у меня – семь ртов. А я – кульки клею. Кулечки – малину продавать. Заработок – ровно на «Байкал». И то спасибо, свояк помог. Все занятие, артель «напрасный труд».

В сенях хлопнула дверь. Федор рванулся.

– Кто?

– Да я, я, господи, – устало и безразлично сказала Паша. Вошла в комнату, увидела Ивана, качнулась, прислонилась к косяку и тихо сказала: – Здравствуйте, Иван Трофимыч...

– Принесла? – заглушив Иванов ответ, нетерпеливо спросил Федор.

– Принесла, – сказала Паша и достала из кошелки четвертинку. – Вот, Иван Трофимыч, все, что даете мне, на водку уходит. Каждый день требует. Каждый божий день...

Она опустила на стул, все еще держа четвертинку в руке.

– Ну?.. Давай, ну?.. – зло и беспокойно закричал Федор.

– А что делать, а? – тихо продолжала Паша, не обратив на него внимания. – Ведь криком кричит от боли, исходит весь. А выпьет – вроде легче.

– Яд ведь, – сказал Иван. – Губишь ведь, Прасковья, опомнись.

– Знаю, – покорно согласилась она. – Врач специально предупредал: ни капли.

– Ну давай, чего болтаешь?.. – грубо закричал Федор.

– Зачем же ты... – начал Иван.

– А что делать? – опять спросила она. – Вы крики его послушайте, хоть раз послушайте. Ведь Ольку уже напугал: плачет она ночами, дергается. Ну, что делать, Иван Трофимыч, ну хоть посоветуйте...

– Давай, – крикнул Федор. – Давай, а то такой концерт устрою...

Иван нагнулся к столу, взял из рук Паши бутылку, все до капли вылил в большую эмалированную кружку.

– На!.. – Он резко сунул кружку Федору. – Пей!.. Ну?..

Федор взял кружку, но пить не стал. Глядел исподлобья: кружка дрожала в руке, водка выплескивалась на детские тетради.

– А ведь был мужик, – тихо продолжал Иван. – Восемь пудов поднимал. Характер имел.

– Раздавило меня... – опустив голову, сказал Федор. – Как червя, раздавило...

– Гляди, до чего семью довел, гляди, глаза не прячь!.. Старики на печке шевельнуться боятся, девчонка по ночам плачет, Паша – тень одна осталась. А ты все куражишься, Федор, все ломаешься, безобразничаешь... – Он закурил, отошел к окну. Крикнул, не оглядываясь: – Ну пей, чего дрожишь? Пей при госте один, если уж и мужика в тебе не осталось!..

Тишина стояла в доме. Ворохнулся на кровати ребенок, почмокал сладко губами и затих. У стола плакала Паша, а Федор не поднимал головы.

– Паш, слышь-ко, – вдруг тихо сказал он. – Ты, это... Ты рюмки бы подала, что ли...

– Федя!.. – выкрикнула Паша и, рухнув к ногам мужа, судорожно обняла их. – Федя! Феденька!..

Федор гладил ее по голове и, шмыгая носом, отворачивался: не хотел, чтобы видели слезы.

– Ну, что ты? Ну, Паша? Ну, неудобно: гость пришел, а ты... Дай-ка нам рюмочки лучше. Рюмочки, огурчика...

– Сейчас, Феденька, сейчас, – с торопливой готовностью сказала Паша, вставая.

Всхлипывая и ладонями вытирая слезы, прошла на кухню. Иван молчал. Федор повоzilся, то ли устраиваясь поудобнее, то ли от смущения. Сказал:

– Не сердись, Трофимыч. Не выдержал. Жалко себя стало, силы своей... – Он помолчал. – Ты знаешь... Знаешь, в суд я подал.

– Знаю.

– Ну вот... – Федор вздохнул. – Затаскают тебя, поди.

– Меня-то ладно. – Иван потушил окурок, вернулся к Федору. – Меня-то ладно, Федя. Тут хуже дело получается. Так получается, что работяг ты премии лишишь. Квартальной премии. А ведь они-то ни в чем перед тобой не виноваты.

– Как?

– На первое место по району вышли. А если суд, то, сам понимаешь, срежут. Знамя-то еще, может, оставят, а премию...

Вошла Паша, принесла две рюмки, тарелку с огурцами.

Мужчины молча чокнулись, несколько торжественно выпили.

Федор сунул в рот огурец, сказал деловито:

– Надо, Паша, к Ефиму Лазаревичу сходить и забрать назад то заявление.

Паша молча посмотрела на Ивана.

– Это свояк нам затмение устроил, – виновато улыбнулся Федор. – Хорошо, до позора дело не дошло. Сходишь, Паша?

– Схожу.

– Ну, молодец, – с облегчением вздохнул Федор. – Умница ты у меня и душа добрая. Будь здоров, капитан, и не сердись: тошно мне, знаешь...

И вновь Иван уходил со смятением в душе. Шел, глядя под ноги, не узнавая встречных, пытаюсь понять, не слишком ли дорогой ценой заплатил он, не пустив в Волгу прорвавшийся лес. Ни до чего он так и не додумался, но твердо понял, что не успокоится, пока хоть мало-мальски не наладит Никифоровым жизнь...

Володьку Пронина время от времени озаряли идеи. Были они большей частью пустоportunыми, касались усовершенствования торжеств или нового способа подачи заявлений, но Пронин брался за них с такой энергией, что уже во второй инстанции истинный смысл их терялся, а еще выше к ним начинали относиться даже с интересом:

– Инициативный работник.

– Часы! – крикнул Пронин, когда Иван рассказал ему про Федора. – Часы, товарищ Бураков! Дело тихое, чистое: сиди себе да колупайся. И ходить необязательно.

– Да не умеет он часы. Сроду с дизелями.

– Научим. Сегодня же свяжусь с часовой мастерской, попрошу, чтоб прикрепили к нему мастера. Пусть первое время будильники ломает. – Пронин записал что-то на перекидном календаре совсем так, как это делал директор. – Так. Заметано. Что еще?

– Насчет ссуды. Ссуду бы с него скостить, Володя. Юрий Иванович дал распоряжение, а по вашей линии...

– Правильно критикуете: текучка заела. Соберу комитет, провернем. Заметано. Еще?

– Все, – улыбнулся Иван. – Кипишь ты, Володя, как ведерный самовар.

– Должность такая, – без ложной скромности согласился Пронин. – Народ раскачивать приходится, идеи бросать. Да, как у вас с новыми обязательствами?

– Мы старые еще не выполнили.

– Не надо за старое цепляться. Вы теперь на виду: именные. С вас и спрос другой. Прошу наметить, обсудить с экипажем.

– Ладно. Ты насчет Никифорова...

– Заметано! – Володька эффектно подал руку: – Ну, трудовых свершений вам, побед и прочее.

«Волгарь» по-прежнему бегал по затону, но Иван, занявшись делами Федора, меньше бывал на катере, и Сергей один мотался из конца в конец. Намотившись за день, вечером аккуратно шел на занятия: кажется, ему даже нравилась эта непомерная нагрузка. Он был общительнее Ивана, быстрее сходился с людьми, и вскоре само собой получилось, что его фамилия стала чаще упоминаться на летучках, чем фамилия законного капитана «Волгаря».

В субботу Иван побежал в местком: Пронин все тянул с решением о ссуде. С утра катер нарядили тащить воз, и Еленка решила устроить генеральную приборку. Долго мыла кубрик, выколачивала на корме одеяла, морила клопов, которые нет-нет да и появлялись на катере. Сергей посмеивался:

– Смотри до дыр не промой!

Еленка сухо глянула – они почти не разговаривали – и принялась за трап. Выскребла каждую ступеньку, начала протирать перила и вдруг остановилась: на перилах химическим карандашом были написаны три имени: «ЛЮСЯ, КЛАВА, ВАЛЯ». Еленка хорошо знала этих девчонок – молоденьких кубометристок с запани. Знала и молву, которая ходила по поселку о трех подружках, зазывно голосивших двусмысленные частушки субботними вечерами. Глянула снизу на широкую спину Сергея, ссутуленную над штурвалом, усмехнулась и перенесла тряпку повыше.

В воскресенье Иван надел выходной костюм, сказал, ни к кому не обращаясь:

– К Сашку схожу.

Полез наверх, налегая на поручни. Сергей догнал его уже на палубе.

– Когда вернешься?

– А когда надо?

– Догадлив ты, капитан, – заулыбался Сергей. – Ну, часам к семи, думаю.

Иван коротко кивнул и похромал к носу. Сергей последил, как неуклюже перебирался он на затопленную баржу, как, сильно раскачиваясь, шагал к лестнице, ведущей в поселок: по тропинке он больше уже не поднимался.

Еленка убирала со стола. Сергей помолчал, прикидывая, как начать разговор: отношения были сложными.

– Как день провести думаешь?

– Мешаю, что ли? – не оглядываясь, спросила она.

– Почему мешаешь? Наоборот, предложение имею. – Он замолчал, но она продолжала так же медленно, старательно вытирать стол. – Поедем на острова?

– Вдвоем?

– Шестеро поедем. Компанией.

– Лишняя я в вашей компании. – Еленка прошла в свой закуток, грохнула кастрюлями.

– Глупая. – Он вдруг шагнул, крепко обнял. Она рванулась, но он не отпустил. Зашептал в ухо: – Разве тебя забудешь?

– Пусти. – Она мягко высвободилась. – Не надо. Прошу тебя. Пожалуйста.

В тоне ее было что-то такое, от чего он сразу перестал настаивать.

– С радостью бы с тобой вдвоем на острова уехал, но – договорился, неудобно. В одиннадцать ребята из рыбнадзора придут. А потом за девчонками заедем. Ну, гуляют ребята с ними, ну, как тут отвертеться?.. – Он помолчал. – Поедем?

– Было бы куда уйти, Сережа, – ушла бы, не оглядываясь...

Гости прибыли точно. Красный, конопатый капитан катера рыбоохраны нес заботливо упакованную от посторонних глаз выпивку и авоську отборных, еще живых лещей. Быстрый, цыганского вида инспектор притащил завернутый в мешковину предмет:

– Тебе, Сергей.

Сергей развернул; это была новая сеть с крестовиной и растяжками: люлька. Мелкоячеистая, почти на три метра.

– Ну, теперь с рыбкой будем! – радостно сказал Сергей. – Теперь – порядок!

Девчонок было двое: Люся и Клава. Худенькая, с лисьим личиком и тонкими, как палки, ногами Люся с визгом бросилась на шею краснорожему здоровяку капитану. Сонная, круглая, как арбуз, Клава держалась степенно: подала каждому руку, покивала и уселась на моторный люк, подобрав толстые ноги.

Сергей гнал катер к островам, мужчины держались в рубке: были они женатыми и, хоть семьи их жили далеко отсюда, все же побаивались молвы.

У дальнего островка Сергей причалил. Мужчины развели костер на мягком, прогретом солнцем песке. Потом дружно, в шесть ножей, чистили рыбу. За обедом мужчины поили девушек портвейном, много было шуток и смеха. Еленка совсем было оттаяла, но тут угрюмый инспектор начал скучно тискать равнодушную Клаву. Рыжий захохотал, хлопнув вертлявую Люську.

– Гуляем, девки!..

Мучительно покраснев, Еленка низко пригнулась, пряча глаза. Сергей встал.

– Пойдем на катер.

На катере он наглухо задраил дверь рубки, спустился в кубрик. Еленка плакала, спрятав лицо в ладонях.

– Ну, чего? – Он тронул ее за плечо. – Брось, дураки они.

– Не уважают. За что? Ну, за что, Сережа?

– Глупости все это, мелочь. Они вообще-то ребята неплохие.

– Ох, как гадко все это, Сережа!..

Она замолчала. За глухими железными стенами чуть слышался неразборчивый визг Люськи, хохот капитана. Сергей сел рядом.

– Вытри-ка слезки, улыбнись. Ну, что ты?.. Ну, хочешь, бросим их тут, уедем?

– Хочу.

– Ну, и бросим. – Он повернул ее к себе, поцеловал. – Эх, Еленка, Еленка...

– Ты что? – Она рванулась, вскочила. – Ты что это, а?..

– Дура ненормальная, – со злобой сказал Сергей.

– Не будет этого. Никогда не будет. Никогда, – как в бреду, повторяла она.

– Ну и заткнись! – грубо оборвал он. – Тоже цаца выискалась, девочку из себя строит.

Вылез из кубрика, что есть силы грохнул дверь. Еленка упала на диван, расплакалась в голос, не сдерживаясь.

Когда успокоилась, голосов уже не было слышно: гости то ли дремали, загорая на песке, то ли ушли в глубь острова. Еленка напряженно прислушивалась, пытаясь угадать, где они сейчас, но в кубрик доносился только плеск воды, шуршащий пережат камыша да резкие крики чаек. Потом грохнули по палубе шаги, и на трапе показался Сергей: он нес бутылку вина и тарелку с конфетами.

– Подлизываться пришел, – улыбнулся он.

– Где они?

– Гуляют. – Он хохотнул, не удержавшись. – Природа, Еленка, своего требует.

– Женатые ведь.

– А что им, убудет, что ли?

– И ты таким будешь, когда женишься?

– Я-то... – Сергей налил вина, хлебнул. – Это смотря на ком женюсь. Если муж налево свернул, так в том, Еленка, жена виновата.

– Жена всегда виновата.

– Ну, не скажи. Вот у меня кореш в Саратове... – Он вдруг замолчал, точно вспомнив что-то. – А ты чего не пьешь? Веселей гляди, матрос! Чего там, мир ведь, а?

А глаза никак не хотели улыбаться. Холодные и колючие, жили они отдельно от него – шумного, подчеркнуто веселого.

– Фальшивый ты. – Еленка вздохнула. – Ой, какой же ты фальшивый!

– Ну, что там – фальшивый, фальшивый. Какой есть...

Гости вернулись к ужину: усталые, равнодушные, далекие друг от друга. Мужчины держались особняком: капитан усердно скоблил толстую можжевелину с хитро загнутым корнем; инспектор лег в тень, прикрывшись от мух рубахой. Сергей помогал женщинам с готовкой, таинственно подмигивал, ухмылялся. Еленка злилась, но молчала. Улыбалась, пряча злые глаза, все снесла и выпросила-таки крепкую можжевелевую палку.

– Это – вам, – сказала она Ивану вечером, когда они остались одни в кубрике. – Не знаю, может, коротка.

Иван взял палку, примерил:

– В самый раз.

Равнодушно поставил в угол, начал стелить постель.

Еленка смотрела в сутулую широкую спину, молила, чтобы повернулся, чтобы спросил о чем-нибудь.

– Наврала я вам, – тихо, запинаясь на каждом слове, сказала она. – Ни у кого я тогда не была. Просто редела на берегу до рассвета.

Иван молча снял пиджак, потащил через голову рубаху.

– Вы простите меня, Иван Трофимыч, – еле слышно сказала Еленка.

На секунду он замер, завяз в рубахе. Сказал глухо:

– Ты бы вышла. Раздеваюсь я.

Еленка качнулась, прижала руки к груди. Спотыкаясь, взбежала по трапу.

Иван лег к стене, закрыл глаза. Может, надо было шагнуть к Еленке, шагнуть и обнять, и все бы вернулось, но он сразу же прогнал эту мысль.

Он отрезал Еленку, отрезал по самому сердцу. Нет, совсем не за то, что она в запальчивости наврала ему, не за ложь – за правду: она просто жалела его.

Утром встал с глухой, уже привычной головной болью. Поднялся на палубу: на корме Сергей собирал новую люльку. Иван тупо посмотрел на широко раскинутую сеть.

– Что это?

– Подарок, – горделиво улыбнулся Сергей. – Кончилась наша кустарщина, капитан.

– Закона не знаешь?

– Законы, капитан, для дураков пишут. Для дураков да для судей, когда эти дураки попадают.

Иван метнулся в кубрик. Выскочил оттуда, молча отстранил Сергея и полоснул по сети остро отточенным ножом.

– Ты что?

– А я – дурак, – запинаясь от ярости, сказал Иван. – Тот дурак, для которого законы пишут.

И опять широко, уже не примериваясь, резанул сеть.

– Не смей!.. – Сергей, не рассчитав, с силой толкнул капитана.

Иван отлетел к борту, ударился о леер. Нож, выскользнув, упал в воду. Иван тяжело поднялся, шагнул к сети, скомкал. Сергей ухватился за другой конец:

– Рыбинспектор дал. Понятно тебе?.. Сам дал, лично!..

– Не дам!.. – Иван, задыхаясь, рвал сеть к себе. – Не позволю!..

– Моя сеть, ясно? Мне подарили! Мне, ясно?..

Тяжело дыша, они почти упирались лбами. Сергей был здоровее и помаленьку, по частям перетягивал сеть, мотал Ивана по всей корме.

– Оставь! Слышишь?.. Добром прошу, – бормотал он.

Иван вдруг бросил сеть и, схватив с палубы тяжелую крестовину, далеко швырнул в воду:

– Вот так-то, Прасолов. Так-то лучше будет. Спокойнее.

– Твою мать... – сквозь зубы выругался Сергей. – Добро, капитан, побеседовали. В жизни этой беседы не позабуду.

– Уходи с катера. – Иван закурил, затянулся, говорил почти спокойно. – Сам уходи. Не сработаемся.

– За бабу считаешься? – тихо спросил Сергей. – Эх, мужик называется! Дерьмо собачье.

Швырнул в воду исполосованную сеть, пошел к рубке.

Навстречу вылезла Еленка.

– Завтракать.

– Идем. – Иван встал. – Я сказал тебе, Сергей. Все.

– Не задержусь, капитан. Теперь не задержусь, не думай!..

Но задержаться Сергеем все-таки пришлось: он задумал досрочно выпустить своих радистов. Просьбу встретили недоверчиво, но пошли навстречу: создали комиссию, в состав которой вошли директор, главный инженер и по собственной охоте Пронин.

Группа не подвела Сергея: из пятнадцати выпускников четырнадцать получили свидетельства. Пятнадцатый слушатель – Еленка – не явился на экзамены. Сергеем объявили благодарность в приказе и наградили именными часами. Он был очень доволен и ради такого случая закатил на катере торжественный ужин.

– Не откажешься, капитан?

– Можно, – сказал Иван.

Сергей пригласил всю комиссию, но пришли только Володька Пронин да парторг Пахомов. Пронин держался официально, говорил тосты, но быстро опьянел и стал пялить глаза на Еленку. Еленка развеселилась, покраснела, закрывалась рукой.

Спьяну Пронин принимал Еленку и Сергея за молодоженов, лез с поздравлениями, журил, что скрыли правду.

– Волжская свадьба!.. – кричал он, требуя внимания. – Катера – все в цветах! Музыка! Народное гулянье!.. Товарищ Прасолов, возродим народные обычаи? Возродим?..

Пахомов пил мало. Вел с Иваном тихий мужской разговор о лесе, заработках, хозрасчете, который в порядке эксперимента хотели ввести на их запани с будущего года. Он не поддерживал этого новшества, хмурился:

– Опять, значит, рубль гнать будем, да? А сознательность?

– Без рубля тоже не проживешь.

– Правильно. Но вот мне скажи: хорошо зарабатываешь?

– Хватает.

– Вот. Ты – передовой, ты из премий не вылезашь. По высшей сеточке пятый год без промаха. Почему? Потому, что ты сам проценты даешь, а мы тебе – соответственно. А при этой самой новой экономике что будет? А то будет, что станешь ты, передовик, получать куда меньше, чем сейчас.

– Почему? – не понял Иван.

– А потому. Сейчас откуда фонд зарплаты идет? Оттуда. – Пахомов важно поднял к темному потолку толстый палец. – Существуют утвержденные ставки, кому сколько полагается. А будет что? Будет фонд зарплаты исчисляться из прибылей, и станем мы его делить на всех чохом. А какой он будет, этот фонд, после всех отчислений? Неизвестно. А ну – запань прорвет? А ну – катер на мель сядет? А ну – еще что? Вот и получится шиш без масла.

– Этого я не понимаю, – вздохнул Иван. – Работать надо хорошо – и запань не прорвет, и на мель никто не сядет...

– Комнату! – вдруг заорал Пронин. – Товарищ Пахомов, сделаем комнату молодоженам?

Иван поднял голову, удивленно посмотрел на Еленку. Она с веселым вызовом встретила его взгляд, и он сразу отвел глаза.

– Комнату? – Пахомов, не понимая, моргал белесыми ресницами.

– Не надо им комнату, – глухо сказал Иван, уставясь в стол.

– Нет, надо! – озорно сказала Еленка. – Очень даже надо!

– Им – не надо, – упрямо повторил Иван. – Старикам лучше дайте. Столько лет на барже...

Разошлись за полночь. Сергей пошел провожать. Еленка, напевая, убирала со стола. Иван начал стелить постель, спросил вдруг:

– Поздравить можно?

– С чем, Иван Трофимыч?

– Ну, с этим... Комнату вон обещали. И вообще.

– Можно, Иван Трофимыч. – В Еленку вселился какой-то бес: хотелось озорничать. – На свадьбу-то придете?

– Ну что ж, поздравляю, – не глядя, сказал Иван и, забыв о постели, тяжело полез на палубу.

– Далеко ли собрался? – спросил Сергей, встретив его у рубки.

– Порыбачить хочу, – хмуро сказал Иван. – Давно не рыбачил.

– Гляди не опаздывай: я завтра с утра занят.

– Ладно. – Иван поковылял к носу. – В шесть вернусь.

Сергей спустился в кубрик. Сказал, усмехнувшись:

– Розыгрыш наш Ивану против шерсти: рыбачить пошел.

– Надоели вы мне, – вздохнула Еленка. – Все надоели. Для себя жить буду. Вот как. Для себя.

Сергей потушил свет, разделся, лег. В кубрике было тихо, только чуть поскрипывал борт, касаясь затопленной баржи. Сергей думал о том, как хорошо прошел вечер, и о том, какой

серьезный и деловой разговор вел он, провожая парторга до дома. Завтра начнут ставить на катера рации: дело это поручено лично ему и...

– Спишь?.. – странным приглушенным шепотом спросила вдруг Еленка.

Сергей спрыгнул с дивана...

Два дня Сергей только ночевал на «Волгаре»: устанавливал на катерах передатчики, регулировал, налаживал связь. Он работал с азартом, умел подчинить людей своей веселой настойчивости. Дело, запланированное на неделю, провернул за двое суток, получил крупную премию, ходил победителем. Резко сократились холостые пробеги катеров.

А Иван жил молчком. Молчком работал, молчком ел, молчком курил на палубе. Он не заговаривал больше об уходе Сергея с катера, понимая, что уходить-то надо ему. Он проиграл эту молчаливую битву за первенство на «Волгаре» и, оставаясь капитаном, фактически был просто третьим лишним. И не было сил бороться. Просто – жил, и все. Тихо жил.

В воскресенье он надел выходной костюм, прихватил новую палку: шел к Сашку. Еленка вручила ему сверток с пойманной накануне рыбой, спросила, когда вернется.

– В семь, – сказал он. – Пойдете куда?

– Не знаю.

– Я к тому, что ногу ломит, – пояснил Иван. – Ломит с вечера. Как бы грозы не было.

– Да какая гроза! – засмеялся Сергей. – Барометр в диспетчерской на великой суши вторую неделю застрял.

– Мой барометр поточнее, – сказал Иван и полез из кубрика.

День был безветренным, сонным, белесым от зноя. С утра на пристани толпился народ: люди собрались в Юрьевец, но рейсовый запаздывал где-то вверху, в Красногорье. Мужчины прели в темных выходных пиджаках, поругивали пароходство, курили. Сергей из любопытства пошел узнавать, вернулся с рыжим капитаном и рыбинспектором.

– А народ-то зря на пристани топчется: рейсового не будет. В Красногорье винт о топляк сломал, при мне диспетчер звонил.

– Ну, Сергей, на тебя вся надежда, – улыбнулся рыжий. – Не срывай нам мероприятия.

– Ты что, капитан? Это тебе не по нашим дебрям ходить: там, в Юрьевце, документы нужны.

– А ты к пристани не швартуйся – и документов никто не спросит.

– Деньгу можно зашибить немалую, – понизив голос, сказал инспектор. – Гляди, сколько рублей на берегу мается.

– Деньги само собой, – нажимал капитан. – Главное – людям помочь: выходной пропадает.

– Это верно... – заколебался Сергей.

– Ой, Сережа, не соглашайся, – вмешалась Еленка. – Нельзя так, не положено! И Иван Трофимыч не позволит.

– Ну, на Трофимыча-то я облокотился, – усмехнулся Сергей. – А вот если в Юрьевце засекут...

– Не засекут, – убеждал капитан. – В Ямском долу ошвартуешься, я проведу.

– Там, между прочим, совхозный сад, – сладко причмокнул инспектор. – Вишни уродились дай бог!..

– Без штанов с этой вишней останетесь, – сердито сказала Еленка: боялась, что Сергея уговорят. – Собаки – как лошади.

– У Лешки все собаки знакомые! – захохотал капитан. – Уж как-нибудь, хозяйка, корзиночку сообразим.

– Уговорил! – крикнул Сергей, заметно волнуясь от принятого решения. – Уговорил, рыжий черт! Командуй погрузку!..

Насажали полный катер. Женщины и дети разместились внизу, где сердитая разряженная Шура с нефтянки отвоевала полдидвана. Мужчины толпились на палубе, набились в рубку, торчали под окнами: Сергей с трудом видел фарватер.

Капитан нахально собирал деньги: два рубля с взрослого, рубль – с ребенка. Ворчали, но платили: не сидеть же на берегу, ожидая, пока починят рейсовый.

На носу голосисто пели Клава и Люся. На моторном люке обветренные плотовщики азартно рубились в «петуха». Еленка сидела с бабами в кубрике, болтала, настороженно встречая колючие взгляды Шуры.

Над разомлевшей рекой плыло марево. Тяжко было дышать, но «Волгарь» бежал ходко, и свежий ветерок сушил липкий, изнурительный пот.

С остановками одолев крутую лестницу, Иван нашел знакомый дом запертым. Покурил на скамейке у калитки и пошел назад, на берег, потому что идти больше было некуда.

Уже у лестницы он подумал, что своим внезапным появлением нарушит планы Сергея и Еленки. Вспомнил, как предупредительно собирала его Еленка к Сашку: теперь в этом он увидел одно нетерпение. Вспомнил и затоптался: идти на катер было нельзя.

Тогда он, обогнув причалы поверху, выбрался к реке на окраине возле развалин старой мельницы. Берег был пустынен. Иван снял пиджак и сел на бревно.

Против него торчали в небе клыки грейфера: Васин топлякоподъемник расчищал здесь дно. У борта стояла лодка, на палубе мелькал кто-то: Иван напряг зрение, с трудом угадал Васю. Видно, молодые собирались на берег или решили испытать новый мотор.

Иван никогда не завидовал ни молодости, ни здоровью, ни силе, но счастьем завидовал. Выпадает же такой номер людям, какой выпал Васе и Лидухе. И любовь есть, и дружба, и время пожить, и детей воспитать, и женить их, и нянчить внуков, и спокойно, с достоинством рассчитаться за прошлое в окружении тех, с кем рядом прожил эту жизнь. Об этом и должно мечтать человеку, и завидовать этому не грех, потому что рожден человек для доброго труда и очень простой радости...

Он не обратил внимания на стрекот мотора, а когда очнулся, Вася уже заглушил движок, и лодка мягко ткнулась в берег.

– А мы глядим, кто это сидит? – весело крикнул Вася. – Лидуха вас первая узнала: глязастая она.

– Айда с нами, Иван Трофимыч, – предложила Лида.

– Да что вы! – Иван растерялся, встал, начал надевать пиджак. – Вы молодые, гуляйте, а я так...

– Шагайте в лодку, Иван Трофимыч, – сказал Вася, упиравшись веслом, чтобы не сносило корму. – Покатаемся, рыбки половим: я удочки захватил.

– Рыбка-то есть, – улыбнулся Иван и поднял с песка пакет, – Сашку нес, да никого дома не застал.

Перебрались на острова. Ловили рыбу: просто так, для забавы. Собирали ягоды, искали грибы, но не нашли: стояла сушь, и хоть грибам по всем законам полагалось уже пойти, в этом году они запаздывали. Лида сварила уху, позвала обедать.

– Эх, выпить нечего! – вздохнул Вася. – Лидуха моя насчет этого кремень: иссохнешь, пока допросишься. Строга!..

– Это правильно, – тихо сказал Иван. – Вот что значит – жена. Ты, Василий, всегда слушай ее, держись за нее.

Ничего не сказал Иван особенного, но Вася и Лида услышали в этом что-то тревожное. Переглянулись, и Вася упрямо мотнул коротко стриженной головой.

– Скажу я, Лидуха.

– Не надо.

– Нет, скажу! – Вася бросил ложку, уперся взглядом в Ивана. – Надо честно, без обмана. Правду надо вам знать, Иван Трофимыч.

– Ой, зря!.. – вздохнула Лида.

– Обманывает она вас, – твердо сказал Вася. – Еленка обманывает. С этим. С Сергеем.

– Знаю. – Иван еще ниже опустил голову.

Вася растерянно замолчал. Иван хлебал уху, не поднимая глаз и не чувствуя вкуса. Ныла не переставая перебитая давним осколком нога.

От чая он отказался. Лег на траву, закрыл глаза. За костром переговаривались шепотом, осторожно звякая посудой: считали, что он спит. А он думал о том, о чем уже все знали.

Холодный ветерок налетел неожиданно, зашуршав в камышах. Иван сразу очнулся. Сел, обеспокоенно обшарил глазами небо: на севере тяжело сложилось сухое рыжее марево.

– Собирайтесь, – сказал он, вставая. – Сейчас шквал ударит.

Втроем побросали вещи в лодку, поспешно расселись, Иван с силой греб, отводя от берега, Вася возился с мотором. Ветер то сникал, то снова прорывался, крепчая раз от разу. По реке пятнами разбегалась рябь...

Первый удар «Волгарь» принял в лоб, как только вышли на середину. Тупо сунулся в волну, не смог вовремя вынырнуть, и вода хлынула через борт. Девчонки с визгом посыпались к рубке.

– Ходче давай! – крикнул рыжий капитан. – Шквал идет.

Сергей до предела отдал сектор газа. Старенький движок с натугой выжимал обороты. Ветер бил в лицо, гасил скорость, прижимал нос к волне. Вода каталась по палубе.

Плотовщики побросали карты. Вытягивая шеи, с беспокойством поглядывали вокруг, прикидывали, сколько осталось до Юрьевца. Степаныч торопливо увязывал на корме корзины, накрывал их клеенкой, а ветер рвал ее из рук, и она флагом развевалась за катером.

– Давай обороты, Сергей, – бормотал рыжий. – До бури бы проскочить.

В кубрике смолкли женские голоса, только испуганно скулил ребенок. Волны ходили ровень с иллюминаторами.

– Тыр-пыр... – хмурился инспектор Лешка. – Тяжело идем.

– Насажали, – сквозь зубы сказал Сергей. – Говорил же...

В кармане у него лежали скомканные рубли, и ругать было некого. Он не боялся, но трезво оценивал опасность: катер не держал волны даже при максимальных оборотах.

– Баллов пять будет, – сказал капитан. – Как думаешь?

Сергей промолчал. Инспектор выглянул в дверь.

– Эй, девки, вниз ступайте. Мокро тут.

– Да-а, – протянула Люся. – Туда зайдешь – назад не выберешься.

Сергей глянул на щиток и не поверил собственным глазам: стрелка масляного манометра мертво стояла на нуле. Он тупо смотрел на нее, даже протер стекло пальцем: стрелка не шелохнулась. Рядом что-то бубнил капитан, Сергей не слушал: его вдруг бросило в жар. Он бессмысленно глянул на рыжего и рванул сектор газа на себя. Двигатель смолк.

– Ты что? – тихо спросил капитан. – Ты с ума сошел?

– Давление на нуле. – Сергей вытер пот. – Давай в мотор, Сашка.

Катер быстро терял ход. Волна швырнула его в сторону, развернула, положила на бок. Что-то с грохотом покатило по палубе, в кубрике пронзительно закричали женщины.

– Держи к волне!.. – крикнул капитан, скатываясь по трапу в моторное отделение.

– Баб не пускай!.. – закричал Сергей, всем телом налегая на штурвал.

Женщины, толкая друг друга, с криком лезли по узкому трапу. Лешка спихивал их обратно, хрипло матерился, бил по рукам, рвал платья. А они, теснясь, все лезли и лезли, и от крика их Сергей не слышал голоса капитана из моторного отсека.

Катер заливало водой. Она хлестала в носовой трюм, переливалась в рубку, текла по трапу в кубрик. Ругался Степаныч: корзины смыло за борт, клубника моталась по волнам. Визжала Клавка, со страху взобравшись на крышу рубки.

Капитана швыряло из стороны в сторону в тесном и темном моторном отсеке. Дважды он налетал на раскаленный выхлопной коллектор, прожег новый пиджак, до крови рассадил руку. Вылез грязный, злой.

– Не нашел. Заводи!..

– Нельзя!.. – кричал Сергей. – Двигатель запорем!..

Катер тяжело болтался на волнах. Сергей с огромным напряжением удерживал нос к волне.

– Моряк, твою мать!.. – Капитан рванул Сергея от штурвала. – Пусти! Потопишь всех, сволочь!..

– Уйди!.. – Сергей бросил штурвал, с силой ударил капитана в лицо. – Вон из рубки! Вон! Убью, гад!..

– Заводи мотор!..

Неуправляемый катер сразу же развернуло, положило на бок. Волна ударила в распахнутую дверь рубки, окатила Сергея, рыжего, Лешку. Дико кричали женщины в тесном кубрике. Лешка схватил капитана, оторвал от Сергея.

– Уходи!.. – вытолкал из рубки, крикнул Сергею: – Ставь на волну! Носом на волну!..

И снова с остервенением, со злобой схватился с обезумевшими женщинами.

Шмыгая разбитым в кровь носом, Сергей кое-как выровнял тяжелый, залитый водой «Волгарь», огляделся.

Их снесло назад, к перекатам левого берега. По обе стороны торчали из пены шесты, обозначавшие мели. Волны катились через них, вздымали тучи песка, местами совсем обнажая дно.

Катер терял плавучесть. Неповоротливый и бессильный, он плохо слушался руля, ложился на волну. Пока еще Сергею удавалось ставить его на киль, но вот-вот должен был наступить момент, когда катер не успеет выпрямиться, его накроет, и тогда на поверхности останется только то, что само по себе способно плавать. Сергей дал горючее и включил стартер.

– Назад? – спросил Лешка. – Лучше не пробуй.

– На мель выброшу, – сказал Сергей. – Выброшу на мель, как-нибудь добредете до берега.

Он дождался волны, успел развернуть катер и на гребне ее пошел к берегу, дав двигателю максимальную нагрузку. Дно чиркнуло о песок, катер дернулся, и волна схлынула, оставив его на мели. Сергей заглушил мотор, махнул рукой Лешке:

– Выпускай.

Мокрые напуганные женщины повалили из кубрика. Кричали, плакали, металась по катеру, проклинали Сергея.

Катер болтался на волнах, то ложась на борт, то встряхиваясь, когда подходила волна. Люди цеплялись за железо, друг за друга: палуба качалась под ногами.

– Ну, миленок, погоди!.. – кричала разлохмаченная, в разорванном на груди платье Шура. – Я так не оставлю! Я все напишу куда следует!..

Но паники не было. Плотовщики, Лешка и опомнившийся рыжий капитан быстро навели порядок.

– На берег надо, – сказал Лешка. – Если ветер усилится – перевернет катер.

– Идите. – Сергей безуспешно раскуривал мокрую сигарету. – Тут мелко. Линем свяжитесь – добредете.

– А тебе к рыбам захотелось? – тихо спросил инспектор. – Уйдем, катер полегчает и – хана. Через три дня всплывешь – глядеть страшно будет.

– Вот только – как дойдете?.. – вслух размышлял Сергей, словно не слыша, что говорит Лешка. – Первому с багром надо...

– Ну, веди. Ты – длинный, волна не накроет...

Сергей, обвязавшись линем, первым прыгнул за борт. Волна швырнула к катеру, но он уперся багром, устоял. За ним попрыгали остальные, мужчины несли детей. Брели по грудь, оступались, падали, хлебали мутную воду: только песок хрустел на зубах.

Вылезли на крутой глиняный откос. Лешка и рыжий капитан пытались развести костер: сырые спички, что Лешка принес в кепке, не разгорались, гасли одна за другой. Женщины в кустах отжимали мокрые платя, кутали ребятишек. Плотовщик достал чудом сохраненную сухую папиросу, отдал Сергею:

– Держи, парень. Не знаю, как ты один назад дойдешь.

Сергей понял, что возвращаться придется. Буркнул, пряча вздох:

– Доберусь.

Он отдал недокуренную папиросу, взял багор.

– До людей дойдете – шумните там. Долго не продержимся.

– Будет сделано, парень.

Сергей на заду сполз с обрыва, побежал по мели, держа багор наперевес. Он бежал от отчаяния, чувствуя, что вот-вот, еще минута – и остатки решимости окончательно покинут его. Волны били в лицо, дно уходило из-под ног. Он падал, отплевываясь, поднимался, снова шел и снова падал. В двух шагах от катера его сбило с ног огромным раскоряченным пнем, затянуло под него, поволокло по грунту. В ужасе он бился под цепкими корнями, выпустил багор, но вылез, встал и, почти теряя сознание, уцепился за леер залитого водой «Волгаря». Прижался грудью к ржавому борту, закрыл глаза. Волны били в спину, перекатывались через голову, ноги подбрасывало, тянуло под киль, но теперь он был спасен и отдышал, копя силы, чтобы взобраться на палубу.

Он не слышал голоса, но почувствовал руки, которые тянули его вверх, на катер. Подняв голову, увидел Еленку: мокрые патлы, расцарапанное в кровь лицо, раскрытый в крике рот. Он кое-как взобрался на танцующую палубу, не смог встать и пополз по скользкому железу. Еленка тащила его за пояс, падала, когда сбивала волна, и все говорила и говорила, и он опять не слышал ее. В рубке он поднялся на ноги, и они плотно задраили дверь.

– Сережа! – Плача, она целовала его мокрое лицо. – Я знала, что вернешься за мной, что не бросишь!..

– Ну, ладно, – сказал он и сел на рундук, усадив ее рядом. Катер швыряло, и они катались, как ваньки-встаньки. – Ты чего с нами-то не пошла?

– Так ведь кубрик залило. Постели мокрые, хлеб, крупа – все мокрое. Пока прибралась – вы уж за борт попрыгали. Я испугалась сперва, а потом поняла, что вернешься, что не бросишь меня тут.

– Да. – Теперь Сергею казалось, что так оно и было. – Я глянул там, а тебя нет. Ну, и... И катер оставлять нельзя, не положено, под суд пойти можно. Да не реви же ты, господи! Спасут.

– Я не от страха реву, Сереженька, я – от счастья. Ведь не верила, что любишь, совсем не верила, дура проклятая. А ты едва не утоп из-за меня!..

Катер снова кинуло на бок, Еленка слетела с рундука и осталась стоять на коленях перед ним.

– Где поцарапалась?

– Это? – Она коснулась щеки и засмеялась. – Это Шурка меня угостила. Помнишь, толстая эта, с нефтянки?

– Да... – сказал он. – Много воды в кубрике?

– Много. Сверху налилось и, по-моему, с машин течет: переборка старая, в щелях вся.

– Отливать надо. – Он отстранил ее, встал, держась за стену. – Давай-ка работать.

Долго отливали воду, но убывала она медленно: волны по-прежнему захлестывали катер. А потом пошел тяжелый густой дождь, и Сергей с остервенением швырнул ведра: отливать было бесполезно.

Рация не работала: то ли разболтало ее от качки, то ли залило аккумуляторы. Сергей попытался было наладить ее, но бросил, ничего не добившись. Сидели в сумрачном кубрике, забравшись с ногами на диван, кутались в сырые одеяла. Ветер не утихал, катер валяло с боку на бок, плескалась вода в кубрике, заливая диваны. Еленку мутило от болтанки, усталости и голода.

Грузный топякоподъемник тоже било и раскачивало, клыки грейфера лязгали над палубой. Но суденышко было хорошо расчалено, якоря прочно держали грунт, и Вася не беспокоился. Пили чай в теплой, чистенькой комнатке, нахваливали мотор:

– На веслах ни за что бы до шквала не выгребли. Сила мотор, а, Иван Трофимыч?

– Мотор добрый, – соглашался Иван: его тревожило, догадается ли Сергей зачалить корму. – Как бы катерок мой о баржу не побилло...

– Напрасно переживаете, Иван Трофимыч. Помощник у вас опытный, сообразит.

Досидели до вечера, когда пошел дождь и волнение чуть утихло. Иван попросил лодку: не терпелось глянуть на катер. Вася с Лидой попытались его отговорить, но Иван был непреклонен.

– Съезжать пора, хозяева дорогие. Загостился. А лодку утречком доставлю, не беспокойтесь.

– Ладно, сам отвезу, – сказал Вася. – Достань-ка, Лидуха, плащи.

Лодку швыряло по волнам, но мотор выгребал легко, и Вася умело держал курс. Вода звонко хлестала в нос, брызги разлетались в воздухе: шли сквозь сплошную завесу. Плащи сразу намокли, коробом оседлав плечи. Вася радовался:

– Сила мотор, Трофимыч!..

Волны перекатывались через баржу, били в берег, «Волгаря» не было. Вася растерянно оглядывался:

– Куда же это Сергей подался?

Берег прятался в густой пелене дождя. Спросить было не у кого.

– Правь к «Быстрому»!..

«Быстрый» стоял в затишке за тяжелым корпусом плавучего крана. Подошли. Вася зачалил лодку за леер, Иван поднялся на палубу. Долго стучал в задраенную дверь рубки. Наконец она с лязгом приоткрылась – на пороге стоял сонный моторист.

– Иван Трофимыч?.. – Он обалдело моргал, словно не веря глазам. – А «Волгаря» где?

– Не знаю, – сказал Иван. – У тебя хотел спросить...

– Это да! – удивился моторист. – Да он же в Юрьеvec утром пошел. Я думал, вы повели...

А тут люди болтают, что потоп в устье...

– Кто потоп?

– Да катер ваш. Может, врут.

– А ну, Петр, заводи «Быстрый». Где Антон Сергеич?

– Капитан на берегу, а завести не удастся, Иван Трофимыч. На ремонте стоим, головку с блока сняли, завтра перебирать...

Иван, не слушая, уже хромал по палубе. Слез в лодку, глянул ошалело:

– Несчастье, видать. Петр говорит, потоп, мол, катер. В устье потоп, на перекатах.

– Да что вы, Иван Трофимыч...

– Давай, Вася. Христом Богом прошу: давай туда сбегает. На ремонте «Быстрый».

– Как же, Иван Трофимыч?.. Это ж часов шесть ходу. И бензину не хватит.

– Люди ведь там, Вася! А бензину мы в Козловке достанем, на шестом «Гансе». У них бочка целая, сам на прошлой неделе возил. Надо ведь, Вася!

Гнали на максимальных оборотах. Теперь ветер дул в лицо, сек дождем: невозможно было смотреть. Вася шурился, отворачивал голову, теряя из виду нос лодки. Иван курил папиросу за папиросой. По мокрой спине барабанил дождь.

Так шли они часа полтора. Уже показались сквозь сплошную завесу дождя первые избы Козловки, когда раздался вдруг мокрый треск и лодку рвануло куда-то вверх. Взревел на мгновение выкинутый в воздух мотор, все стихло, и Иван очутился в воде. Вынырнул, ослепленный, оглушенный, не соображая, что произошло. Сапоги, мокрый плащ, одежда тянули вниз, волны накрывали с головой. Он увидел перед собой треугольную бревенчатую платформу бакена. Подплыл, загребая из последних сил, кое-как взобрался, вцепился в пляшущий на волнах бакен.

– Василий!..

Его рвало, бил кашель, выворачивало грудь. Передохнув, огляделся: ни лодки, ни весел, ни обломков. Только черный огромный топляк танцевал невдалеке на волнах, то показывая толстый комель, то вновь скрываясь под водой.

– Василий!.. Василий!..

Вроде мелькнула в мутной бешеной круговерти белая Васина голова. Вроде плыл он размашистыми саженками к берегу, но, как ни всматривался Иван, толком разобрать ничего было нельзя. Вода, вода, одна вода была кругом, и то ли Васина голова, то ли просто пена мелькает на поверхности – понять невозможно.

Вот и все. И не цепляйся ты больше за мокрый холодный бакен задубелыми руками. Даже если стерпишь, если удержишься до случайной лодки, как помотришь в глаза Лидухе? Как глянешь в глаза людям, капитан неизвестно где потопленного катера? Почему ты еще живой, когда злая вода таскает по дну Еленку и Васю?

Но, видно, жила в нем сила посильнее этих мыслей. Трясся в ознобе, стонал. А держался крепко, изо всех сил держался.

Сняли через час. Вася – в телогрейке с чужого плеча – с трудом разжал заокостеневшие пальцы. Перетасили в лодку, силой открыли рот, влили спирту. Иван очухался, огляделся, спросил:

– Вася?.. Живой?..

– Живой, Трофимыч, живой!.. – смеялся Вася. – Не чаял вас на бакене найти. Кошку мужики захватили да багры. Там искать думали. Фельдшер вон по берегу бегаёт: откачивать вас собрался.

Двое мужиков из колхоза имени Первого мая, усмехаясь, покачивали головами. Они и радовались, что спасли человека, и осуждали Ивана, что полез в бурю на утлой лодчонке, словно неопытный горожанин.

– Лодку-то утопили. Жалко, а?..

– Топляк проглядел. А жалко – чего жалеть-то теперь? Главное, вы живы, Иван Трофимыч, а лодку наживем. И мотор достанем: мужики говорят, тут метра три глубина, не боле.

– Про катер мой не слышал?

– На мель он сел, Трофимыч, – сказал один из мужиков. – Аккурат на перекате, что по левому берегу. Там они его, значит, и оставили, а сами до берега добрались и подались вроде в Ольховку.

– Все сошли?

– Слышал, все.

– Ой, туда мне надо, мужики, – забеспокоился Иван.

– Водки тебе надо, – улыбнулся второй. – Выпить водки и залечь на печи под тулупом. А туда мы сами ходим. Вот затишеет чуток – и ходим...

Стихло только к утру. Колхозный катер вышел из Козловки с рассветом; Ивана не взяли, как он ни настаивал. Его еще бил озноб, он лежал в медпункте под двумя тулупами, и председатель колхоза ехать ему запретил.

«Волгарь» был залит водой. Еленка и Сергей с ночи дрожали в холодной рубке. Катер огруз, влез в песок, и спасателю сдернуть его не удалось. Надо было идти за подмогой, и капитан забрал Еленку с собой: Сергей наотрез отказался покинуть судно. Попросил только оставить курево.

«Волгарь» сдернули двумя катерами, да и то после того, как откачали воду. К полудню отбуксировали в затон, подвели к барже. Иван сам принял чалку, закрепил, молча полез в моторное отделение.

– Заклинило, – сказал Сергей. Он сидел наверху, на трапе, свесив ноги в моторный отсек.

Иван попробовал провернуть двигатель ломиком за маховик. Вис всей тяжестью, согнул ломик – двигатель не провернулся.

– Я же говорю: заклинило, – повторил Сергей.

– Под суд пойдешь, – негромко сказал Иван и полез наверх прямо на Сергея.

Сергей вжался в стенку, пропустил. Иван прошел на нос, с грохотом откинул люк. Из кубрика выглянула испуганная Еленка.

– Молчит?..

– Через час вернусь, – вдруг сказал Сергей и спрыгнул на берег как стоял, в мятых рабочих штанах, грязной рубахе.

Он почти бежал по берегу, и злоба душила его. Ему пригрозили, угроза была реальной, и теперь в дело вступали другие законы.

Ему повезло: Пахомов был на месте и – один. Сергей почти оттолкнул секретаршу, застрявшую в дверях. Ввалился грязный, задыхающийся. Пахомов строго сдвинул брови, указал на стул.

Рассказывать Сергей умел. Он ничего не скрывал: ни того, что пошел в рейс без разрешения, ни того, что загубил мотор, ни того, что первым спрыгнул за борт тонущего катера. Но про деньги не сказал ни слова, и все выходило так, словно действовал он если и не совсем по закону, то все же из добрых побуждений.

Пахомов слушал молча, по-прежнему строго насупив брови. Молчание его очень пугало Сергея: он стал увядать, вязнуть в рассказе, повторяться, но тут парторг неожиданно начал проявлять любопытство, перебивать вопросами, и Сергей, воспрянув, ловко и стройно закруглил покаяние, вызвавшись оплатить ремонт из собственного кармана.

– Зарплаты не хватит, – нахмурился Пахомов. – Пустое обещание.

– На книжке есть, – заверил Сергей. – Производство не должно страдать от моего легкомыслия.

– Правильно, – сказал Пахомов. – Это ты правильно рассудил, одобряю. Я понимаю, действовал ты активно. Сам в воду полез, людей на берег вывел. Все это в плюс тебе, но могут быть серьезные нарекания. Жалобы. А если жалоба в письменном виде – сам понимаешь, не откликнуться не имеем права. Вот и соображай.

– Спасибо, Павел Петрович, – с чувством сказал Сергей. – Вот поговорил с вами и вроде душу облегчил. Нет, вы не подумайте чего: за то, что напортачил, отвечу. По всей строгости, сознаю. А с души вы у меня груз все-таки сняли. Спасибо вам за это большое.

Он уже шел к дверям, когда Пахомов остановил его:

– А Бурлаков что думает?

– А что ему думать, Павел Петрович? – как можно проще спросил Сергей. – Он ведь не ходил с нами, он тут ни при чем.

– То есть как это ни при чем? Он капитан, он за все отвечает.

– Так-то оно так, но ведь формально...

– Ну ладно, поглядим. Иди действуй. Не задерживаю.

Сергей на цыпочках вышел из кабинета и тихо притворил за собою дверь.

Он вернулся на катер и весь день вместе с Иваном прокрутился в моторном отделении. Вычерпали воду, досуха тряпками протерли днище. Двигатель не трогали: до прихода комиссии не велено было к нему касаться. Еленка шуровала в кубрике.

Работали молча. Раз только Еленка заикнулась насчет обеда, но Иван хмуро сказал:

– Не заработали.

К вечеру кончили. Иван хотел было заняться палубой, но Сергей решительно отказался:

– Дела у меня.

Иван не спрашивал, что за дела. Прошел на палубу, ковырялся там один: только грохот стоял.

Сергей спустился в кубрик. Еленка протирала пол, высоко подоткнув короткую юбку.

– Дела, Еленка. Действовать надо, а то навесят нам, что и в жизнь не разогнешься.

– Скоро вернешься?

– Постараюсь. А что?

– Ничего. – Она улыбнулась. – Скучать буду.

– Ну, поскучай. – Сергей переоделся, сунул в карман деньги и вышел.

Он не хотел расспрашивать Ивана, да и встречным опасался прямо ставить вопрос: юлил, балагурил, выпытывал и вызнал-таки нужный ему адрес.

В ответ на стук долго брехала собака. Потом послышались шаги, приглушенный голос спросил:

– Кто?

– С «Волгаря»! Сергей Прасолов. По делу.

Калитка приоткрылась, и в щели показалась массивная фигура Степаныча. За спиной яростно билась на цепи собака.

– Чего тебе?

– Поговорить.

– Не о чем нам говорить.

Он хотел захлопнуть калитку, но Сергей подставил ногу.

– Долг за мной, Степаныч. Клубнику ты по моей вине утопил. Совесть велит рассчитаться.

– Совесть?.. – Степаныч захохотал. – Ну, проходи.

Прошли в дом. Толстая жена в упор смотрела на Сергея и только моргнула в ответ на его: «Добрый вечер, хозяйюшка».

– Ну, садись, – сказал Степаныч. – Значит, прищучило начальство?

– Начальству об этом знать не положено, – улыбнулся Сергей. – И если договоримся, то и беспокоить его не будем.

– Смотря как договоримся...

– По совести. – Степаныч был калач тертый, и Сергей держал ухо востро. – Во сколько убытки ставишь?

– Во сколько?.. – Степаныч прикидывал, как бы не продешевить. – Ну, это как считать...

– Клубники две корзины, – вдруг быстро сказала жена. – Одна к одной ягодки, перебранные...

– Не мешай! – прикрикнул Степаныч. – Ступай вон на кухню да жрать мне приготовь...

С работы я, – пояснил он, когда жена вышла.

– Значит, в самый цвет угадал, – сказал Сергей и выудил из кармана бутылку.

– Полагаешь, что договоримся? – усмехнулся Степаныч.

– Начальство тебе убытки не оплатит, это ты и сам понимаешь. А я – оплачу.

– За что?

– За что? – Сергей прикурил, раздумывая, стоит ли играть в открытую. Решил рискнуть: мужик был жадным. – За то, чтобы начальство не беспокоить.

– Полста.

– Ого!..

– А ты как думал? Клубника – раз. Костюм праздничный измарал – два. И мое беспокойство тоже не задаром.

– Любую половину.

– Четвертной, значит. Нет, парень, поищи дураков. Мы тоже понимаем, что ты ко мне прискакал...

Торговались долго, зло, как на рынке. Столковались на тридцати, клянясь друг другу забыть эту историю.

Стемнело, когда Степаныч вышел проводить гостя. Отогнал пса, отпер многочисленные засовы, сказал вдруг:

– А кто-то обещался мне борщ за шиворот вылить..

Захохотал тоненько, торжествуя. Огрел Сергея по спине жирной рукой..

– погоди еще!.. – Сергей тоже захохотал. – погоди, может, еще и вылью!..

– Нет уж, не выльешь! – заливался Степаныч. – Все, продал ты свою выливалку за тридцать целкачей!

Утром пришла комиссия: представитель главного инженера, молодой мастер из ремонтных мастерских и капитан «Быстрого» Антон Сергеевич. Иван хотел поговорить с ним, но держался Антон Сергеевич официально:

– Поглядим. Лишнего не напишем.

Лишнее и не понадобилось. Согласно акту авария произошла по вине экипажа: сорвало штуцер масляного фильтра.

– Согласны, Иван Трофимыч? – спросил представитель главного инженера.

– Моя вина, – сказал Иван.

– Тогда подпишите.

Иван подписал. Комиссия удалилась, приказав готовить двигатель к монтажу. Двигатель готовить Иван не стал, а полез в кубрик за клюкой. Вылез, сказал не глядя:

– Я – к старикам. Вернусь поздно.

– Вот мы и опять одни, – сказала Еленка. – До самой ночи одни.

– Поскучать тебе придется, Еленка, – вздохнул Сергей. – Дела у меня, понимаешь...

– Может, отложишь?

– Нельзя. Земля под нами колыхается.

Она молча смотрела, как он бреется, как надевает праздничный костюм, как старательно причесывается перед зеркалом, и в сердце ее возникла тревога. Подошла вдруг, обняла:

– Не уходи, Сережа.

– Не могу. – Он мягко высвободился. – Нельзя, Еленка. Надо, чтоб комар носа не подточил.

– Когда вернешься? – угасшим голосом спросила она.

– Вернусь?.. – Он задержался на трапе. – Не хочу обманывать: поздно. Ночью приду, не жди.

Сергей ушел, прогрохотав над головой ботинками. Еленка села к столу и тихо заплакала. Дом пять, с палисадничком... Вот он, такой же, как все на этой улице, только наличники попроще. Те же тюлевые занавески, те же фикусы да столетники.

Сергей очень не хотел входить в этот дом. Это было во сто крат хуже, чем пить со Степанычем водку.

– Шура дома? – с наигранной небрежностью спросил он у тощей, пронзительно любопытной хозяйки, без стука войдя в дом.

– До-ома, – неторопливо протянула она, в упор разглядывая его. – Вон в ту дверь... Он постучал и, не ожидая ответа, приоткрыл дверь.

– Можно?

Шура сидела на широкой, как телега, деревянной кровати и ложкой хлебала кислое молоко из большой кастрюли. Увидев его, она словно окаменела. Он плотно прикрыл за собой дверь, блеснул зубами:

– Приятного аппетита!

– Ты зачем? – Она поискала, куда поставить кастрюлю, и поставила ее на пол у кровати. Ложка, звякнув, утонула в простокваше. – Ты чего тут?

– Соскучился, – с вызовом сказал он и сел на единственный стул у тумбочки, заставленной флаконами и баночками. – Не прогонишь?

Она молча смотрела на него, часто моргая короткими ресницами. В старательности, с которой она пыталась сообразить, как он здесь оказался, было что-то детское. Сергей не дал ей опомниться:

– Тоска меня заела, Шуренок. Такая тоска, что хоть криком кричи, честное слово. Думал я, думал и надумал к тебе прийти, прощения просить. Обидел я тебя, очень обидел, знаю. Черт возьми, как это получается? И не хочешь, а иной раз не справишься с настроением, обидишь хорошего человека, а потом локти кусаешь... Один я тут, Шурик, совсем один, чужой, понимаешь?

Он говорил приглушенно, мягко, жалостливо: ворковал. Шура слушала не слова, а голос, который звучал все тише, все печальнее, и сердце ее уже сладко и тревожно замирало в груди. Сергей взял ее руку, погладил; не вырвалась, только спросила деловито:

– Тебя хозяйка видела?

– Тощая такая? Как селедка?

– Тебе уйти надо, – озабоченно сказала она. – Я потом проведу, если хочешь.

– Боишься?

– Если бы ты на мне жениться собирался, мне бы наплевать на них было. А так, когда гуляем просто, нельзя. В день на всю улицу ославят.

Он вышел, демонстративно распрощавшись с хозяйкой. До вечера они гуляли по берегу, а когда стемнело, Шура провела его в комнату. Здесь он грубо обнял ее, а она только шептала:

– Тише. Стенка тонкая. Тише...

На катер возвращался с рассветом. Шагал, задыхаясь от омерзения, тер лицо. На берегу разделся до пояса, долго мылся, скреб грудь песком. Одевшись, босиком прошел на катер. На носках спустился в кубрик, шагнул в свой угол...

...Утром он опять побежал к Пахомову. Долго ждал, пока можно будет потолковать с глазу на глаз. Курил в коридоре, прятал от знакомых лицо, думал.

Он отвел возможные удары. Два пассажира «Волгаря» имели основания посчитаться именно с ним, но он блокировал их действия. Конечно, не исключено, что напишет кто-нибудь еще, но та жалоба уже не может быть направлена лично против него, против Сергея Прасолова.

Он ни словом не обмолвился об этом с Пахомовым. Поговорили о заключении технической комиссии, о возмещении убытков. Пахомов не спрашивал, держался настороженно, и Сергей снова грубовато порадовался:

– Посоветуйтесь с вами, Павел Петрович, и словно камень с сердца. Легче дышится. Действовать хочется, Павел Петрович, честное слово!..

– Ну, ну, ты не очень-то это... словами бросайся, – сердито сказал Пахомов, но улыбку сдержать не мог.

– Неужели вы во мне сомневаетесь? – как можно проникновеннее спросил Сергей. – Я знаю, чем грех замаливать. Знаю и выполню.

– Вот это – разговор! – с удовольствием сказал Пахомов и впервые за два свидания пожал Сергею руку. – Действуй, товарищ Прасолов.

И опять, как в тот раз, спросил об Иване, когда Сергей уже выходил из кабинета. Спросил просто, как бы между прочим, но Сергей уловил в его тоне оскорбленное самолюбие:

– А Бурлаков, конечно, занят по горло?

– Да не сказал бы, Павел Петрович, – рискнул Сергей. – Вчера, например, к шкиперу на баржу с обеда ушел.

– А посоветоваться – времени нет, – с неудовольствием сказал Пахомов. – Ну-ну...

И было в этом привычно служебном «ну-ну» что-то такое, что Сергей на миг пожалел о своих точно рассчитанных словах.

Никто не хотел заводить «дела», но оно завелось словно само собой. В пятницу назначили общее собрание.

– Насчет того, за так возил Прасолов или за денежку, нету у меня мнения, – говорил капитан «Быстрого» Антон Сергеевич. – Кто говорит – да, кто помалкивает, а кто наоборот: на общественных, мол, началах.

Зал клуба был набит до отказа. Вел собрание Пронин.

– Так что будем считать – за совесть вез Прасолов...

– Точно! – пробасил Степаныч. – Именно что за совесть!

Захохотали:

– Степаныч у нас – первый спец насчет совести!

– Так и считаем, – продолжал Антон Сергеевич. – И все-таки по-разному Бурлаков и Прасолов провели то воскресенье, и вина у них разная. Прасолов оставался за капитана, он и виноват в первую голову. А Бурлаков не сумел правильно воспитать экипаж, вот как я полагаю. Что скажешь, Иван Трофимыч?

– Вину свою полностью признаю, – с места сказал Иван. – Обязуюсь прощение заслужить.

– К дате! – крикнули из зала.

– Что? – спросил директор.

– К дате! Ну, какая там на очереди?

– День кино!

– Давай, председатель, закругляй! Все ясно-понятно!

Сергей прошел к трибуне и долго молчал, облизывая пересохшие губы. В голове путалось, ощущение чего-то непоправимого мешало говорить. Он понимал, что надо ломать возникшее у собрания представление о его личной вине. Он все продумал, он твердо знал, что в самом начале должен удивить людей, а уж потом поворачивать их в нужную ему сторону. Он продумал все и все-таки боялся...

– Надо быть честным, – глухо, словно сквозь стиснутые зубы, сказал он. – Честным перед коллективом, перед своими товарищами. Тут одним признанием не обойдешься, тут нужно все как на ладони. В прятки играть с вами я не хочу и не буду.

Собрание насторожилось. Легкий говорок, летавший по залу, притих: слушали напряженно.

– Я виноват не столько в том, что вы знаете, сколько в том, что от вас скрыл! – вдруг выкрикнул Сергей.

Он прошел к президиуму и положил на стол горсть скомканных рублей.

– Что это? – удивился Пахомов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.